

ИТОГИ ПОКАЗАТЕЛЬНОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА С.-Р. И «ТЮРЕМНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ». СУДЬБЫ ПОДСУДИМЫХ, ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ И ПАРАДОКСЫ РЕАБИЛИТАЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРОЙ РФ В 1997–2001 гг. (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Итоги процесса следует рассматривать в нескольких плоскостях и с разной временной удаленностью от событий 1922 г., так как многие из неясных тогда тенденций определились окончательно лишь по прошествии времени. Судебный процесс над членами ЦК и «активными членами» партии социалистов-революционеров, состоявшийся в июне — августе 1922 г., стал хотя и кульминационным, но все-таки промежуточным этапом во взаимоотношениях эсеровской и большевистской партий. Достаточно указать хотя бы на то, что в отличие от общепринятых оценок 1922 г. не стал последним годом существования эсеровского подполья в Советской России и властям понадобилось еще несколько лет на его «добивание» (по меткому выражению начальника СО ГПУ Т. П. Самсонова)¹. Как уже отмечалось, дату прекращения существования ПСР в стране следует перенести с 1922 г. примерно на конец 1925 — начало 1926 г. — время исчезновения эсеровского руководящего российского центра — Центрального бюро ПСР.

Но дело не столько в этом, сколько в том, что процесс 1922 г. ни в каком случае нельзя рассматривать в отрыве от всего предшествующего ему, нарушая тем самым принцип историзма. И речь идет не только о событиях 1917 г. и гражданской войны, когда противостояние эсеров и большевиков достигло своего пика и протекало в самых острых формах (именно эти события стали ядром обвинения против эсеров и подробно рассматривались на предварительном следствии и на самом процессе). Само это противостояние имело глубокие корни, а его рассмотрение немислимо, с одной стороны, вне контекста взаимоотношений социал-демократов и эсеров, а с другой — без учета разной природы и концептуальных различий их доктрин. Собственно говоря, в процессе 1922 г., как в фокусе, собрались и отразились все весьма противоречивые тенденции почти полувековых взаимоотношений «друго-врагов» — марксистов и народников, и этот процесс следует рассматривать и как составную часть кампании большевиков, имевшей своей целью насильственно поставить точку в затянувшемся споре между марксизмом и народничеством. Еще раз подчеркнем, что процесс — лишь часть (хотя и весьма важная) долговременной и широкомасштабной кампании, начало которой мы обнаруживаем уже накануне и сразу после захвата большевиками власти в октябре 1917 г. Кампания эта имела как минимум две цели — во-первых, борьбу с эсерами как с крупнейшей и наиболее влиятельной политической партией, получившей право на власть по итогам выборов в Учредительное Собрание, что лишало большевиков главенствующего положения в определении судеб страны, к которому они так стремились. Устранение

эсеров с политического поля как опаснейшего конкурента стало для большевиков актуальной задачей, которую они окончательно решили лишь после физического уничтожения «носителей» идей и партийных функционеров к началу 40-х гг.

Достижение этой цели было невозможно без решения другой — дискредитации идей, принципов и практики ПСР, предлагавшей иную модель социалистического общества и другие пути и методы его построения. Борьба на этом направлении велась социал-демократами еще в 90-е гг. XIX в., получив особый размах после организационного оформления ПСР на рубеже 1901—1902 гг. Естественно, что подобная «идейно-дискредитационная» кампания приобретает иное качество начиная с 1917 г., когда речь пошла не столько о праве влияния на пролетариат и доминировании в социалистическом движении России, сколько о праве обладания реальной государственной властью. Начиная с захвата власти две эти цели на практике решались большевиками почти всегда одновременно (по крайней мере в первые годы), что важно подчеркнуть еще и потому, что многие десятилетия вопрос о причинах гибели оппозиционных партий (в том числе ПСР) трактовался однозначно — как результат, с одной стороны, «идейного банкротства» в глазах трудящихся, обративших свой взор на «единственно верное» учение и отвернувшихся от предателей их интересов, с другой разочарования рядовых членов этих партий в их программе и тактике. Значение репрессивных мер большевиков в гибели ПСР не отрицалось, но и не воспринималось с необходимой степенью серьезности, хотя, как нам представляется, их приоритетность для успешного решения властью задачи уничтожения политической оппозиции сомнений не вызывает. Традиционное отнесение на задний план роли репрессий привело к тому, что даже сегодня некоторые молодые историки делают упор на идейные, имманентные причины гибели эсеровской партии, заявляя о том, что «...единственной российской политической партией, не по букве программы и лозунгам, а по действиям, была партия большевиков». По мнению автора этого высказывания, «в голове не только В. М. Чернова, но и многих других политических эмигрантов не укладывалась мысль о том, что советский режим держится отнюдь не на штыках и плечах энкавэдэшников, а на поддержке большинства народа. Режим, созданный в СССР, соответствовал каким-то глубинным чертам русского национального характера, как положительным, так и отрицательным. <...> Все это не укладывалось в выработанную В. М. Черновым систему представлений о социалистическом обществе, которая сформировалась в русле западной политической парадигмы. Для него было характерно признание самоценности отдельной человеческой личности, незабываемости ее прав, а отсюда фетишизация и доведение до абсурда идеи демократии»².

Хочется указать автору, что прежде чем упрекать Чернова и других эмигрантов в «полном непонимании советской действительности» и «в фетишизации и доведения до абсурда идеи демократии», не грех было бы самому автору не демонстрировать, если сказать мягко, весьма специфические рассуждения о «плечах и штыках энкавэдэшников» и «поддержке большинством народа» режима в 20–30-е гг.

Характерно, что А. А. Федоренко не смягчил свое заявление, как часто делают более осторожные его собратья по духу, говоря, что-де, конечно же, «было и то, и другое» — было и насилие, были «штыки и плечи энкавэдэшников», но была поддержка и большинства народа. Похоже,

автор то ли отрицает, то ли не замечает сам факт подобного насилия (и довольно длительного), облеченного в формы «государственного террора», где, кстати, была задействована вся мощь самых различных государственных структур (совсем не только ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ). Однажды на ток-шоу «Культурная революция» ведущий передачи министр культуры М. Швыдкой спросил «прямо в лоб» лидера КПРФ Г. А. Зюганова — так были или нет репрессии? На что последовал ответ, в том духе, что мол, не знаю, в моей деревне их не было!

Впрочем, нельзя все сводить только к репрессиям 1936—1939 гг., как это зачастую делается. Проблема шире — и тематически и хронологически; она в феномене «государственного террора», к которому прибегли большевики, захватив власть и пытаясь ее удержать, а потом, войдя во вкус, отлили ее в стройные организационные и «идейные» формы. Вот что еще в 1920—1923 гг. (книга вышла в Германии в 1931 г.) написал в своей книге левый эсер И. Штейнберг (нарком юстиции во время «брака по расчету» большевиков и левых эсеров в конце 1917 — начале 1918 г., эмигрировавший затем из России, который точно, емко и провидчески писал о сути и логике государственного террора): «Террор вовсе не отдельная акция, не изолированное случайное, пусть и повторяющееся, выражение гнева правительства. Террор это система <...> созданный и легализованный режимом план массового принуждения, массового устрашения, массового уничтожения. Террор — это выверенный перечень наказаний, репрессалий и угроз, с помощью которых правительство запугивает, соблазняет и принуждает выполнять свою волю. Террор — это тяжелый, удручающий покров, сброшенный сверху на все население страны, покров, сотканный из недоверия, потаенной бдительности и жажды мщения. Кто держит этот покров в руках, кто с его помощью держит в руках все население страны, без исключения? <...> В условиях террора власть находится в руках меньшинства, печально известного меньшинства, сознающего его изолированность и боящегося ее. Террор существует именно потому, что правящее меньшинство усматривает врагов во все большем числе индивидов, групп и слоев общества. <...> Этот собирательный «враг Революции» мало-помалу разрастается, охватывая саму Революцию. <...> Понятие это мало-помалу расширяется и в конце концов включает в себя страну, все ее население, «всех, за исключением правительства», и тех, кто с ним непосредственно сотрудничает»³.

Рассуждения А. А. Федоренко о том, что «режим, созданный в СССР, соответствовал каким-то глубинным чертам русского национального характера, как положительным, так и отрицательным», производят впечатление чего-то недодуманного и недоговоренного. Самое любопытное, что в этом с автором можно отчасти (но только отчасти!) согласиться. В этом утверждении слышится мотив знаменитой фразы «Каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает». Наверное, любой режим соответствует каким-то глубинным чертам национального характера, как положительным, так и отрицательным. Наверное, режим, установленный нацистами в Германии в 1933 г., также соответствовал каким-то глубинным чертам немецкого национального характера, как положительным, так и отрицательным. Но автор обходит полным молчанием такой вопиющий факт, что в России сотни тысяч (чтобы не сказать — миллионы) людей считали неприемлемым для себя большевистский режим и с оружием в руках дрались с ним в годы гражданской войны. Он игнорирует достаточно очевидный факт, что власти раскрутили маховик репрессий в 30-е гг. до невероятных размеров, потому что боялись собственного народа (по крайней мере, части его).

Ни в коей мере не отрицая энтузиазма и воодушевления у миллионов людей (особенно у молодежи), все же нельзя всерьез исходить (как советский агитпроп той поры), из того, что все население страны (за исключением разного рода врагов и вредителей), «в едином порыве», «как один человек», радостно шло за «великим Сталиным», «за родной коммунистической партией» к «светлому будущему». Говоря о положительных и отрицательных сторонах русского национального характера, следует отметить, что они, безусловно, есть у любого народа, но отнюдь не каждое правительство, эксплуатируя отрицательные стороны национального менталитета и характера, заходит так далеко (спасая себя), разжигая самые темные страсти и инстинкты, стравливая бедных и богатых крестьян, рабочих натравливая на интеллигенцию и на крестьянство, «красных профессоров» натравливая на «старых спецов», русских — на евреев-космополитов и т. д. и т. п.

Вполне можно согласиться с точкой зрения историка А. И. Юрьева, писавшего о механизмах организации и проведения «ликвидационного» Всероссийского съезда бывших с.-р. в 1922–1923 гг. и констатировавшего: «Используя различные методы, но прежде всего за счет применения репрессивных мер, коммунистическая партия завершала ликвидацию своих политических оппонентов»⁴.

Не умаляя значения идейных разногласий, которые были важным источником отдельных неудач партии эсеров в борьбе за власть и многих внутрипартийных проблем, мы не можем говорить об идейном кризисе как главной причине политической смерти ПСР. Более того, сегодня мы знаем, что к углублению идейного кризиса и усилению фракционной борьбы было приложено немало совместных усилий партийных и чекистских органов. Кроме того, как представляется, не следует смешивать разные явления. Да, действительно, в 1917 г. ПСР была формально единой, но внутри нее шла острая борьба различных фракций, закончившаяся отколом от нее левых эсеров и созданию отдельной ПЛСР. Идейные разногласия и фракционные разногласия не прекращаются и в 1918 г. и в 1919 г., отливаясь в довольно яркие формы (достаточно указать на противоборство В. М. Чернова и Н. Д. Авксентьева (и стоящих за ними единомышленников) во времена Комуча и Уфимской директории летом–осенью 1918 г.). И хотя, т. н. правые течения в эсеровской партии (они связаны не только с именем Н. Д. Авксентьева и И. И. Фондаминского, но и Е. К. Брешковской, А. Ф. Керенского, А. А. Аргунова и др.) не хотели уходить из партии и создавать собственные организационные структуры, ожесточение во фракционной борьбе было сильным, о чем свидетельствует хотя бы история с исключением из партии Н. Д. Авксентьева и И. И. Фондаминского российским партийным руководством (и возврат к этой, казалось бы, урегулированной проблеме членов ЦБ ПСР уже во время процесса и раскол по этому вопросу). Но группа «Народ», позже назвавшая себя меньшинством ПСР, вставшая на левые позиции, пошла по пути создания собственных организационных структур, оформив и организационно достаточно серьезные идейные разногласия. Безусловно, В. М. Чернов был прав, когда в 1921 г., обращаясь к единомышленников Н. Д. Авксентьева и И. И. Фондаминского, указывал, что по отношению друг к другу они варвары, говорящие на разных языках. Таким образом, значительные идейные разногласия, острая фракционная борьба и даже организационное обособление частей некогда единой партии (ПЛСР, МПСР) — безусловно факт.

Но, как представляется, это вовсе не означало ни краха неонароднической идеологии и мирозозерцания в целом, ни отрицания потенциальной возможности существования нескольких неонароднических партий вместо единой ПСР. Большевики (а затем и советская историко-партийная историография) в совершенно понятных корыстных целях преувеличивали возможные последние кризисных явлений в эсеровской среде, которые вели вовсе не к исчезновению эсеровской идеологии и эсеровских организационных структур, а к их трансформации и появлению новых идеологов (они уже вполне сложились) и новых организационных форм. Представляется, Э. Вандервельде был не далек от истины, когда на свидании с обвиняемыми 1-й группы в июне 1922 г. (разговор был подслушан чекистами) прогнозировал уже на второй день после легализации партии ее массовость, обретение статуса мощной политической силы в стране. Если мы гипотетически допустим возможность падения большевистского режима в 20-е гг. и легализации политических партий, то с очень большой долей уверенности можно предположить, что усилия сохранившихся партийных кадров были бы воссозданы партии эсеров (центристы и левоцентристы), левых эсеров, партии меньшевиков, организации максималистов и анархистов, возможно ТНСП и МПСР. Создание в будущем более «правой» парламентской неонароднической партии ярко выраженного реформистского характера, ориентировавшейся на коалицию с кадетами (и в руководстве которой были бы люди подобные Н. Д. Авксентьеву, И. И. Фондаминскому, Е. К. Брешко-Брешковской, А. А. Аргунову, А. Ф. Керенскому) представляется более чем вероятным.

Ведь феномен Февраля 1917 г., когда некоторые политические партии возродились, подобно птице Феникс, вполне мог повториться и позже в момент дестабилизации и краха режима. Это возрождение, впрочем, было возможно при наличии как минимум трех условий:

- 1) сохранение партийных кадров (пусть и рассеянных по тюрьмам, ссылкам и эмиграции), способных легко воссоздать партию;

- 2) привлекательности проповедуемых ею идей;

- 3) привлекательности партии для разных социальных групп и классов.

Поэтому, если возрождение, скажем, вышеперечисленных партий и организаций в случае гипотетической гибели режима в начале 20-х гг. было более чем вероятно, то к началу 30-х оно было бы весьма осложнено теми стереотипами и ярлыками, которыми их «украсили» большевики, а к началу 40-х и особенно 50-х стало бы уже просто невозможным. Необходимо подчеркнуть, что даже уничтожив последних эсеров, меньшевиков, анархистов (уцелели буквально считанные единицы), власть еще многие годы «разоблачала» их идеи, «предательскую» сущность и т. п., работая «с запасом прочности» в создании крайне непривлекательного образа. Излюбленные в советской историографии термины, применявшиеся к оппозиционным партиям — «идейное банкротство» и «идейный распад», использовались весьма щедро, пряча реальный механизм уничтожения этих партий. Еще раз подчеркнем, что отрицать выдающуюся роль репрессии в уничтожении нелегальной партии (учитывая отечественный опыт) просто невозможно.

Впрочем, перегибать палку в другую сторону и видеть лишь одно насилие было бы неверно. Задачи по пресечению деятельности оппозиционных организаций облегчались для власти целым рядом факторов, многие из которых ярко проявились уже после поражения революции 1905—1907 гг., когда большинство партий, ставших в эти годы массовыми,

резко деградировало и влачило жалкое существование. Тогда многое свидетельствовало об организационной слабости партий, политической и гражданской незрелости большинства их членов, да и большинства населения страны, оказавшегося втянутым в большую политику⁵. Невозможность сколько-нибудь длительного существования нелегальной массовой партии в подобных условиях при активной репрессивной политике властей достаточно очевидна.

Как показывает анализ, по сравнению с 1907—1910 гг. в 1918—1925 гг. условия существования ПСР как организационной единицы ухудшилась по нескольким параметрам. Во-первых, репрессии властей достигли совершенно нового уровня и качества, будучи направленными уже не только против самих эсеров, но и против сочувствующих им и даже членов их семей. Это позволило чекистам добиться того, о чем жандармы могли только мечтать — «вычистить» и «изолировать» всю социальную среду, без поддержки и помощи которой ни эсеры, ни меньшевики существовать не могли. Во-вторых, политическая жизнь страны столь стремительно и парадоксально изменилась, что для многих социалистов камнем преткновения стали старые неизжитые стереотипы (коммунист лучше и приемлемее белого офицера), не позволявшие им адекватно оценить реальность, переосмыслить свое привычное миропонимание, правильно определить свое место на новых баррикадах в братоубийственной войне. Естественно, что обострились идейные расхождения и дезориентация в эсеровской среде, что выразилось, например, в колебаниях и «соглашательстве» многих эсеров с большевиками и их властью (большевики социалисты, а Советская власть власть трудящихся). Это приводило к тому, что многие эсеры, дезориентированные всем происходящим, предпочли уйти в личную жизнь и профессиональную деятельность (часть из них дала «подписки» и объявления в газеты о своем несогласии с программой и тактикой ПСР, иные, ничего «не подписав», дистанцировались от власти, к которой явно относились без симпатий), другие уходили к коммунистам (некоторые становились довольно ярко выраженными ренегатами и даже провокаторами), получая моральное и политическое оправдание, чего раньше они были лишены.

В-третьих, осведомительство и провокация (важнейший инструмент политической полиции) также достигли гигантских масштабов и изменились качественно. Чего стоит только закладывание всеохватной осведомительской сети в московских вузах в мае — июне 1922 г. из расчета два осведомителя на курс! В-четвертых, пропагандистский прессинг властей, внедрявших в сознание миллионов людей образ «врага народа», усилился по сравнению с царскими временами многократно и также приобрел новое качество. Все это в совокупности и сделало неизбежным гибель ПСР, как впрочем, и всех остальных партий.

Пытались чекисты дотянуться и до эсеровской эмиграции. Об этом свидетельствует, например, протокол состоявшегося 23 августа 1922 г. совместного совещания СО ГПУ и ИНО ГПУ по вопросу «о ликвидации работы правых с-р за границей». На нем шла речь о необходимости выявлять каналы связи заграничных эсеров с Россией, посылать за границу осведомителей, развертывать за границей силами ИНО ГПУ газетные кампании против эсеров и осуществления некоторых других мер (п. 5 и б), содержание которых было засекречено даже в этом документе с грифом «совершенно секретно»⁶.

Все это было составными элементами кампании против социалистов, дивившейся как минимум два десятка лет, и процесс 1922 г. был лишь ее эпизодом. Сама же кампания, в свою очередь, была зримым, своего рода

организационным проявлением более широкого исторического явления — противостояния большевиков и социалистов, оставшихся верными идеям свободы и демократии как основы, «души» социализма; противостояния «тоталитарного» и «демократического» вариантов социализма, чьи последствия и итоги частью определились сразу, а частью — десятилетия спустя. Безусловно, осмысление итогов этого противостояния, как и воссоздание всего исторического полотна разных его форм и фаз — задача будущего. Но некоторые из своих соображений мы выскажем, поставив в центр рассмотрения процесс 1922 г., чьи итоги и последствия нуждаются в интерпретации, исходя из трехуровневого временного подхода, с учетом текущих, непосредственно выявившихся в ходе процесса и после него и последствий долговременного характера.

Текущие (кратковременные) последствия охватывают период примерно до середины 20-х годов, до исчезновения эсеровского подполья и ареста всех сколько-нибудь активных эсеровских элементов. Представляется, что, сделав центральной осью «идейно-дискредитационной» кампании крупный, показательный гласный (точнее, полугласный) процесс, власти не до конца спрогнозировали результаты этого своего выбора. А ведь вполне были возможны и альтернативные варианты. Для «идейно-дискредитационной», или проще говоря пропагандистской кампании, нужны были информационные поводы, но их можно было найти довольно много. Безусловно, грандиозный и гласный судебный процесс представлялся властям самым эффективным и эффективным способом для решения поставленной задачи. Годом позже Н. В. Крыленко высказался весьма афористично: «Дубина — примитивное оружие, винтовка поэффективнее, но самое эффективное — это суд»⁷.

Как и в случае с «петиционной кампанией», использовавшейся раньше как средство борьбы оппозиции против власти, большевики революционную традицию «бросания правды» со скамьи подсудимых в лицо судей зеркально перевернули. По меткому выражению М. Янсена, «новым было то, что большевики, уже будучи правительством, бросали «правду» в лицо обвиняемых, чтобы привлечь на свою сторону и запугать людей»⁸.

Думается, что большевиков подвела склонность к гигантомании и ярким формам, помноженная на чрезмерную уверенность в способности справиться с любой поставленной задачей («нет таких крепостей, которые не сумели бы взять большевики»). Вполне вероятно, что если бы власти без спешки поставили и провели в течение одного-двух лет 5—10 эсеровских процессов как в различных городах на «местном» материале («Комуч», «антоновщина», «поддержка Деникина», «кронштадтский мятеж», «поджоги нефтяных вышек в Баку» (этот процесс был проведен в 1922 г. и закончился для многих его участников расстрелами) и т. д.), так и в Москве (террористическая деятельность в 1918 г., иностранная помощь ПСР и т. п.), то и пропагандистская машина получила бы вполне достаточно информационных поводов, и многих неприятных последствий и неожиданностей удалось бы избежать или, по крайней мере, серьезно их сгладить.

В этом контексте крайне интересен и важен вопрос об «эсеровских» предтечах процесса 1922 г. Первый опыт проведения судебного процесса над с.-р. с вынесением им смертного приговора был проделан почти за год до проведения «московского процесса». Руководители и активные деятели тамбовской организации, находившиеся с 1920 г. в Бутырской тюрьме, были в 1921 г. отправлены в Тамбов и преданы суду революционного трибунала, вынесшего или смертные приговоры за руководство

«антоновщиной». По этой же схеме в марте 1921 г. ряд членов ЦК и видных эсеров был из Москвы отправлен в Сибирь, где им инкриминировали создание «Сибирского Крестьянского союза» и восстание крестьянства в западной Сибири. Им также грозила смерть, о чем чекисты прямо говорили члену ЦК ПСР и руководителю иркутского Политцентра Ф. Ф. Федоровичу.

1 июля 1921 г. Центральное Организационное Бюро ПСР отправило заявление ультимативного характера по следующим адресам: «Президиум ВЦИК, Совнарком, Реввоенсовет Республики, Ревтрибунал Особой Армии (Тамбов) и Сибчека». Заявление гласило: «По поступившим в Центральное Организационное Бюро партии социалистов-революционеров сведениям, члены партии Бондаренко, Данковский, Алпатский и др., арестованные около года назад в Тамбове, свозятся ныне из различных тюрем, куда они были высланы вместе со всеми социалистами, в Тамбов, где предаются суду Реввоентрибунала, по обвинению в идейном руководительстве и в связи с повстанческим движением.

Точно так же высланы в Сибирь, по-видимому, с той же целью члены партии Герштейн и Федорович (оба члены ЦК), Тарабукин, Габель, Свирская, Горохов, Рукавишников, Пузырев, Дзела-Жилинский, Табанакон.

Тов. Федоровичу на допросе следователь ВЧК г-жа Бройде заявила даже, что его „постановили расстрелять за участие в Крестьянском Союзе“.

Органам Советской власти достаточно хорошо известно, что ни партия в целом, ни перечисленные выше товарищи никакого участия в Тамбовском и Сибирском повстанческом движении не принимали и связи с ним не имели. Желание квалифицировать имевшие место в отдельных случаях факты информирования партийных товарищей о характере движения, является плохо придуманной провокацией, имеющей целью поставить под угрозу жизнь отдельных членов партии. Предание Тамбовских товарищей суду Реввоентрибунала Особой Армии, после приказа Комиссии ВЦИК, опубликованного в тамбовских „Известиях“ от 11 июня, приобретает характер непосредственного посягательства на их жизнь.

Центральное Организационное Бюро партии социалистов-революционеров заявляет, что все перечисленные выше товарищи, равно как и все арестованные члены партии, находятся под защитой партии, и что гарантией сохранения их жизни, их неприкосновенности является личная ответственность руководителей органов советской власти, которым адресуется настоящее заявление»⁹. 4 августа 1921 г. нач. СО ГПУ Самсонов, отправляя это заявление В. Р. Менжинскому и в копиях — Ф. Э. Дзержинскому, И. С. Уншлихту, сопровождал его следующими предложениями: «Считаю, что в ответ на это заявление необходимо принять следующее решение:

1. Опубликовать заявление в нашей правительственной печати с особым правительственным предупреждением о том, что **за малейшие попытки со стороны эсеров применить против нас террор мы ответим им массовым красным террором** (выделено нами — К. М.).

2. ТАМБОВЦЫ: ДАНКОВСКИЙ, БОНДАРЕНКО и др. по показаниям тамбовца-бандита Фетискина принимали активное участие в организации Антоновщины, при чем мы имеем подлинник показаний Фетискина с головой обличающих указанных тамбовцев в бандитизме. Это показание ФЕТИСКИНА также опубликовать, что вскроет подлую ложь ЦОБ ПСР (правых) и что если после всего этого они посмеют поднять против нас руки, то понесут от Советского Правительства заслуженную им кару.

3. Мы должны привлечь членов Чека ПСР к ответственности за участие в бандитизме, опираясь на их же заявление в той части, где они указывают, что члены их партии, в том числе тамбовцы-бандиты, находятся под их покровительством.

4. Дать задание всем органам Чека принять своевременно нужные предохранительные меры»¹⁰.

Творец «дела Сибирского Крестьянского Союза» И. П. Павлуновский писал в Президиум ЦК 19 ноября 1921 г.: «Члены ЦК Федорович, Герштейн и член Сибирского Областного комитета с.-р. Кудрявцев показали, что программа, на которую ссылаются эсеры, члены инициативной группы Сибирского крестьянского союза, отнюдь не составлена на основании постановления ЦК партии о работе в деревне, а ФАЛЬСИФИЦИРОВАНА под программу с.-р.» (См. протокол допроса Кудрявцева, Герштейна и Федоровича 17 ноября 1921 г.).

Такое заявление членов ЦК партии с.-р. есть признание, что программа Сибирского Крестьянского Союза — программа партии с.-р.

Сибирский же крестьянский союз находился в связи не только с белогвардейскими организациями, но и с Красноярским Крестьянским Союзом (показание Игнатьева)¹¹.

Но дело Сибирского Крестьянского союза не дало самостоятельного процесса. Его материалы были присоединены к обвинительному материалу московского процесса. Слушание дела о Сибирском крестьянском союзе закончилось полным фиаско для властей — фальсификация дела сибирскими чекистами стала очевидной даже для большевиков. Это видно как из ряда монологов на самом процессе, так и из письма А. В. Луначарского Л. Д. Троцкому и Л. Б. Каменеву, который находясь под впечатлением этого провала восклицал: «Я прекрасно знаю, что с.р., хотя и не рационально и в незначительной мере, но все способствовали крушению Колчака, после того, как он наплевал им в глаза. Я прекрасно понимаю, что извлечь что-нибудь для нас полезное из этого сибирского периода будет нельзя. Единственным свидетелем того, будто бы с.р. организовали в Сибири в партийном порядке беспартийные крестьянские союзы, которые выступали де против Советской власти, было показание Игнатьева. Игнатьевские показания, однако, оказались чрезвычайно слабыми и четыре заседания, убитые на расследование этого периода во первых дали возможность с.р. шегольнуть революционной работой, во вторых, показания Игнатьева предстали настолько в неблагоприятном свете, что по словам защитников левая группа подсудимых хотела после них официально отмежеваться от Игнатьева, как шкурочника и выдумщика, марящего их своим соседством, и только с большим трудом удалось их от этого отговорить. Был и целый ряд других неприятных инцидентов за эти два дня, о которых более подробно может сказать Шубин, который, как юрист легче, чем я разбирается в этих маленьких, но досадных промахах. В общем же можно сказать, что на благополучном для нас фоне процесса эти два сибирских дня (суббота и понедельник) были прямо для нас неудачны»¹².

Фальсификация «тамбовского», «сибирского» и чуть позже «бакинского» дел сомнений не вызывают. Рассматриваясь они хотя бы на таком полугласном процессе, как «московский» процесс — их тенденциозность и фальсификация обязательно вылезли бы наружу

Таким образом, напрашивается вывод, что процесс с.-р. 1922 г. был уже подготовлен предшествующей практикой. Как нам представляется, и «тамбовское дело» и дело «Сибирского крестьянского Союза» были пер-

вой пробой чекистского пера в освоении этого жанра. Фактически далее мысль и «способы работы» чекистов пошли уже проторенными путями. Более того, анализируя докладную записку Самсонову, мы видим переключку с тем, какое решение приняло Политбюро 8 августа 1922 г. в качестве способа предотвращения террористического возмездия за расстрельных товарищей — угроза заложничеством (как одной из форм «массового красного террора»). Правильнее было бы сказать, не просто переключку, а опору на тот опыт, который и был проделан летом 1921 г., опыт, показавший, что эсеры в условиях угрозы расстрела ни в чем не повинных своих товарищей не способны на применение террора. Фактически, можно сказать, что чекисты и власти опытным путем уже в 1921 г. нашли способ нейтрализовать угрозу эсеровского террора, обратившись к арсеналу мер, которые за несколько лет до этого в России считались уделом или инквизиторов или колонизаторов.

Насколько удачной и оптимальной оказалась выбранная властями форма гласного, публичного процесса для реализации поставленной цели? В чем они просчитались и что вовремя не увидели?

Постановка подобного процесса уже на стадии предварительного следствия в силу объективных условий (колоссальность масштаба событий и количества вовлеченных в них людей) требовала много времени и множества высокопрофессиональных следователей. Но в условиях дефицита следователей с юридическим образованием и квалификацией, достаточной для того, чтобы их дела не развалились на гласном процессе, а также в условиях дефицита времени, отведенного на предварительное следствие (следствие ГПУ — чуть более полутора месяцев, следствие Верхтриба — чуть более месяца), постановка такого грандиозного процесса была чревата цепью провалов уже во время судебного слушания.

Спешка, стремление к эффективности, без продумывания возможных последствий ярко проявилось в следующем эпизоде, имевшем место уже в ходе судебных слушаний, когда обвинитель А. В. Луначарский потребовал привлечь в качестве свидетеля Ю. В. Ключникова — небезызвестного редактора журнала «Смена вех». О том, почему Луначарский потребовал привлечь к участию в процессе Ключникова, можно только гадать, но мы вряд ли ошибемся, если предположим, что по той же самой логике, по которой в список обвиняемых власти помимо эсеров включили видных деятелей из других партий — Милюкова, Мартова и др. В этом странном, с точки зрения логики, шаге, не было ничего странного с точки зрения политических интересов, преследуемых большевиками на этом процессе. И не важно, что ни Ключников к эсерам, ни эсеры к нему не имели ни малейшего отношения, главное, что вывод в качестве свидетеля по делу эсеров столь неоднозначной фигуры (как в глазах советского обывателя, так и в глазах подавляющей части антибольшевистской оппозиции, особенно ее социалистического спектра) позволял бросить тень и на эсеров. Фактически это было действие по классическому сценарию, о жертвах которого говорят «То ли он украл, то ли у него украли... В общем грязная история!».

Но абсурд ситуации заключался в том..., что Ключников абсолютно ни с кем из подсудимых не был знаком, и с эсеровской партией вообще в своей политической деятельности не пересекался! Ключников, который находился в Москве и был допущен в зал суда, направил Г. Л. Пятакову паническое письмо, в котором всячески пытался доказать, что привлечение его на процесс с.-р. в качестве свидетеля, как об этом было заявлено в первый же день процесса обвинителем Луначарским, чревато

дискредитацией и суда и его самого. Письмо Ключникова содержало три группы доводов, почему не следует его привлекать на процесс¹³, и завершалось ходатайством освободить его от обязанности выступать в качестве свидетеля на процессе: «<...> сопоставляя, с одной стороны, совершенно ничтожную пользу, которую мои показания принесли бы суду по делу с.-р., а с другой стороны — серьезные последствия, которые имело бы для меня мое выступление в качестве свидетеля, я почтительно ходатайствую об освобождении меня от обязанности дачи свидетельских показаний. Прежде, чем обратиться к Вам с этим ходатайством я изложил мотивы его А. В. Луначарскому, который сообщил мне, что со своей стороны он не имеет никаких возражений против удовлетворения этого моего ходатайства и уполномочил меня сослаться на него в усилении его»¹⁴. По всей видимости, отказ Луначарского от своего поспешного желания видеть Ключникова в качестве свидетеля обвинения и приведенные последним, более чем убедительные аргументы (которые должны были бы прийти в голову Луначарскому до того, как он сделал свое заявление), убедили Пятакова, и на том дело и кончилось.

На процессе вскрылись не только всякого рода мелкие изъязны предварительного следствия, но и многочисленные случаи прямой подтасовки и фальсификации фактов, давления на обвиняемых и свидетелей, что не только обесценивало сам процесс и не позволяло властям достичь нужного эффекта, а, напротив, серьезно било по их авторитету, создавая очень серьезную проблему. Уместно отметить, что, решая в авральном порядке эту проблему (потребовалось ограничить гласность процесса, для чего обеспечить подбор публики, невыдачу адвокатам стенограмм, цензуру в прессе и т. д.), власти этим создавали ряд новых проблем, поневоле запустив в действие «принцип домино».

Использование для суда над ПСР такой формы, как открытый, гласный процесс, порождало для властей массу проблем юридического характера. Устройство суда над политической партией не имело в юриспруденции прецедентов и соответствующих юридических механизмов. Для достижения поставленных задач пришлось очень многое корректировать в привычной и устоявшейся структуре и процедурах открытого и гласного процесса. Так, например, насколько известно, в первый раз в отечественной и европейской практике применялась конструкция из двух групп обвиняемых, сидевших на разных скамьях подсудимых, имевших каждая свою группу адвокатов (причем защитники 2-й группы обвиняемых не были юристами, а являлись видными государственными и политическими деятелями, выступавшими с отдельными заявлениями не только по процессуальным вопросам).

Другим проявлением «юридической» уязвимости процесса стала странная для постороннего наблюдателя картина кардинальной перетасовки числа и состава обвиняемых. Эта перетасовка длилась с февраля 1922 г. практически до самого начала процесса, причем далеко не все предпринятые властями в этом направлении шаги могут быть нами объяснены — до сих пор логика части их действий неясна.

Даже тщательно проведенное следствие не решало всех проблем, которые перед организаторами ставил гласный процесс, требовавший на разных уровнях гласности и открытости, состязательности сторон. Гласный процесс затруднял для большевиков уклонение от этого, так как существовали четкие и общепризнанные юридические процедуры и нормы. Власти недооценили то, что соблюдение этих процедур рождает для них серьезные проблемы, а их обход и спешное конструирование новых

разоблачает их (особенно в глазах европейской общественности, способной оценить подобные «нововведения»). Так, например, выбранная форма гласного, открытого процесса требовала допуска в зал суда родственников и всех желающих. Пойти на это было невозможно, во-первых, потому, что сочувственно настроенная публика могла бы легко превратить процесс в публичную политическую демонстрацию, а во-вторых, сделала бы все происходящее достоянием гласности (от гектографированных листовок до слухов). Первое для большевиков было невозможно, так как по их сценарию публика в зале (как и весь народ) должна была осуждать эсеров как изгоев и поддерживать расправу над ними. Второе все равно не получилось в нужной степени. Вынужденно пустив родственников в зал суда, власти немедленно пострадали от утечки информации (и это несмотря на то, что за родственниками, как и за адвокатами установили наружное наблюдение и прослушивали их телефоны), а подбор остальной публики провели предельно неудачно и непродуманно, что сразу бросилось в глаза и иностранным защитникам. Действительно, взяв огромный зал и набив в него почти две тысячи коммунистов, да еще потом в связи с затяжкой процесса вынужденных проходить ротацию (об этом можно судить по одному из высказываний Г. Л. Пятакова, призывавшего публику к порядку) этой весьма специфично выглядящей и ведущей себя аудитории (порой, как на партсобрании или митинге), власти не догадались (да еще и не научились) подбирать публику из разных социальных страт, так чтобы она выглядела как можно ближе к «настоящей». Уместно отметить, что во второй половине июля на утренние заседания приходило крайне мало публики и заседания шли в полупустом зале, а к вечеру зал постепенно заполнялся, будучи набит до отказа во время выступлений видных коммунистических деятелей, принимавших участие на процессе в самых разных качествах. В целом можно сказать, что подобранная «коммунистическая публика» позволяла решать ряд задач, но серьезно портила впечатление от процесса.

Прежде всего публика была использована для давления на подсудимых 1-й группы, что было необходимо властям в силу того, что гласный процесс не давал им необходимых рычагов для манипуляции подсудимыми 1-й группы («подготовили» и «запрограммировали» на предварительном следствии только подсудимых 2-й группы). Более того для давления и запугивания обвиняемых 1-й группы власти были вынуждены пойти на приглашение представителей рабочих и устройство 20 июня 1922 г. в зале суда митинга, где требовали расстрела всех подсудимых. Эта выходка произвела на Западе грандиозное впечатление своим средневековым характером, но была-то она предпринята большевиками, терявшими контроль за ситуацией, пожалуй что и вынужденно. Это была отчаянная попытка властей сломить и заставить каяться хоть одного-двух человек из 1-й группы.

Сценарий гласного суда требовал выступлений подсудимых и публикации стенограмм процесса, но выведя на процесс 22 нераскаявшихся обвиняемых 1-й группы, власти явно не подумали, в какую ловушку себя загнали. Не давать им слова, заткнуть им рот было невозможно (и без того приходилось десятки раз прерывать и лишать слова подсудимых, когда их критика большевиков становилась для последних нестерпимой), но и предавать гласности их речи тоже было невозможно. Если бы подсудимые, действительно, были изгоями и отщепенцами, а их речи не находили бы сколько-нибудь серьезного отклика в массах, то не было бы проблемы. Но в том-то и дело, что их критика большевиков была весьма

острой и точной, а их аргументы весьма убедительны. Предавать все это гласности было бы для режима самоубийственным шагом, так как это значило предоставить эсерам за свой счет огромную и благодарную аудиторию. Кроме боязни идей и критики, большевики не могли позволить демонстрировать подсудимым всему миру свою мужественность и несибаемость. Власть явно не продумали, какой эффект для них будет иметь «нераскаянность» подсудимых (больше таких ошибок власти не делали). В высшей степени интересна история о том, как с предложением бывшего эсера В. А. Чайкина (выступившего с разоблачениями эсеровской партии) издавать полные стенограммы процесса без изъятия в независимом издательстве согласился сначала председатель Верховного революционного трибунала, а затем и Президиум ВЦИК. Но 16 мая 1922 г. на четвертом заседании комиссии Политбюро РКП (б), на котором присутствовали «гг. Троцкий, Каменев, Бухарин, Дзержинский, Луначарский, Малкин, Крыленко», было решено — «Просьбу с-р Чайкина о печатании стенограмм отклонить»¹⁵. Примечательно, что на всех предыдущих протоколах комиссии стоял только гриф «Совершенно секретно», а на этом протоколе, появился еще и весьма необычный гриф — «Хранить конспиративно»¹⁶. В этой ситуации Президиум ВЦИК отменил свое решение¹⁷.

Можно сказать, что «тройка Политбюро» проявила большую прозрачность, понимая, что им не удастся удержать под контролем подсудимых 1-й группы и полные стенограммы процесса станут отражением не только побед власти на процессе, но и ее поражений (так и произошло). В результате несмотря на обещания стенограммы процесса так и не были изданы. Подневные же информационные сводки, печатавшиеся в центральной прессе, содержали неполную или препарированную информацию. Но то, что годилось для «внутреннего» потребления, не годилось для «внешнего». Большевики не могли дать иностранным защитникам подневных стенограмм, но в результате столкнулись с отказом последних от защиты.

Вообще договоренности делегации Коминтерна с представителями Интернационалов о проведении гласного процесса (присутствие иностранных защитников-социалистов, печатание стенограмм) явились неприятным сюрпризом для организаторов и вдохновителей процесса, которые, начиная с В. И. Ленина, всячески пытались если и не отказаться от взятых на себя в Берлине обязательств, то хотя бы максимально их выхолостить. Во избежание недоразумений, еще раз подчеркнем, что правильнее было бы называть процесс не гласным, а полугласным. Несмотря на вполне понятное желание власти сделать его закрытым, это было чревато большими политическими и пропагандистскими проигрышами, а потому разными ухищрениями и манипуляциями, сохраняя всю атрибутику гласного процесса, власти попытались создать некую комбинированную систему, в которой плюсы гласного судебного слушания для них были максимально использованы, а минусы — сведены к минимуму (это удалось только отчасти).

Власти явно не продумали и недооценили степень опасности для себя и проблему управляемости адвокатов 1-й группы подсудимых. Как уже отмечалось, из сообщений агентуры ИНО ГПУ, перехваченных писем ЦБ ПСР в ЗД ПСР и скопированного агентурой письма В. М. Зензинова к А. Ф. Керенскому властям было известно, что российское ЦБ ПСР пригласило для участия в процессе виднейших русских политических защитников, а Зензинов просил Керенского составить юридическую диспозицию защиты (в этом участвовали и другие юристы-эсеры) для сообщения

ее подсудимым 1-й группы и их русским адвокатам, и иностранным защитникам-социалистам. Но главное, что одно только то, что русские адвокаты просто честно и профессионально исполняли свои обязанности, превратилось для организаторов процесса в весьма серьезную проблему. Ведь подобрав состав суда, обвинителей, части свидетелей и даже публики в зале, а также избежав неприятного для себя участия в процессе «политических» защитников из числа эсеров-эмигрантов и адвокатов-меньшевиков, власти, похоже неожиданно для себя, столкнулись с проблемой в лице «цензовых» адвокатов, чья профессиональная и честная работа стала всерьез мешать реализовывать поставленные цели.

После скандала с иностранными защитниками-социалистами (они отказались от выполнения своих обязанностей, поняв, что своим присутствием лишь придают видимость законности тому действию, которое являл собой процесс с.-р., а власти запретили им отказываться от защиты и уезжать за границу, в результате чего иностранцы объявили голодовку и только сутки спустя смогли покинуть Россию), российские адвокаты, желая покинуть зал суда после митинга 20-го июня, окончательно лишали большевиков важнейшего атрибута открытого процесса — состязательности сторон, а начав их запугивать и трактуя их отказ как уголовное деяние, власти выставляли себя в весьма неприглядном виде.

Необходимо отметить, что судебный процесс с.-р. с первого дня — с заявления 1-й группы подсудимых и их защитников, указавших на серьезные и многочисленные нарушения закона и процессуальные нормы, и до конца, прошел под рефреном-требованием к власти, который много лет спустя, независимо от них повторили диссиденты — «Выполняйте собственные законы». Важно, что подсудимые эсеры в своей аргументации требования отвода суда не ограничились только формально-юридическим аргументами, но и попытались заговорить на одном языке со своими судьями, используя для доказательства своей правоты авторитет общего и для эсеров и для социал-демократов учителя, Карла Маркса. Возникла весьма интересная ситуация, когда с одной стороны, Гендельман говорил о признании Маркса одним из учителей эсеров, с другой стороны, Пятаков пытался вернуть разговор в сугубо формальное русло, уклонясь от разговора по существу проблемы, указывая, что судят ЦК ПСР, а не Бонапарта, о котором писал Маркс¹⁸.

Но разговора на одном общем языке подсудимых-эсеров и обвинителей-коммунистов, судей-коммунистов и коммунистической публики не получилось. Вряд ли мы ошибемся, предположив, что большинство коммунистов в зале, действительно, впервые услышали о том, что Карл Маркс был одним из учителей эсеров, да и Бонапарт с «Обществом 10 декабря» им мало что говорили. Эти коммунисты, вступившие в партию в 1917–1920 гг. не понимали того языка, который еще совсем недавно был общим для эсеров и социал-демократов-большевиков, потому, что «культурный код» у них был иной. Именно поэтому публика смехом встречала слова об общем учителе Марксе, так как они казались ей весьма забавными. Хотел, заглушающий слова Гендельмана, это свидетельство того, что эсеры, решившие использовать этот аргумент, не учли, что коммунисты, посаженные в зал, не понимают «культурного кода» и языка российских революционеров. Конечно, Пятакову и другим большевикам дореволюционной школы слова Гендельмана, напротив, казались достаточно опасными, ибо разговор по существу бил по самим обвинителям, а посему председатель суда сам отказался от ведения разговора на этом языке, предпочтя формально-юридический.

Анализируя ситуацию в целом, можно сказать, что соединение на процессе яркой, полемичной и непримиримой позиции 22-х подсудимых 1-й группы и блестящей профессиональной защиты русских адвокатов, методично и убедительно вскрывавших серьезные нарушения в организации и ведении процесса стали своего рода бинарным зарядом, взорвавшим заботливо спланированный властью ход процесса. Лучшим подтверждением этого стала борьба подсудимых 1-й группы и их адвокатов за право дать развернутый ответ о признании или непризнании подсудимым своей вины¹⁹.

Процесс сопровождался пропагандистской («идейно-дискредитационной») кампанией, однако было бы однобоким рассматривать лишь ее подчиненную по отношению к процессу роль. Безусловно, кампания выполняла роль своеобразного идеологического обеспечения процесса. Но, как уже отмечалось, хронологически она значительно шире процесса и по значению вполне самостоятельна (скорее уж сам процесс 1922 г. является ее частью). Конечно, накануне и в ходе процесса эта кампания велась с особенным размахом и напряжением. Колоссальны были средства и силы, задействованные в ней. Были созданы специальные структуры для координации действий, привлечены практически все партийные публицисты, в том числе и самые именитые, на полную мощь использовали не только прессу, но и весь набор агитпроповских средств — от митингов до частушек и плакатов антиэсеровского содержания. Оценить итоги «идейно-дискредитационной» кампании в целом односложным «успешно» или «неуспешно» практически невозможно. С одной стороны, потому что она была разноуровневой по объектам воздействия и призвана была на разных уровнях решать разные задачи. Одни из них властью были решены блестяще, другие — удовлетворительно, третьи с треском провалены. С другой стороны, односложности нет потому, что, как это ни парадоксально звучит, по ряду направлений эсеры использовали эту кампанию и процесс с большой для себя пользой.

Какие же цели ставились властью? Дискредитация социалистической альтернативы большевизму в глазах той части общества, которая верила в социализм; дискредитация идей, путей и методов небольшевистского социализма и утверждение идей и практики большевизма как единственно возможных и верных. Окончательный успех на этом поприще был достигнут позже. Кроме того был в общих чертах создан (позже отшлифован до полной законченности в десятках фильмов и книг) образ «врага народа», коварного, лживого, запутавшегося и прекраснодошного, но все равно подлого. Обращенная на все общество в целом, эта двуединая цель большевиками в общих чертах была достигнута.

Блава достигнута и производная от нее, но очень важная сама по себе цель — сужение социальной базы эсеровской партии, отсечение от нее различных социальных групп. Но здесь не обошлось без неприятных для большевиков сюрпризов. Процесс вызвал заметный рост интереса к эсерам в молодежной, прежде всего студенческой среде, что проявилось в приходе в ПСР в 1922–1924 гг. новых людей. Объяснить это парадоксальное явление можно тройко. Власти недоучли, что привлечение внимания к «преступной» политической партии при определенных условиях может обернуться и против них. Традиционное сочувствие идеям свободы и демократии в интеллигентской и студенческой среде, неприятие методов и практики большевизма, симпатия к мужественному поведению на суде обвиняемых 1-й группы, гражданская зрелость и юридическая грамотность части студенчества, достаточная, чтобы увидеть, с одной сто-

роны, правовой нигилизм властей и юридическую «бесстыдность» процесса, а с другой — сделать собственные выводы, сравнив аргументы сторон (еще раз подчеркнем, что процесс, несмотря на попытки власти лишить общество достоверной информации, все-таки получился «полугласный»). Конечно, методичные аресты «перемолотили» и старых и новых членов партии, и в 1925–1926 гг. эсеровская партия организационно перестала существовать (оставалась только эсеровская среда — по большей части в ссылках), но всплеск интереса к ПСР в студенческой среде и рост партии в 1922–1924 гг. служат еще одним доводом против ставших уже традиционными выводов об «идейном и моральном банкротстве» эсеров.

Неприятными и неожиданными для властей стали и консолидационные процессы, начавшиеся в эсеровской партии как своего рода защитная реакция против нападения извне, грозящего гибелью всего целого. Во-первых, расколотая эсеровская эмиграция, где «правые» во главе с Авксентьевым, Фондаминским, Керенским, Рудневым и «левые» во главе с Черновым существовали практически автономно, постаралась забыть о личных дрязгах и весьма серьезных идейных разногласиях, объединилась для спасения (как они сами считали) «московских смертников». Объединенные организационные усилия, помноженные на желание спасти жизнь товарищей, будущность партии и собственную честь (как отсиживающихся за границей) сделали работу эсеровской эмиграции по разворачиванию антибольшевистской кампании за рубежом весьма напряженной. Следует отметить, что, пожалуй, ни до, ни после 1922 г. в истории российской революционной эмиграции мы не найдем прецедентов столь дружной, напряженной и эффективной работы (несмотря на то, что чекистская агентура все равно фиксировала разные позиции и ссоры в эмигрантской эсеровской среде).

Во-вторых, существовавшая (и искусно подогреваемая чекистами и большевистской пропагандой) неприязнь российских эсеров к эсерам-эмигрантам (подобное явление было и до революции, как в ПСР, так и в обеих фракциях РСДРП), благодаря сверхусилиям, которые эмигранты продемонстрировали, а также их успехам по разворачиванию контрпропагандистской кампании, пошла на убыль. В-третьих, недовольство и претензии рядовых партийцев к «партийным генералам» также шли на убыль, ибо последние вели себя на скамье подсудимых перед лицом смертного приговора весьма достойно. Примечательно, что когда в 1923 г. пронесся слух, что большевики готовы поменять сидящих членов ЦК на видных эсеров-эмигрантов, о своей готовности ехать в Москву заявили Зензинов, Русанов, Чернов, Постников, Шрейдер и Керенский. Слух оказался ложным, но можно не сомневаться, что все добровольцы, а иные из них имели у своих сопартийцев весьма подмоченную прошлыми ошибками репутацию, оказавшись в тюрьме, подняли бы свой авторитет в глазах российских эсеров. В-четвертых, консолидационные процессы начались в самой российской эсеровской и околоэсеровской среде. Все эти тенденции отметил в своем письме 3 июля 1922 г. к Е. К. Брешко-Брешковской секретарь Заграничной Делегации ПСР Б. Н. Рабинович, восклицавший: «Безумно меня радует, что процесс сгладил все наши разногласия, публика забыла о всех своих дрязгах и дружно повсюду работает. Сгладилась и наша российская атмосфера. Все это очень радует, процесс сыграл колоссальную роль и было бы совсем хорошо, если б удалось вырвать наших мучеников из когтей обезумевших людей <...>»²⁰. Кроме того, как уже отмечалось,

российское ЦБ ПСР в письмах за границу весной—летом 1922 г. констатировало рост партии и возвращение к работе части старых партийных кадров, отошедших от партии в годы гражданской войны.

Консолидационные процессы в самой российской эсеровской и околоэсеровской среде настолько обеспокоило власти, что они не ограничились развертыванием или усилением пропагандистской работы (и проведением спецмероприятий), как по трем предшествующим направлениям, а затеяли грандиозный «ликвидационный» Всероссийский съезд бывших эсеров. С одной стороны, он должен был усилить раскол и сумятицу в эсеровской и околоэсеровской среде, а с другой — продемонстрировать всему миру самороспуск ПСР.

Неприятный сюрприз ждал властей и на пути реализации другого их стремления — желания перессорить эсеров с другими российскими и национальными социалистическими партиями, прежде всего с меньшевиками. Предъявив обвинение некоторым меньшевикам, власти помимо желания связать в глазах общества эсеров и меньшевиков воедино, явно пытались спровоцировать последних на отрешивание от эсеровской тактики в годы гражданской войны, что повлекло бы обострение отношений между эсерами и меньшевиками. Иллюстрацией реальности развития событий именно по такому пути, как и того, что эсеры отнюдь не забыли относительно мягкой тактической линии, занятой «левонастроенным» меньшевистским руководством по отношению к большевикам в разгар гражданской войны, служит тот конфликт, который чуть было не разгорелся в это время между руководителями «Социалистического Вестника» и В. М. Черновым.

Но события пошли по другому руслу, чем тот, на которые их толкали большевики. Меньшевики не обошлись лишь выражением формального сочувствия и поддержки (такие заявления сделал ряд национальных партий), а приняли весьма деятельное участие в контрпропаганде. Заграничные Делегации эсеров и меньшевиков проводили совместные заседания для координации усилий, активно участвовали в контрпропагандистской кампании на Западе, помогали эсерам в нахождении общего языка с рядом деятелей европейского социалистического движения. Меньшевики также попытались направить своих защитников на процесс, что вызвало ярость властей и категорический отказ. Но, конечно, для эсеров было особенно ценно то, что российские меньшевики под угрозами арестов выступали на митингах и рабочих собраниях, устроенных властями, с протестами против процесса, а также боролись печатным словом (по чекистским данным, меньшевистских «контр-революционных проявлений» в связи с процессом было даже несколько больше, чем эсеровских, так как эсеры были ослаблены волнами арестов, приуроченных к процессу). Важно и то, что с этого времени взаимоотношения эсеров и меньшевиков идут «по восходящей». Достигнутый уровень взаимопонимания и сотрудничества вновь оживил разговоры, столь популярные в 1901–1902 и 1912–1914 гг. — разговоры о желательности объединения с-д и с.-р. Понятно, что в сложившейся ситуации подобный призыв мог иметь только символическое значение, но сама тенденция была весьма важной и при другом развитии событий в стране после 1922 г. новый уровень взаимопонимания, достигнутый между эсерами и меньшевиками, мог бы иметь серьезнейшее политическое значение.

В той или иной форме протесты против процесса и выражение солидарности проявили и другие российские партии, включая и таких «друго-врагов» как левые эсеры. Но, конечно, самой крупной неприятностью

для большевиков стала реакция европейских демократических социалистических кругов на процесс, повлекшая разного рода весьма серьезные последствия для власти.

Свои уроки и свою пользу извлекли из хода и итогов процесса чекисты. Прежде всего они превратили процесс в своего рода тест на политическую лояльность к власти (об этом чекисты прямо писали, закладывая агентурную сеть в студенчестве), посредством всякого рода митингов и собраний по месту работы «протестировали» значительное число рабочих, служащих и интеллигенции (прежде всего студенчества). Выступавшие с критикой большевиков арестовывались, а «зараженные» эсеровской или меньшевистской пропагандой рабочие коллективы «санировались» массовыми увольнениями и сокращениями штатов. Обращает на себя внимание, что если сначала в кампании выражения «всенародного гнева» преобладала такая форма его изъяснения, как резолюции собраний тех или иных коллективов или митингов, принимавшиеся путем простого голосования после доклада коммуниста, то позже упор был сделан на петиционные формы протеста, когда под текстом петиции с осуждением эсеров и требованием для них беспощадной кары люди были вынуждены расписываться (в отдельных случаях, выражая при этом свое, отличное от текста петиции, мнение). Впоследствии, насколько можно судить, использовались обе формы, но основной являлась первая. Но самое главное, что в отличие от 1922 г., когда ни сил, ни достаточных возможностей, ни даже опыта еще не было, позже была установлена жесткая фиксация партийными и комсомольскими секретарями и прочими организаторами этих собраний всех, кто голосовал против или воздерживался.

Но проверке на лояльность подвергались не только «трудящиеся массы». Подобную, провокативную по своей сути, проверку прошли и три различные категории эсеров: вышедшие из ПСР и вступившие в РКП(б), отошедшие от партийной работы и ушедшие в «культурничество» и личную жизнь, работавшие в разного рода советских органах и учреждениях «активные члены ПСР». От них местные партийные органы и чекисты требовали дачи подписок или объявлений в газеты о выходе из ПСР и отказе от эсеровских убеждений. Не выдержавшие проверки, т. е. отказавшиеся давать подобные подписки и объявления, подверглись увольнениям, арестам и ссылке (естественно, это коснулось прежде всего двух последних категорий). Впрочем, справедливости ради следует сказать, что тотальности, как позже, когда старались охватить всех и каждого, еще не было. Так, например, видный эсер, бывший член ЦК ПСР в 1909–1910 гг. А. А. Ховрин, хотя и отошел после 1917 г. от партийной работы и занялся наукой, но взглядов своих не изменил, и в 1920 г. был арестован за предоставление ночлега семье В. М. Чернова, арестовывавшаяся ненадолго, так сказать профилактически и позже, но в целом жил спокойно, хотя никогда и никому подписок и объявлений в газеты не давал и оставался на свободе до начала 30-х гг. Погиб он, не выдержав зимнего этапа из Суздальской тюрьмы, т. к. категорически отказался просить начальство о спецконвое, считая для себя принципиально невозможным не только просить о чем-либо тюремное начальство, но даже и разговаривать с ним²¹.

Важная и активная роль, сыгранная ГПУ в разного рода мероприятиях, нацеленных на «добывание» ПСР, имела большое значение для отставивания чекистами своего «места под солнцем» в момент реорганизации их ведомства, в условиях, когда немалое число видных деятелей партийной советской элиты стало опасаться всевластия «карающего меча

революции». Фактически ГПУ продемонстрировало руководству партии и страны, что способно вполне эффективно работать в новых условиях (по окончании гражданской войны).

Извлекло ГПУ из этой кампании и процесса также и вполне конкретную для себя пользу — насаждением Бюро содействия была заложена осведомительная сеть в госучреждениях, на производстве, отдельно — в ВУЗах, а кроме того узаконена система внесудебной расправы (административная высылка и ссылка). Ну и конечно, чекисты набрались ценнейшего опыта, широко использованного ими позже.

Подводя итоги многолетнего «тюремного противостояния» 22-х эсеров, и анализируя тактику и формы их борьбы, следует отметить следующее. Колоссальное значение для успеха их борьбы имели три обстоятельства, причем первые два тесно связаны между собой. Речь идет, во-первых, о выработанном несколькими поколениями революционеров опыте тюремной борьбы, отлившейся к этому времени в целую стройную систему, а во-вторых, о том, что подавляющее большинство осужденных эсеров, пройдя суровую школу царских тюрем и каторг, держалось мужественно и виртуозно применяло свой и чужой опыт на практике. Так, огромное значение для успешности их борьбы имела координация действий заключенных между собой, и чекисты пошли на драконовские меры, чтобы не допустить общения заключенных не только с внешним миром, но и между собой. Безусловно, чекисты сразу же могли развезти всех их по тюрьмам разных городов, но, очевидно, опасались, что там не обеспечат нужный режим и дело закончится побегами и свободным общением с волей (понадобилось еще несколько лет, чтобы и оперативный, и следственный, и тюремный чекистский персонал набрал побольше необходимого опыта и квалификации, которых в 1922 г. явно было еще маловато). Попытка же изолировать их между собой в пределах одной тюрьмы, не могла не провалиться. Ведь к услугам заключенных был огромный опыт революционеров, включавший в себя и множество способов тюремной коммуникации.

Целесообразно отметить те уроки, которые были извлечены большевистским режимом из проведения процесса 1922 г. и использованы для борьбы и подавления уже не столько реальной, сколько потенциальной оппозиции в конце 1920—30-х гг., когда вновь оказался широко задействован такой инструмент репрессий, как показательный процесс. Процесс 1922 г. нанес сокрушительный удар «шапкозакидательским» настроениям большевистской и чекистской верхушки, желавшей играючи и в сжатые сроки решить труднейшую задачу, подлинную сложность которой они стали понимать, уже когда скандалы и провалы обрушились на них лавиной. В дальнейшем подготовка и проведение процессов такого рода осуществлялись властями значительно более продумано и тщательно.

Главная задача, которую удалось решить властям — при сохранении внешней формы гласного, публичного процесса, найти и задействовать такие механизмы и методы, которые позволяли эффективно решать поставленные инициаторами процессов задачи, практически не допуская провалов и срывов, вскрывавших инспирированность процессов. Категорически исключалась возможность возникновения ситуации, когда межведомственные противоречия и конфликты (подобные трениям между ГПУ и НКЮ в 1922 г.) отражались на подготовке и ходе процесса. Гораздо тщательнее осуществлялось предварительное следствие — на него не жалели ни сил, ни средств. Происходит переход к полностью «постановочным» процессам, что позволяло решать сразу целый веер проблем, так

ярко проявившихся на эсеровском процессе. Конструкция из двух групп подсудимых была применена в советской практике как минимум еще раз — на бакинском процессе с.-р., состоявшемся осенью-зимой 1922 г. Но часть подсудимых 2-й группы уже на суде заявила о давлении на них и фальсификации следствия, которое вел никто иной, как знаменитый впоследствии Л. П. Берия²².

Ближайшим по времени опытом претворения в жизнь уроков, извлеченных из проведения «московского» процесса, был процесс над бакинскими эсерами 1–9 декабря 1922 г. 32 подсудимым Верховный Ревтрибунал Азербайджанской ССР в числе основных предъявлял обвинение в организации поджога нефтяных промыслов (1, 7, 9, 10 и 16 апреля 1922 г. на Сурханских нефтяных промыслах (Баку) произошли возгорания нефтяных вышек). Так, например, О. Сухорукова-Спектор обвинялась в том, что в начале апреля 1922 г. она передала М. Зайцеву сообщение о предстоящих арестах эсеров и «директиву Бакинского комитета ПСР организовать поджог Сурханских нефтяных промыслов в ответ на эти аресты». Зайцев «передал эту директиву Ф. Плетневу, тот — М. Голомазову». После ареста Плетнева 7 апреля, Голомазов 9 апреля поджег бездействующую буровую в Раманах, был арестован, а 10 и 16 апреля загорелись еще 3 вышки. Голомазов «признал свою вину полностью», а Плетнев и Зайцев «частично». Сухорукова на суде резко отрицала показания Зайцева. Обвинитель Васильев, почти не настаивая на фактической доказанности эпизода с поджогом, потребовав расстрела как для «исполнителей» Голомазова, Плетнева и Зайцева, так и для «морально ответственных» Н. Аношина, А. Фонштейна и Сухоруковой. Однако суд не согласился с ним и признал недоказанной вину трех последних «в принятии решения о поджоге промысла». Материалы процесса дают серьезные основания считать обвинение в поджоге провокационным²³.

Взглянуть по-новому на то, как, кем и с какими аргументами принимались решения о судьбе бакинских эсеров, а также на вопрос о персональной ответственности виднейших большевиков позволяет следующий документ. 7 декабря 1922 г. из Баку за подписью С. М. Кирова, Васильева, Полуяна была прислана в Москву и передана в Политбюро на голосование телеграмма следующего содержания: «Начавшийся утром 1-го декабря процесс с.р. заканчивается. Приговор будет 9-го утром. Из 32 обвиняемых высшая мера наказания без какой бы то ни было замены намечается следующим: ГОЛОМАЗОВУ — непосредственному поджигателю, ПЛЕТНЕВУ, ЗАЙЦЕВУ и САМОРОДОВУ — бывшим членам Комитета, давшим директиву о поджоге, ОСИНЦЕВУ — члену областного Комитета, имевшему тесную связь с врангелевцами, КЛЕШАПОВУ — совслужащему, снабжавшему организации оружием, деньгами, документами, КАРАШАРЛИ — бывшему ЗамНачГлавмилиции, снабжавшему организации документами, деньгами, использовавшему советский аппарат в с.з. целях, Иванову — белогвардейцу. Пятерым — оправдание. Четверых — условно-му заключению. ТАРХАНОВУ, СПЕКТОРУ — членам областного К-та — по три года. СУНДУК'ЯНЦ — один год с зачетом предварительного заключения. Остальные — к разным срокам максимум на пять лет. **Замену высшей меры наказания считаем совершенно невозможной, особенно в силу последних событий: пожар станции Насосны, главных мастерских, крушение поездов** (выделено нами — К. М.). Приговор должен войти в силу через 48 часов после вынесения».

«За» проголосовали Сталин, Молотов, Троцкий и Ленин»²⁴.

Бакинский процесс, вне всякого сомнения, находится в единой генетической связи как с двумя сфальсифицированными чекистами еще в 1921 г. эсеровскими делами («тамбовское дело» и дело «Сибирского крестьянского Союза»), так и с московским процессом с.-р. Более того он в определенном смысле венчал московский процесс, продемонстрировав, на что способны сторонники «жесткой» линии, в условиях, когда «периферийный процесс» был лишен того пристального общественного внимания, которое оказалось сосредоточено на предшествовавшем ему «московском» процессе. Впрочем, и власти сделали «бакинский» процесс куда более закрытым.

Исследование бакинского процесса с.-р., будем надеяться, еще впереди, но даже на основе анализа имеющегося материала можно сделать вывод, что его устроители и вдохновители учли свои промахи. Во-первых, обвинение было предельно конкретным и максимально дискредитирующим эсеров, хотя и было, как представляется, целиком сфальсифицированным (для любого, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей ПСР и ментальностью эсеров, решение партийного комитета о поджоге нефтепромыслов, способное вызвать ненависть бакинских рабочих, у которых эсеры с еще дореволюционных времен пользовались огромным авторитетом (Бакинская организация ПСР была единственной во всей России, которая несмотря на аресты не прекращала своей достаточно серьезной деятельности даже в т. н. годы реакции) выглядит совершенно неправдоподобным). Во-вторых, степень срежиссированности процесса значительно выше, чем на «московском» процессе. В-третьих, степень закрытости «бакинского» процесса также была гораздо более жесткой; были предприняты экстраординарные меры, чтобы не произошло утечки информации о том, какими методами проводилось предварительное следствие и сам процесс. Об экстраординарности этих мер мы можем судить по тому, что чекисты озаботились тем, чтобы осужденные по этому процессу вплоть до физического уничтожения почти всех социалистов никогда не встречались в местах заключения с другими социалистами.

В этом смысле «бакинский» процесс, хотя и готовился почти одновременно с московским процессом и прошел через четыре месяца после его окончания, все же стоит уже, пожалуй, ближе к постановочным процессам конца 20-х г. Можно согласиться с предположением М. Янсена, что именно неудача с подсудимыми 2-й группы на бакинском процессе могла послужить последней каплей в чаше сомнений высшего партийного руководства о целесообразности и эффективности проведения подобных процессов²⁵, несмотря на то, что, как мы знаем, незадолго до его проведения — 15 сентября 1922 г. комиссия при Агитпропе ЦК РКП(б) в смешанном «партийно-чекистском составе» (К. Б. Радек, А. С. Бубнов, Н. Н. Попов, В. Р. Менжинский, Т. Д. Дерibas, Ашмарин) обсудив вопрос «О постановке новых процессов», постановила: «Признать постановку процессов принципиально целесообразной; поручить ГПУ представить к следующему заседанию комиссии свои соображения по отдельным делам»²⁶. Тем не менее, громких, резонансных эсеровских процессов, подобных «московскому» и «бакинскому» больше не было.

Полностью «постановочные» процессы, несмотря на такой недостаток, как их полная фальсификация, которая могла вскрыться на процессе, в отличие от «полупостановочного» московского, где значительная часть действий, в которых обвинялись эсеры, действительно была ими совершена (вопрос лишь в том, можно ли считать эти враждебные большевикам действия преступлением или закономерной реакцией на захват

ими власти в октябре 1917 г. и разгон Учредительного Собрания в январе 1918 г.), оказалась для властей более приемлемой и, так сказать, более технологически удобной. Другое дело, что «постановку» необходимо было распространить на все стороны подготовки и проведения процессов и сделать ее более «глобальной», продуманной и отрепетированной до мелочей по сравнению с процессом 1922 г.

Можно сказать, что «технологическая составляющая» в организации политических процессов с этого момента вышла на первый план и их организаторы могли смело говорить, перефразируя русскую поговорку «Была бы шея — хомут найдется» — «Была бы шея — хомут сделаем». Но и возможности у вдохновителей и организаторов процессов ощутимо расширились по сравнению с 1922 г. Появилась возможность неспешного подбора и отсева участников процесса, в зависимости от степени их управляемости. Безусловно, огромную роль здесь играло и то, что к этому времени усилилась закрытость страны, и следователи применяли такие способы и методы воздействия на своих «подопечных», о которых в 1922 г. не могло еще быть и речи. Безусловно, психологическое давление, завуалированный шантаж судьбами близких и прочее использовалось и в 1922 г. (и, как мы знаем, в ряде случаев вполне успешно), но степень этого давления была иной. В 1922 г. еще не было арестов родных с перспективой отправки в лагерь или расстрела, и главное — не было физического насилия и пыток как средств манипуляции подсудимыми. В дальнейшем организаторам процессов удалось достигнуть такого артистизма в манипулировании подсудимыми, что порой даже у неангажированных наблюдателей появлялось впечатление правдивости их показаний и искренности раскаяния. Последнее стало обязательным атрибутом каждого процесса, не раскаявшихся просто не выводили на процесс. Это также был урок эсеровского процесса — сильный, мужественный враг, способный умереть, но не отречься от своих идеалов, невольно вызывал уважение даже у недоброжелателей и становился примером для подражания для сочувствующих, тогда как унижающийся и молящий о пощаде — вызывал лишь снисхождение и презрение. Значительно усилилась координирующая и контролирующая функция верхов. Согласование стадий и содержания предварительного и судебного следствия, хода самого процесса с разработанным сценарием, внесение необходимых корректив либо в показания подсудимых, либо в ход следствия или суда, осуществлялось на самом высшем уровне. Сделав выводы из просчетов процесса 1922 г., Сталин ввел практику ознакомления партийного руководства — членов и кандидатов в члены ЦК — с материалами предварительного следствия, протоколами допросов обвиняемых. Представляется, что это позволяло ему решать сразу три задачи: во-первых, просеивать через мелкое сито возможные ошибки и нестыковки следствия, а во-вторых, пропускать через этот тест на лояльность уже всю партийную элиту (пассивность в обсуждении, желание от молчаться, скепсис или недовольство процессом над своими вчерашними товарищами не оставались незамеченными). В-третьих, это участие использовалось как своеобразная круговая порука, ведь выходило, что сценаристами и руководителями процессов становилась вся партийная верхушка. Таким образом, провокативная функция процессов была распространена Сталиным на партийную и государственную элиту. Провокативная функция вообще значительно усилилась, через тысячи собраний, митингов и демонстраций проверяли лояльность уже миллионов людей из самых различных слоев общества. Пропаганда вокруг процессов позволяла углублять конфронтацию в обществе, не только натравливая на

ту или иную социальную группу или слой все остальные, но порой раскалывая даже один слой («красных спецов» против «спецов-вредителей»). Массовое сознание в ходе всех этих собраний, митингов, демонстраций, а также с помощью газет и радио обрабатывалось весьма глубоко и с большим запасом прочности. Публичное осуждение очередных подсудимых приобрело в последующие десятилетия форму «единодушного» и «всенародного» и выполняло крайне важную для власти функцию социальной консолидации советского общества, консолидации, построенной на ненависти к многочисленным врагам. В последующие десятилетия завершилось формирование многоликого образа «врагов народа», внутри которых эсеры занимали видное, но уже не ключевое место.

Попытка посмотреть на итоги и последствия противостояния адептов большевистского «тоталитарного» и меньшевистского «демократического» вариантов социализма с большего удаления от событий 1922 г. приводит к следующим размышлениям. Правоту социалистов, еще в начале 20-х годов говоривших о скрытой логике развития диктаторских режимов, о возможности их перерождения и непредсказуемости их действий, на собственном опыте испытало большинство «победителей» уже в середине 30-х гг. Многие из организаторов и дирижеров эсеровского процесса сами стали жертвами чекистской мясорубки (как, впрочем, и большинство «старых» чекистов) и участниками многочисленных процессов, на которых они каялись в не совершенных ими грехах (настоящие их грехи остались неоцененными во многом и поныне).

В 1922 г. Ленин, Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев, Пятаков, Крыленко и многие другие вдохновители, организаторы и участники процесса и многие тысячи коммунистов упивались своей победой, искренне считая, что «победителей не судят!» и что они одержали победу над «мягкотелыми» социалистами, оказавшимися не способными на применение «железа и крови», оставшимися верными своим старым святыням — политическому кредо и этике российского революционера.

Переодетый в форму красноармейца-конвоира чекист подслушал и донес по начальству мимолетный, но в высшей степени важный для нас разговор между Н. В. Крыленко и А. Р. Гоцем, состоявшийся 4 августа: «После окончания своей речи [Гоц] встретился с тов. Крыленко, который спросил Гоца, неужели они все еще по-старому, на что Гоц ответил утвердительно и, подымаясь по лестнице, сообщил о своем разговоре с Крыленко Гендельману и др.»²⁷. Несмотря на косноязычие чекиста, понятно, что интересовало Крыленко. Самый «талантливый прокурор России», как его характеризовали подсудимые 1-й группы, не спрашивал Гоца о связи с интервентами и пр. — он хорошо понимал цену обвинения. Он пытался понять, неужели эти люди готовы пойти на расстрел за свои старые интеллигентские и народолюбивые представления — сегодня, когда большевики показали, **как** можно манипулировать этим народом. Крыленко и большевистская элита расстались со своим «старым» ради власти и искренне удивлялись людям, готовых идти за это на смерть. Именно об этой стремительной эволюции коммунистов писал меньшевик-«Каторжанин» в августе 1922 г. в «Социалистическом Вестнике». Именно об этом говорили эсеры, называя коммунистов «шкурниками» и «пристроившимися революционерами». Именно это имела в виду Е. М. Ратнер, говоря в своей последней речи о моральном экспериментаторстве большевиков, теряющих право называться даже просто честной политической партией (экспериментаторство, конечно же, началось не в 1922 г.).

Сегодня очевидно, что коммунисты просчитались. Слишком далеко коммунисты зашли в гражданской войне по пути «железа и крови», стремясь удержать власть. Ломая старые «правила» политической игры, разрушая старую субкультуру и этические принципы, проповедуя «моральное экспериментаторство» и революционную целесообразность, коммунистическая верхушка была уверена, что она и дальше сможет держать эту цепкую реакцию под своим контролем. Прошло лишь одно десятилетие и на почве «красного террора» и всевластной «чрезвычайки», на почве попраных демократических свобод и уничтожения инакомыслия в стране и даже в собственной правящей партии, на почве насаждаемой «революционной целесообразности» и «революционного правосознания» выросла такая бюрократия, которая замечательно была оценена членом ЦК ПСР Е. М. Тимофеевым еще за несколько лет до репрессий коммунистического аппарата 1936–38 гг.: «Ведь создали такой аппарат, который, не задумываясь и Ленина уничтожил бы»²⁸. Коммунисты так и не смогли (и не захотели) даже спустя десятилетия правдиво и честно ответить на тот вопрос, который им задавали в тюремных камерах 1937 г. эсеры и меньшевики: «Ну, я здесь, это можно понять, а Вы, Вы-то почему здесь?»²⁹.

Неоцененным и непонятым (во всяком случае, недопонятым) остается и сам характер противостояния социалистов и коммунистов, и суть спора. Проблема изучения исторического и политического соперничества двух этих разновидностей русского социализма осложняется еще и тем, что отечественная историческая наука сделала только первые шаги к тому, чтобы отойти от старых мифов и составить более или менее адекватное представление и о сущности народнической модели переустройства России, и о ее различных вариантах, и о причинах серьезной идейной и «личностной» неоднородности эсеровской среды, и о ее менталитете в целом.

Неоцененным и непонятым также остался и потенциал различных вариантов небольшевистских альтернатив социализма. Так, например, представляется, что одно из правых течений в эсеровской партии (Н. Д. Авксентьев, И. И. Фондаминский, В. В. Руднев, М. В. Вишняк), впитав новые веяния эпохи, могло бы прийти к социал-реформизму, но не западноевропейского социал-демократического типа, а в своеобразном народническом варианте, если бы этот процесс не был прерван и фракция Авксентьева не варилась в собственном соку в эмиграции, а продолжала бы активную политическую деятельность в России. Их теоретическое наследие (наряду с наследием некоторых других течений в народничестве и неонародничестве) заслуживает сегодня самого пристального и серьезного изучения. Актуализация в современном российском обществе идей «нового», «демократического», «эволюционного» социализма и все нарастающие попытки создания организаций, движений и партий подобного типа актуализируют и необходимость переосмысления неонароднического идейного багажа. Парадокс заключается, на наш взгляд, в том, что глубоко укоренившийся в советское время взгляд на неонародников как на «социалистов-реакционеров», цеплявшихся за «почвеннические» предрассудки и пережитки, не позволяет многим из сегодняшних «социал-демократов» и «новых социалистов» увидеть, что целый ряд идей и решений можно почерпнуть не только в теории и практике европейской и русской социал-демократии, но и в теоретическом наследии некоторых течений русского неонародничества (в большей степени адаптированного к русским условиям и менталитету народа), в некоторых своих частях не потерявшем своего значения и сегодня.

Еще один парадокс заключается в том, что идейная и человеческая победа, одержанная 22-мя подсудимыми над судящим их режимом, адекватно оцененная частью тогдашнего общества и общественным мнением Европы, в современном российском обществе вряд ли может рассчитывать на подобную адекватную оценку. Власти, отвечая на критику эсеров и меньшевиков (справедливость которой порой позже признавали и сами большевики), многократно отвечали им: вы считаете, что мы неправы, но победили-то мы, а вы в тюрьмах, на скамьях подсудимых и в эмиграции. Более того, победителей не судят, а как раз наоборот, победители вас судят. Парадокс заключается в том, что сегодня несмотря на то, что идейные и человеческие позиции подсудимых эсеров для многих предпочтительнее, чем позиции большевиков, а история вынесла свой приговор большевизму в массовом общественном мнении победили все-таки большевики, но не потому что оказались правы, а потому что выжили, уничтожив своих врагов. Излюбленное выражение радикальной интеллигенции начала XX в., в качестве жизненного кредо утверждавших: «Делай, как должно, и пусть будет, как будет!», в начале XXI в., в оторванном от собственных корней и традиций, сбито с толку и конформистском постсоветском обществе (политическая элита которого выглядит нечеловекообразно даже на фоне ненавидимых революционерами Плеве, Победоцева и героев Гоголя и Салтыкова-Щедрина), значительно менее понятно, чем выражения «Победителей не судят!» и «Прав не тот, кто прав, а у кого больше прав!»

Другой парадоксальный итог противостояния большевизма и «демократического социализма». История распорядилась так, что сегодня «неортодоксальные» наследники большевизма, на словах демонстрируя свою верность старым учителям и не желая осуждать их преступления, на практике признали большинство идей эсеров и меньшевиков (порой даже не подозревая об источниках заимствования). Наследники палачей восприняли идеи замученных, память о которых практически исчезла, в том числе благодаря целенаправленным усилиям большевистских властей, сначала оклеветавших своих противников, а затем стерших даже память о них.

Значимость противостояния 22-х социалистов-революционеров, как и их место в шеренге противников советской тоталитарной системы, поняли лишь немногие, пришедшие много десятилетий спустя и сравнившие, подобно В. Т. Шаламову, суд над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем с процессом над ПСР: «Со времени дела правых эсеров — легендарных уже героев революционной России — это первый такой политический процесс. Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...»³⁰

Одержав, если так можно выразиться, формальную победу над подсудимыми 1-й группы, «моральной победы, — как справедливо отмечал в 1931 г. меньшевик Б. Николаевский, откликаясь на смерть члена ЦК ПСР Е. М. Ратнер, — организаторы процесса не одержали, несмотря на все усилия, им не удалось запугать посаженных на скамью подсудимых политических противников, — не удалось вырвать из их уст ни одного слова отречения или раскаяния. Скамью подсудимых они превратили в политическую трибуну и с нее вели пропаганду своих взглядов, критиковали политику своих обвинителей. Этого власть им не простила и с мстительной жестокостью преследовала их в течение всех тех лет, которые протекли после суда»³¹.

Парадоксально то, что власти, рассматривавшие процесс как общую могилу, призванную бесследно поглотить оппозиционных ей социалистов, неожиданно для себя создали всем им, рассеянным и безвестно сги-

нувшим в советских лагерях и тюрьмах 20—30-х гг., один общий могильный камень-памятник, памятник, который мы сегодня воспринимаем как символ несломленной воли и непреданных идеалов.

* * *

Судьбы подсудимых после процесса известны с разной степенью подробности, а о некоторых из них мы до сих пор ничего не знаем. И тем не менее из воспоминаний М. Л. Свирской, опубликованных Б. Сапиром³², а главное, в результате изысканий М. Янсена в 80—90-е годы³³, исследованием авторского коллектива, работавшего в 1996—2002 гг. над составлением сборника документов, посвященного процессу³⁴, работы сотрудников НИПЦ «Мемориал» в фондах Политического Красного Креста в ГАРФ, других исследований и публикаций³⁵ и поисков автора данной книги в ряде случаев из мозаики фактов и деталей удастся реконструировать жизнь подсудимых после вынесения им приговора 7 августа 1922 г. Часть найденного нами материала была использована при написании главы, посвященной тюремному противостоянию осужденных эсеров и власти. В данном же разделе мы постараемся обрисовать дальнейшие судьбы подсудимых, используя, в том числе, сведения из нескольких «Заключений по материалам уголовного дела арх. № 1789, н/п 13/48-97», подготовленных отделом реабилитации политических репрессированных Генеральной прокуратуры РФ, рассмотревшей в 1997—2001 гг. на подсудимых обеих групп и ряд других, лиц принимавших участие в процессе с.-р. 1922 г. Эти заключения были приобщены к материалам фонда процесса с.-р.³⁶

Сегодня мы довольно много знаем о судьбе **Абрама Рафаиловича Гоца**, с 1925 г. находившегося в ссылке в Ульяновске. О драматических страницах его ареста в 1925 г. и о попытке властей дать ему новый срок, мы рассказывали выше. В деле А. Р. Гоца отложилось много чекистских документов, относящихся именно к 1925г. и ярко рисующих перипетии этого противостояния (нами использовано только часть материалов)³⁷. Его настроение и образ жизни хорошо рисуют два письма, написанные им товарищам в Бутырскую тюрьму и перехваченные чекистами.

4 июня 1925 г. Гоц писал Д. Ф. Ракову: «Милый Митяй, — просись непременно к нам сюда. Правда, здесь очень глухо, и вся жизнь носит отпечаток уездно-провинциальный. Знакомых нет, но я надеюсь, что тебя не страшит уединение. После Бутырок пожить отшельником тебе будет только приятно. Зато в смысле заработка — ты устроишься немедленно же. В климатическом отношении город тоже для тебя хорош. Я ведь знаю, что Волгу и жигулевское пиво ты не променяешь ни на какую туркестанскую экзотику. Без тебя сию я уныло перед бутылкой пива: Мишук не дорос еще, а С. Н. — как столичная особа — не питает уважения к сему напитку. Приезжай же ты, друг, утешить меня. Пусть Анна Дмитриевна не боится: буду держать тебя на строгой пайке — бутылка в день <...>»³⁸. 20 июня 1925 г. Гоц писал М. А. Лихачу: «Милый, дорогой Мишенька, не могу удержаться, чтобы не поделиться с Вами своей новостью: пишу вам эту открытку, а в двух шагах от меня красуются четыре клумбы, обнесенные бордюрами, обложенные кирпичом — со 100 левкоями, 60 гвоздиками, 60 флоксами, анютиными глазками и т. п. Рассадку купил очень дешево и недурную. Клумбы устроил сам. Эх, не хватает вас, Миша, а то бы могли разделить прямо артистически! Мои ребята мне помогают. А как наш Бутырский садик? <...> Как то вы все дорогие, поживаете? Крепко

вас всех обнимаю и целую Ваш Аб.»³⁹. Чекисты задержали даже письмо его сына Михаила от 19 июня 1925 г., адресованное Д. Ф. Ракову: «Дорогой Дмитрий Федорович. Писал Люке, но он не отвечает. Надеюсь, что вы напишете — как живете? С папой очень хорошо <...>»⁴⁰.

Позже А. Р. Гоц был отправлен в ссылку в Семипалатинск (это видно по адресу, на который в 1931 г. Е. П. Пешкова посылала С. Н. и А. Р. Гоц посылку⁴¹), а затем — в Алма-Ату. Жена его, Сара Николаевна, следовала за ним, что видно из ее недатированного письма Е. П. Пешковой⁴². Их жизнь в Алма-Ате отразилась в переписке Е. П. Пешковой с родственницей С. Н. Гоц — Р. Р. Познер (которая весной 1935 г. запрашивала из Парижа о ее судьбе, т. к. волновалась, почему от С. Н. Гоц, писавшей «2 раза в месяц», ничего нет уже 4 месяца⁴³) и из письма С. Н. Гоц Е. П. Пешковой (она писала, что «очень погрузнела, т. к. мало ходит»)⁴⁴. Из этих писем было видно, что С. Н. Гоц «много работает в Научно-исследовательском институте и в детской амбулатории»⁴⁵. В конце этого же года А. Р. Гоц обращался за содействием в Красный Крест к М. Л. Винаверу с просьбой о прописке дочери Ольги в Москве⁴⁶. Хлопоты увенчались успехом и Винавер телеграфировал Гоцу: «Алма-Ата. Дом правительства. Госплан. Геологу Гоц»: «Дочери препятствий не будет»⁴⁷.

7 февраля 1937 г. Гоц был арестован по приказу наркома внутренних дел Н. Ежова (об этом ниже). Этому предшествовала докладная записка Наркома внутренних дел Союза ССР Н. Ежова Сталину и Молотову (датировать ее можно последними числами января), в которой он утверждал, что «в результате агентурной и следственной работы нам удалось вскрыть и приступить к ликвидации широко разветленного эсеровского подполья, руководимого ссыльными членами ЦК партии левых и правых эсеров»⁴⁸.

Из его записки видно, что чекисты «вскрыли» эсеровское подполье прежде всего в тех областях страны, в которых эсеры пользовались влиянием до революции и в годы гражданской войны («в Свердловской (ранее Екатеринбургская губерния — *К. М.*), Воронежской (чекисты взяли те ее районы, которые были охвачены «антоновским движением» — *К. М.*), Куйбышевской (ранее Самарская губерния — *К. М.*), Московской областях, Западно-Сибирском и Азово-Черноморском краях»). Технология «вскрытия» эсеровского подполья также видна из записки: в ряде мест было арестовано несколько ссыльных эсеров, чьи «признательные» показания были приложены к докладной записке (показания Павлова, Горяинова, Бессонова, Петелина, Осипова, Корнюхина, Кулябко-Корецкой). Также были выбиты показания из троцкиста Л. Г. Вицмана, что во главе эсеровской организации стоит А. Р. Гоц, лично ему говоривший, что она: «...активно работает в целом ряде краев и областей» и что она «...стоит на позициях индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства»⁴⁹.

Докладная записка, насчитывавшая 14 машинописных страниц (без приложенных к ней протоколов допросов), подробно рассказывала об эсеровском подполье во всех вышеназванных областях и краях, с «привязками» к каждой из них конкретных членов ЦК ПСР и ЦК ПЛСР, «осуществлявших руководство» местными эсерами. Например, «эсеровская организация в Куйбышевской области», которая действовала «...в г.г. Куйбышеве, Ульяновске, Пензе и районах: Никольском, Вишкеевском и Ширяевском» руководилась «активными кадровыми эсерами, быв. членами Поволжского комитета ПСР, действовавшими по директиве члена ЦК ПСР Агапова (отбывает ссылку в Кудымкаре Свердловской области) и члена ЦК партии левых эсеров Спиридоновой»⁵⁰, находившейся в Уфе.

Чекистов не смутило даже то, что в некоторых регионах страны эсеровское движение было возможно лишь в воображении чекистов, и они придумали «эсеровскую организацию в Казахстане», во главе с Гоцем. Кроме процитированных высказываний Гоца, из всех деяний этой организации было зафиксировано, только то, что «<...> Гоц поддерживает организационную связь с зарубежом и получает денежные средства для нужд организации»⁵¹.

Примечательно, что уже в этом документе прорисовывался сценарий будущего «бухаринского процесса» (а еще, вероятно, уже «до кучи», говорилось о связях левых и «правых» эсеров с троцкистами и децистами), хотя сам Н. Бухарин был еще на свободе: «еще в 1933 году руководящий центр организации правых обсуждал вопрос об установлении связи с эсерами, в частности членами ЦК — Гоцем, Тимофеевым и Спиридоновой. В 1933 г. Бухарин, связанный с активным эсером Семеновым (бывш. руководитель боевой эсеровской организации при ЦК ПСР в 1917—1918 гг., вел переговоры с ним о привлечении его к террористической деятельности нелегальной организации правых. Семенову Бухарин поручил подготовить и совершить террористический акт против тов. Сталина и тов. Кагановича)»⁵².

Ежов утверждал, что «<...> нелегальными эсеровскими организациями в Союзе руководит ЦК ПСР Гоц А. Р., Тимофеев Е. М., Гендельман М. Я., Агапов В. В., Артемьев Н. И., Подбельский Ю. Н., Ракитников Н. И., и члены ЦК левых эсеров Камков Б. Д., Спиридонова М. А., Майоров И. А., Самохвалов М. Д., Каховская И. К. и Измайлович А. А., которых он считал необходимым арестовать «в целях полного разгрома эсеровского подполья»⁵³.

Начиная с ареста в 1937 г., судьба Гоца прослеживается также по документам «личного дела заключенного»⁵⁴. В постановлении об его аресте, выданном 7 февраля 1937 г. и санкционированном прокурором КазССР, безапелляционно утверждалось, еще до какого-либо следствия, что «Гоц является руководителем нелегальной антисоветской организации эсеров, член ЦК ПСР». К Гоцу, арестованному в этот же день, было применено «содержание под стражей в следственной тюрьме НКВД КССР»⁵⁵.

Во время обыска, который проводился аж пятью чекистами (судя по подписям в «приложении к протоколу обыска», подписанном также понятым, и самим Гоцем), были изъяты письма Е. М. Тимофеева, М. Я. Гендельмана, Власова и др., «папка, содержащая письма от брата М. Гоц, относящиеся к 1900 годам», письма от сына и невестки, «сверток писем Гоца к жене», «адреса Цейтлина, Ракова и др.», «две тетради, написанные в тюрьме, переводы, фотокарточки и воспоминания о работе в ПСР» (возможно, что речь идет о воспоминаниях А. Р. Гоца, написанных им Бутырской тюрьме еще в 1920—21 гг. и посвященных его участию в Боевой Организации ПСР в 1906 г.), «альбом карточек Александровского централа», «письма из заграницы», «фотокарточек тридцать штук» и много другое (всего 29 пунктов по описи)⁵⁶.

Собственноручные показания Гоца алма-атинские чекисты переслали в Москву, где они позже были приобщены к фонду процесса с.-р. 1922 г.⁵⁷ Эти показания, занимающие более сотни страниц текста, были получены с применением пыток. Сам факт применения пыток и последующих моральных мучений Гоца за эти показания, заставляет с большой осторожностью подходить к этим трагическим страницам, но невозможно и замалчивать их: «<...> И если по всем пунктам обвинения мы выступали открыто, оспаривая не фактическую основу событий, а лишь их

политич[еское] освещение, истолкование и оценку, то по одному вопросу мы чувствовали невозможность выступить так же открыто — именно по вопросу о терроре. После очень длит[ельного] обсужд[ения] мы пришли к выводу, что нельзя в интересах партии, перед лицом всей страны и обществ[енного] мнения трудящихся России и Запада, вскрыть все разногласия, которые имелись в партии в те годы по вопросу о терроре, рассказать о той внутренней борьбе, которая имела место в рядах партии по этому вопросу и которая приводила к таким некрасивым морально-политическим последствиям, как опубликование Ц. К. п.с.р. о своей непричастности к теракту против Володарского. Не желая продемонстрировать разброд в рядах Ц. К. п.с.р., руководящая пятерка обязала всех участников процесса стоять в вопросе о позиции партии в терроре на точке зрения большинства Ц. К. и категорически отрицать прикосновенность партии к теракту против Володарского и покушению Фани Каплан. <...> к нему (Д. Д. Донскому — К. М.) обратилась Фаня Каплан с предложением выступить с терактом против Ленина. Донской лично примыкал к тому течению в Ц. К., которое стояло в те дни на точке зрения признания террора. По его словам, он заявил Каплан, что т. к. большинство Ц. К. относится отрицательно к терактам, он должен предупредить ее, что от имени партии теракт не может быть совершен, а что теракт, если она намеревается его совершить, должен носить строго индивидуальный характер. Донской рассказал далее, что он предупредил Каплан, что в силу отрицательной позиции Ц. К. к террору, он — Донской — как представитель Ц. К. должен будет опубликовать заявление о непричастности партии к теракту. Каплан заявила ему, что она тем не менее решила выступить с терактом. Донской не скрыл от Каплан, что и он относится сочувственно к террору и оказал ей содействие, но в чем оно конкретно выразилось, припомнить не могу»⁵⁸.

Обращает на себя внимание «историческая часть» показаний, начинающихся с февраля 1917 г., которую можно считать более или менее достоверной, да и то с рядом оговорок. Скажем, в первом разделе показаний (I. 1917 год (февраль — июль) — «Организационное состояние партии с.-р., кадры, основные политические установки: война, земельный вопрос, рабочий вопрос, отношение к другим партиям») много совершенно справедливых и точных оценок и интереснейших высказываний (вроде, безусловно, справедливого замечания в адрес А. Ф. Керенского⁵⁹). В целом Гоц дает весьма точную зарисовку причин, приведших партию с.-р. к поражению, поднимаясь с высоты пережитого до весьма серьезных признаний и обобщений. Но какая-то часть оценок и суждений была явно адаптирована Гоцем под уровень следователей и их начальников, изложена на языке и стереотипах «Краткого курса истории ВКП(б)», как, например, следующий пассаж, странно звучащий из уст одного из лидеров ПСР: «Причем в силу эклектизма, столь характерного для всей теории и практики партии с.-р., мы с.-р. — в противовес большевикам не понимали, что ведущая роль гегемона в этом фронте революции должна принадлежать пролетариату, что только при условии обеспечения политического руководства за рабочим классом революция может получить должный размах и привести к разрешению основных социальных проблем, выдвинутых революцией. Эта эклектическая формула (триединый рабочий класс, или «три брата по труду», по мнению эсеров, включал в себя пролетариат, крестьянство и интеллигенцию — К. М.) в действительности сковывала творческую инициативу самого революционного, подвижного и исторически передового члена этого тройственного объединения, т. е.

пролетариата, и объективно не увеличивала ударную силу рабочего класса, умножая его революционную инициативу на массу трудового крестьянства, а наоборот тушила его инициативу, замедляла его исторический шаг, тянула назад»⁶⁰. Неорганичность этого высказывания видится в том, что это не только отказ от фундаментальной, базовой формулы эсеровской доктрины, но и достаточное откровенное признание верности стратегической и тактической линии большевиков на дальнейшую эскалацию революционного творчества масс и захват власти, вне поля выборов и функционирования Учредительного Собрания. У нас нет никаких оснований считать, что А. Р. Гоц проделал столь крутую идейную эволюцию, после которой в пору писать заявление о приеме в члены ВКП(б).

Анализ его показаний свидетельствует о том, что А. Р. Гоц даже под пытками не назвал ни одного имени, не переступил запретной для революционера черты. Как это ему удалось? Имитацией раскаяния и идейной эволюции. Но главного он все же достиг — вместо конкретной «деятельности эсеровского террористического подполья» с именами своих товарищей, А. Р. Гоц на десятках страниц писал о планах, оценках и ошибках эсеров и о том, что его взгляды кардинально изменились. По понятиям революционеров А. Р. Гоц не совершил предательства (отсутствие выдач), а цену его «отступничества», похоже, хорошо понимали И. В. Сталин и Н. И. Ежов, даже не попытавшиеся использовать его «покаяния» в пропагандистских целях. По свидетельству одного из иностранных коммунистов, находившегося в это время в алма-атинской тюрьме и позже попавшего за границу, Гоца и меньшевика Марка Либера подвергли пыткам и в конце концов получили от них необходимые показания. М. Янсен в своей книге приводит воспоминания и оценки этого коммуниста: «По мнению информанта, признания, вырванные у Гоца и Либера, ни в чем не умаляют образа этих революционеров, до самого конца сохранивших веру в лучшее будущее и оставшихся преданными своим идеалам. Особое впечатление произвело на рассказчика то, что, прощаясь со своим сокамерником, Гоц и Либер просили его, если он когда-нибудь выйдет на свободу, — сообщить их товарищам по партии, что они не сдались и до самого конца не предали своих идеалов. «Передайте всем нашим друзьям привет и скажите им, что мы всегда с гордостью носили имя революционеров, но как ни тяжело нам, когда нас клеймят контрреволюционерами, мы знаем, что история вынесет нам иной приговор. Может быть, народ сейчас и поверит всему тому, что о нас говорит власть: Сталину удалось воспитать поколение ослепленных и введенных в заблуждение людей, в этом его сила. Но придет для России и для всего мира лучшее время, и тогда история нас рассудит»⁶¹.

Из Алма-Аты в конце августа был отправлен в Москву «в распоряжение 4 отдела ГУГБ НКВД СССР», где содержался в Бутырской тюрьме. В декабре 1938 г. ему «под расписку» было объявлено, что отныне он числится «содержанием за Прокурором ССР», куда было отправлено его дело. В январе 1939 г. из Военной прокуратуры СССР за подписью главного военного прокурора Н. Розовского на имя начальника Бутырской тюрьмы пришло письмо, в котором сообщалось: «Числящихся за нами арестованных Гоц Абрама Рафаиловича и Тимофеева Евгения Михайловича, прошу с сего числа перечислить содержанием за Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР».

Вплоть до суда (который состоялся 20 июня 1939 г.) Гоц продолжал находиться в Бутырской в тюрьме, где 15 июня 1939 г. произошел любопытный инцидент. Дежурный 9-го корпуса обнаружил у Гоца, сидевшего

в 321 камере «отточенную зубную щетку» (это лишний раз характеризует его как опытного сидельца). За сие преступление было решено «арестованного Гоц лишить одной очереди лавки»⁶².

20 июня 1939 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР А. Р. Гоц вместе с Е. М. Тимофеевым был осужден «...к тюремному заключению, сроком на двадцать пять лет»⁶³. 26 октября 1939 г. начальник санчасти Бутырской тюрьмы подписал справку, что Гоц «практически здоров» и «к физическому труду годен». Личное дело А. Р. Гоца №1696 по наряду Главного Тюремного Управления НКВ СССР от 14.11.1939 г. было отправлено в Красноярский лагерь. В декабре туда же под усиленным конвоем был отправлен и сам Гоц (место назначения г. Канск). 10 января 1940 г. на него была уже заведена карточка Красноярского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР. Меньше чем через восемь месяцев Гоц умер в больнице Ингашского ОЛП, о чем был составлен «Акт о смерти № 99», причиной смерти объявлявший «кровоизлияние в мозг». В справке, предназначенной начальнику ОАГС УНКВД г. Ленинграда и подписанной 4 сентября 1940 г. нач. 2 отдела Управления Красноярского ИТЛ сообщалось, что А. Р. Гоц умер 4 августа 1940 г. от кровоизлияния в мозг в г. Канске. В справке указывалось и его последнее местожительство в Ленинграде — ул. Набережная Шмидта д. 13 кв. 1⁶⁴ (надо полагать в 1917—1918 гг.).

28 мая 2001 г. Помощник Генерального прокурора Российской Федерации Н. С. Власенко утвердил «Заключение об отказе в реабилитации», составленное А. Г. Абрамовым и подписанное прокурором отдела реабилитации И. О. Ковалевской, в котором отмечалось: «<...> Гоц признан виновным в том, что, будучи одним из влиятельнейших членов ЦК партии социалистов-революционеров (правых) поддерживал и разделял установку ЦК на вооруженное свержение рабоче-крестьянской власти в России. В прошлом участвовал в организации в контрреволюционных целях вооруженных восстаний и вторжений на территорию России вооруженных отрядов и банд, участвовал в попытках захвата власти в центре и на местах и насильственном расторжении договоров, заключенных РСФСР, отторжении от Республики некоторых частей ее. Кроме того, руководил деятельностью террористических партийных групп, готовивших покушения на Ленина, Троцкого, Берзина и поезд Совета Народных Комиссаров, убийство Володарского. **В основной своей части предъявленное Гоцу обвинение подтверждено его собственными показаниями, данными в суде, в которых он заявил, что считает себя полностью ответственным за все решения ЦК партии, направленные на организацию вооруженной борьбы с советской властью, подтвердил, что сразу же после свержения правительства Керенского он принимал меры к свержению власти большевиков и с этой целью выезжал в войска под Петроградом, в том числе к генералу Краснову, для организации их выступления на Петроград (выделено нами — К. М.).** Показаниями Паевского, Игнатьева, Семенова, Коноплевой, Ракитина-Бруна, Краковецкого подтверждено, что Гоц принимал активное участие в подготовке юнкерского восстания в Петрограде в конце октября 1917 года, когда основные революционные силы были брошены на борьбу с корниловским мятежом (так! — К. М.). По его настоянию руководителем восстания был назначен полковник Полковников. Входил в военную организацию и штаб «Союза возрождения», куда входили и представители буржуазных партий, координировал деятельность «Союза» и партии эсеров по борьбе с советской властью (выделено нами — К. М.). Семенов, Коноплева подробно рассказали, что именно Гоц поддержал их решение об организации убийства Володарского, слезку, а затем и покушение на Ле-

нина, причем поддержал не только от своего имени, но и от имени ЦК партии эсеров <...> **доказанные Гоцу преступные действия содержат состав инкриминированных ему преступлений. На основании изложенного, руководствуясь ст. 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» в реабилитации ГОЦА Абрама Рафаиловича отказать** (выделено нами — *К. М.*)⁶⁵.

Евгений Михайлович Тимофеев после длительной голодовки с протестом после повторного срока был в конце 1925 г. сослан в Коканд, Ташкент; затем в Уральск; в 1929 г. ему было разрешено переменить место ссылки на Казань⁶⁶. 29 мая 1928 г. он писал Е. П. Пешковой из Уральска: «10-го мая кончился добавленный мне прошлым летом год ссылки. Хотелось бы знать, чего мне следует ожидать дальше. Поэтому просьба к Вам новости, если возможно, по этому вопросу справки и уведоमितь меня. Обращаюсь к Вам потому, что в прошлом году, послав соответствующий запрос прямо в ГПУ, я не получил никакого ответа. Возможно, что и Вам тоже не удастся получить просимых мною данных. Для меня и это будет служить уже достаточным основанием для умозаключений о предстоящем»⁶⁷.

Из справки ГИЦ МВД СССР, составленной в апреле 1991 г., видно, что решением Особого Сопровождающего от 3 января 1931 г. Тимофеев был отправлен в ссылку в Самарканд на три года, а 14 сентября 1935 г. этим же органом срок ссылки был продлен на те же три года⁶⁸. 5 мая 1932 г. Тимофеев, подтверждая получение высланных ему ранее двух посылок⁶⁹, писал Е. П. Пешковой: «Вот уже пять дней, как собираюсь черкнуть Вам, дорогая Екатерина Павловна, и сообщить, что ваши «щедрые дары Аравии» в виде двух посылок мною получены и уничтожаются с большим аппетитом. Задержка в моем уведомлении объясняется тем, что мы снова переезжали на другую квартиру. Это наше главное занятие в Самарканде! ...Живем по-старому. Я служу в одном анекдотическом учреждении, которое знаменито тем, что не имеет жалования по 2–3 месяца, Анна Павловна — состоит на ампулу домашней хозяйки. Оба живы и относительно здоровы. Сейчас впитываем в себя прелести туркестанской весны — это лучшее время года здесь. Уже покрываются все лужайки красными головками мака, и в воздухе начинает чувствоваться аромат белой акации. Хорошо во всех отношениях!»⁷⁰. М. Л. Свирская, попавшая в самаркандскую ссылку в 1931 г., вспоминала: «Туда был выслан Е. М. Тимофеев, который жил со своей женой Стасей Павловной и работал в хлопковом тресте. Е. М. хорошо знал историю Самарканда. Уговаривал меня после переезда в Самарканд, <...> заняться фресками. Мы почти каждый день встречались. Или они к нам, или мы к ним. Разговаривали обо всем на свете. ...Уже после моего последнего освобождения, т. е. после 56 года, я встретила у знакомых бывшего коммуниста, просидевшего, как говорили, полную катушку. Знакомили нас обычно в эти годы: «вот, тоже сидел или сидела». Начинались расспросы — где, кого встречали. И вот этот бывший коммунист, не то до ареста председатель Моссовета или заместитель, рассказал, что сидел в Бутырках в 1936 — 37 гг. с Евг. Мих. О том, что в этих камерах, набитых до отказа, читались доклады на всевозможные темы, Вы знаете. Евг. Мих. «водил» их по музеям: Эрмитаж, Третьяковская галерея и др. Знал биографии и школы художников. Водил их из комнаты в комнату, помня, как развешены картины были. При его рассказе я не переставала удивляться, когда он это успел увидеть. Февральская революция его освободила с каторги. Отбывая каторгу, он получил новый срок и досидел до февраля 1917 года. От этого коммуниста я узнала, что Евг. Мих. каждый год, не помню сколько раз, привозили в Москву. Жил он не в тюрьме, его

возили по Москве, показывая стройки и перестройки. Он думал, что его и на этот раз увезут обратно. Но на этот раз его поместили в Бутырки. Он часто говорил этому коммунисту: «Ну, я здесь, это можно понять, а Вы, Вы-то почему здесь?»⁷¹.

Из докладной записки Ежова Сталину в конце января 1937 г. видно, что на момент ареста в феврале 1937 г. Е. М. Тимофеев «отбывает ссылку в Ташкенте, без определенных занятий»⁷².

Уже в июне 1937 г. Ежов докладывал Сталину, что «арестованная по делу эсеровской террористической организации Ставская Ф. К., бывшая участница боевой дружины ЦК ПСР в 1922 году (так в тексте), осужденная по процессу ЦК ПСР, но помилованной ВЦИКом» сообщила: «о нелегальном эсеровском центре в Союзе, в составе Гоца, Тимофеева, Веденяпина и других и о наличии в ряде городов Союза эсеровских организаций, которые по директиве центра вели практическую работу о создании на местах повстанческих формирований и эсеровских ячеек в колхозах»⁷³. «Эсеровский центр», по ее показаниям, также «<...> установил политический и организационный контакт с меньшевиками, троцкистами, зиновьевцами, шляпниковцами, левыми эсерами, правыми, представителями трудовой крестьянской партии, а также с бывшими эсерами, находящимися в рядах ВКП(б)»⁷⁴.

О том, что Гоца и Тимофеева, по всей видимости, все же планировали вывести на бухаринский процесс, видно из следующей фразы доклада Ежова Сталину: «По поручению Гоца, Тимофеева и Бухарина руководителем московской эсеровской террористической организации Семеновым были созданы в Москве, Ленинграде и Колпино террористические группы, которые готовили террористические акты против членов Политбюро и, в первую очередь, против т.т. Сталина, Молотова и Ворошилова. Совершение этих актов готовилось первоначально в декабре месяце 1934 года, когда, в связи с убийством тов. Кирова, тов. Сталин находился в Ленинграде, а затем в Москве в 1935 году, во время годовщины Октября на Красной площади путем метания бомб. Названные в показаниях Ставской террористы арестованы»⁷⁵. Вряд ли мы ошибемся, предположив, что Сталин и Ежов хотели связать Бухарина не только с показавшими в 1922 г. «эсеровскими террористами» Семеновым, Усовым, Ставской, Козловым и прочими, которых в конечном счете и вывели на бухаринский процесс, но и с лидерами «разветвленного эсеровского подполья», с людьми, чьи имена были символом непримиримой борьбы с большевиками. Нетрудно себе представить, какой грандиозный эффект и в стране, и за границей имели бы выступления Гоца и Тимофеева о том, что они действовали заодно с Бухариным, бывшим защитником подсудимых 2-й группы, да еще используя при этом бывших своих сопроцессников—рenegатов. Но мы также вряд ли ошибемся, сказав, что Сталин и Ежов не решились выводить на процесс ни Гоца с Тимофеевым, ни кого-либо из тех членов ЦК ПСР и ПЛСР, которые по их приказу были арестованы в феврале 1937 г. Одно дело «работать» на следствии и на самом постановочном процессе с бывшими партийными бонзами, вроде Бухарина, давно забывшим, что такое тюремные нары, или с «террористами» из 2-й группы подсудимых, уже ломавшихся и игравших на процессе предписанную им роль. И совсем другое дело непримиримые враги режима, вся жизнь которых в советское время — это череда тюрем и ссылок, для которых, в отличие от Бухарина, арест в 1937 г. — это не случайная катастрофа, а ожидаемый ими и закономерный итог их противостояния власти. Безусловно, алма-атинские чекисты, выполняя личный приказ

наркома внутренних дел Ежова, вынудили Гоца написать «покаяние». Но представляется, что Сталин был слишком умен и хорошо представлял себе менталитет таких людей, как Гоц, Тимофеев, Гендельман, Агапов, Подбельский, Ракитников, Артемьев, Спиридонова, Камков, Майоров, Самохвалов, Каховская, Измайлович. Характерно, что член ЦК ПСР В. П. Шестаков, бывший на процессе 1922 г. свидетелем защиты, которого чекисты в Воронеже вскоре также «подверстали» к этому делу, в ответ на попытки следователей выбить из него показания объявил голодовку, с одной стороны протестуя против этого, с другой, не желая превратить этот процесс выбивания показаний в бесконечный (показаний так и не дал и был расстрелян).

Представляется, что Сталин, понимая всю выигрышность использования этих людей на бухаринском процессе, не верил в то, что ими удастся манипулировать, но продолжал часть из них (лидеров), держать в тюрьме (остальные были расстреляны в 1938 г., так и не дав показаний).

Решив не выводить эсеров на процесс, Сталин пошел «другим путем». В докладной записке от 10 февраля 1938 г. Ежов, отвечая на критику Сталина, признавал «недоработки» («Операции по эсерам, главным образом, коснулись ссыльных эсеров и эсеровского актива, состоявшего на оперативном учете и широко известного органам Наркомвнудела. <...> Операция очень слабо коснулась эсеровских организаций в Красной армии и в ЧК. Слабо выявлены связи эсеров с иностранными эсеровскими центрами и с иностранными разведками»), но отмечал и явные успехи, достигнутые в борьбе с «эсеровским подпольем»: «Всего по Союзу ССР за 1937 год арестовано членов антисоветской организации эсеров — 25.212 человек. <...> Во исполнение Ваших указаний от 7.1.-1938 года сообщая:

А) дан приказ всем органам НКВД продолжить и активизировать агентурно-оперативные мероприятия по ликвидации существующих нелегальных организаций эсеров и выявлению их организационных связей с зарубежными эсеровскими центрами, правыми, троцкистами и иностранными разведками.

Б) на оперативном учете НКВД СССР к моменту Вашего указания состояло 5.388 человек эсеров, в том числе 1.014 состоящих в рядах ВКП(б) и 244 человека военнослужащих. Надо иметь в виду, что на нашем учете состоят только те эсеры, на которых имеются те или иные компрометирующие материалы;

В) из состоящих на учете 5.388 эсеров в настоящее время, по моим приказам, арестовано 2.000 человек.

В результате проведенных за последнее время арестов вскрыто и ликвидировано ряд эсеровских организаций»⁷⁶.

О Гоце и Тимофееве Сталин вспомнил позже, когда всех эсеров уже расстреляли. 20 июня 1939 г. состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда Союза ССР под председательством бригаденюриста Алексева и двух членов бригаденюриста Детистова и военюриста 1 ранга Климина, при секретаре — мл. военном юристе Филатове. Подсудимых А. Р. Гоца и Е. М. Тимофеева обвинили «в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР». Инкриминировалось им следующее: «<...> оба они не прекратили борьбы и продолжали свою к/р деятельность до дня ареста. Находясь в ссылке, Гоц и Тимофеев не порвали связи между собою, а с 1929 года повели работу по объединению нелегальных эсеровских антисоветских групп, под руководством т. н. Центрального Бюро партии эсеров, стремясь активизировать к/р деятельность названных групп.

Являясь основными руководителями Центрального Бюро партии эсеров Гоц в г. Алма-Ата, а Тимофеев в г. Ташкенте установили организационные и политические связи с эсеровскими антисоветскими группами в Чимкенте, Семипалатинске, Куйбышеве, Тобольске, Новосибирске и др. городах, которым, через своих связистов, давали установки на развертывание борьбы против ВКП(б) и Советского Правительства, путем применения террора и предательства. Они же неоднократно проводили нелегальные сборища эсеровских подпольных групп, на которых обсуждались вопросы террора в отношении руководителей ВКП(б) и Советского Правительства и вопросы вредительства в промышленности в сельском хозяйстве.

Кроме того установлено, что как Гоц, так и Тимофеев пытались установить политический и организационный блок с различными антисоветскими центрами нелегальных организаций б. левых эсеров, меньшевиков и др., для совместной борьбы с Советской властью»⁷⁷.

На основании всех этих обвинений, Военная коллегия Верховного суда приговорила А. Р. Гоца и Е. М. Тимофеева «к тюремному заключению, сроком на двадцать пять лет каждого, с поражением в политических правах на пять лет каждого, и конфискацией всего, лично принадлежавшего им, имущества. Срок тюремного заключения исчислять Гоц с 7 февраля 1937 г., а Тимофееву 5-го февраля 1937г.».

После знакомства с данным приговором и донесениями Н. Ежова Сталину остается масса вопросов. Почему так затянули дело в отношении двух руководителей «Центрального Бюро ПСР», когда всех привлеченных по этому делу расстреляли еще в 1937—1838 гг.? Почему всех рядовых участников этого «дела» расстреляли, а двум руководителям дали тюремные сроки? И наконец, оторвавшись от этого «дела», так как не в нем разгадка этого парадокса: почему, расстреляв в 1938 г. **всех** еще оставшихся к этому моменту в живых мужчин-эсеров (пережил этот рубеж лишь А. В. Либеров (умер в лагере в 1942 г.) и А. И. Альтовский (умер в 1975 г.), власти оставили в живых Гоца и Тимофеева — лидеров не придуманных, лидеров и врагов режима самых доподлинных и безусловных. Видимо, по той же самой логике в живых были оставлены и лидеры левых эсеров во главе с М. А. Спиридоновой. Вряд ли это было случайностью или желанием НКВД, скорее тут был какой-то замысел Сталина. В любом случае, решение сохранить жизни нескольким руководителям под корень уничтоженных партий вряд ли могло быть принято кем-то кроме Сталина.

Впрочем, понять логику этой репрессивной машины и ее руководителей не всегда просто. Если ставилась цель зачем-то сохранить жизни Гоцу и Тимофееву, то почему вскоре в нарушение приговора о «тюремном заключении» Гоца отправили на верную гибель в Красноярский лагерь? Ведь сразу же после вынесения приговора Военная коллегия Верховного Суда ССР отправила начальнику Бутырской тюрьмы предписание «о дальнейшем содержании под стражей» А. Р. Гоца. Почему это решение спустя несколько месяцев было проигнорировано? И почему Тимофеева оставили в тюрьме, тем самым сохранив ему жизнь до 1941 г.?

Военной коллегией Верховного суда СССР Тимофеев был приговорен 8 сентября 1941 г. к ВМН (без указания статьи) и расстрелян 11 октября 1941 г. вместе с другими политзаключенными Орловской тюрьмы. Как следует из справки ГИЦ МВД СССР, Пленум Верховного суда СССР от 26 июля 1990 г. постановил приговор от 8 сентября отменить, дело пре-

кратить за отсутствием состава преступления⁷⁸. В заключении о реабилитации, утвержденном 28 июня 2001 г. и.о. пом. Генерального прокурора Т. М. Бобылевой, касавшемся кроме Е. М. Тимофеева, также Н. Н. Иванова, А. И. Альтовского, Ф. Ф. Федоровича, В. Л. Утгофа-Дерюжинского, констатировалось: «<...> суд в приговоре в отношении Иванова, Тимофеева, Федоровича значительно вышел за рамки предъявленных им обвинений, что нельзя признать правильным. <...> Хотя по делу установлено, что будучи руководителем военной работы в Москве, Тимофеев принимал меры к направлению в Поволжье, где концентрировались силы эсеров, для организации правительства Учредительного Собрания, сторонников эсеров, **но не установлено, что он туда направлял и заведомо контрреволюционные элементы. Сама же работа эсеров по организации в Поволжье правительства Учредительного Собрания, была не контрреволюционной, а только антибольшевистской** (выделено нами — К. М.). Отсутствуют в деле доказательства того, что Тимофеев имел связь с представителями иностранных государств, находящихся в состоянии войны с республикой Советов. <...> Отсутствуют доказательства того, что Тимофеев имел связь с организованной в Москве подрывной группой партии эсеров, оказал помощь в подготовке в апреле 1918 года покушения на Ленина»⁷⁹.

Дмитрий Федорович Раков, как уже отмечалось, во время «развезенной голодовки» в октябре 1925 г. отказался ехать в Коканд и отмена этого решения была включена 1 ноября 1925 г. в список требований заключенных эсеров как одно из условий прекращения голодовки. Конечно, власти пошли на уступки и 11 декабря 1925 г. Раков был выслан в Уфу на 3 года⁸⁰. 12 мая 1929 г. в письме Е. П. Пешковой он напоминал, что в 1925 г. голодовками они добились от чекистов при отправке их в ссылку, соблюдения следующих условий «1) нас будут отправлять в ссылку в города не ниже губернского значения и расположенные на железных дорогах, 2) мы получим на местах ссылки работу соответственно квалификации и специальности каждого из нас»⁸¹.

И действительно, в отличие от многих других политических ссыльных, которые не могли устроиться по специальности либо в силу невостребованности их специальностей в тех местах, куда их сослали, либо в силу препятствий, чинимых местным ГПУ, Раков легко устроился на работу. Будучи выпускником московского Коммерческого института, руководившим финансами в Комуче (деньги Комуча, «раковки», пользовались большой популярностью у населения и были стабильной валютой в силу грамотной финансовой политики, проводимой Д. Ф. Раковым) он был принят на должность «ученого секретаря-экономиста» в Башкирский Центральный совет Народного хозяйства с окладом в 125 руб. в месяц. Его опыт и деловые качества были оценены по достоинству и через два года он уже был «старшим экономистом БЦСНХ» с окладом 205 руб.⁸² Отметим необычность ситуации, т. к. обычно местные чекисты заставляли «совучреждения» увольнять служащих-политссыльных, как только те начинали продвигаться по службе и у них рос заработок, прямо говоря им, что в их расчеты не входит, чтобы ссыльные хорошо устраивались.

Но после приезда нового зам. председателя БЦСНХ Первина, Раков и еще трое социал-демократов были Башкирской Рабоче-крестьянской инспекцией были «вычищены» с работы как «чуждый элемент», с запретом принимать их на службу в советские учреждения. Уволены они были в спешном порядке (Раков был вынужден сдать дела в «24 минуты» со всевозможными нарушениями, с отказом выдать им приказ и т. д. и т. п.). Трагичность ситуации Раков передавал следующим примером: «Если бы

мы, состоя на государственной службе, совершали политические преступления, то органы государственного политического управления давно применили бы к нам более суровые и решительные меры, чем простое снятие с работы. Так, по крайней мере, смотрит на это дело начальник БОГПУ, с которым я недавно имел беседу на эту тему. По его словам, ГПУ неповинно в столь необычном снятии нас с работы и лишении права на такую»⁸³. Д. Ф. Раков восклицал: «Итак, нас не только сняли с работы, но и лишили раз — навсегда права на работу, тем самым обрекли нас на перманентную безработицу. Верховный трибунал лишил меня избирательных прав, но не лишил права на работу. ОГПУ отправило меня в ссылку, но не препятствовало доселе поступлению на службу.. Любое учреждение нас и сейчас охотно взяло бы на работу, если бы с нас сняли наложенное РКИ „veto“. Я осмеливаюсь сказать больше: если бы я был коммунистом, то само увольнение нас со службы я рассматривал бы не иначе, как прямое и злостное „вредительство“. И это я сумел бы доказать»⁸⁴. Но окончательно «добило» Ракова то, что его «попросили» очистить ведомственную квартиру Башвинпрома, которую он занимал, предложив ему оплатить ее по высшим ставкам (70 руб. в месяц) как «лицу свободной профессии» (что уже, по его словам, проделали с уволенным из одного республиканского треста меньшевиком М. Г. Бочарниковым, у которого эти деньги взимали через фининспектора). Раков возмущенно писал Пешковой: «Такое отношение к безработным политическим ссыльным нельзя назвать иначе, как политическим озорством и издевательством»⁸⁵. Как безработный и лишенный избирательных прав Раков не мог получить вводимые «заборные книжки» (фактически карточки) для получения хлеба и дефицитных товаров и фактически был обречен на голод⁸⁶. Он просил Е. П. Пешкову обратиться в ОГПУ с вопросом, «дадут или не дадут нам здесь работать, в качестве специалистов в советских органах», грозя в случае отрицательного ответа начать голодовку⁸⁷. Чем закончилась эта история, нам неизвестно, но Раков жил в Уфе после этого уже недолго. 21 декабря 1928 г. срок ссылки был ему продлен на 1 год, а 13 февраля 1929 г. — еще на один. По истечению же этого срока, 3 января 1930 г., он был постановлением Особого совещания выслан в Ташкент на 3 года. 22 сентября 1932 г. срок ссылки ему снова продлили, но уже сразу на два года. 26 сентября 1937 г. тройкой при НКВД Узбекской ССР по обвинению в контрреволюционной деятельности Раков был приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Но уже 8 сентября 1941 г. Верховным судом СССР Раков был приговорен к расстрелу⁸⁸.

В заключении о реабилитации, утвержденном 21 мая 2001 г. помощником ген. прокурора Н. С. Власенко, констатировалось: «Хотя Раков в суде заявил, что он считает себя ответственным за все действия ЦК партии эсеров, это заявление следует расценивать как политическую декларацию, а в уголовном порядке он может нести ответственность только за конкретные им совершенные действия. Таковых же со стороны Ракова не установлено. Оборот, имеются сведения, что он активно участвовал в ниспровержении **антисоветской, антинародной власти Колчака в Сибири** (выделено нами — *К. М.*)»⁸⁹.

Владимир Владимирович Агапов после окончания своего тюремного срока дал согласие отправиться в декабре 1925 г. в ссылку в Оренбург, оставив за собой право в случае неподходящего климата для себя или своих родных «возбудить вопрос о замене Оренбурга другим местом ссылки»⁹⁰. В Оренбурге Агапов находился до нового ареста в 1931 г.⁹¹.

Из докладной записки Н. Ежова Сталину в конце января 1937 г. видно, что на момент ареста в феврале 1937 г. В. В. Агапов «...отбывает ссылку в Кудымкаре (Свердловская обл.)» и то, что «по вопросу о терроре Агапов заявил: «Пока существует Сталин, мы не можем достигнуть положительных результатов», а также, что ему вместе с Артемьевым «шило» руководство эсеровским подпольем в Свердловской области»⁹².

21 мая 2001 г. Отделом реабилитации Генеральной прокуратуры РФ было написано заключение о его реабилитации, в котором говорилось: «По приговору Агапов признан виновным в том, что состоя членом руководящих органов эсеров, выполнял директивы своего ЦК, руководил подрывной группой ЦК, организованной в Москве в целях подрыва, поджогов и разрушения железнодорожных путей. Как следует из материалов дела и обвинительного заключения, в августе 1918 года членом ЦК Донским в Москвы была организована подрывная группа во главе с эсером Давыдовым, <...> Агапов по заданиям Донского имел определенную связь с этой группой. В то же время нет объективных данных подтверждающих, что группа выполняла возложенные на нее задачи. <...> имеются показания о том, что <...> в декабре 1918 года, <...> она была ликвидирована именно за бездеятельность. При таких условиях можно говорить только о попытке создания подрывной группы и следовательно осуждение Агапова по ст.65 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за организацию вредительства на железной дороге, нельзя признать доказанным. Можно говорить только о том, что репрессированный знал о создаваемой группе, которая бездействовала.

Его обвинение по ст. 60 УК РСФСР в настоящее время также нельзя признать обоснованным, так как по своей сути эсеровская организация не была контрреволюционной, а только антибольшевистской <...>.

На Агапова Владимира Владимировича распространяется действие ст. 3 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий «от 18 октября 1991г.»⁹³.

Как уже отмечалось выше, **Михаил Иванович Львов** при аресте в 1925 г. был опознан как видный казанский эсер и «председатель Казанского Совета Рабочих и Солдатских депутатов в 17 г. **Галанов Прохор Саввич**»⁹⁴. Жена его Надежда Александровна была из «революционной династии» Аверкиевых⁹⁵. Как писали чекисты в ее учетной карточке, «Надежда Александровна была арестована 1 сентября 1921 года комендантом Бутырской тюрьмы при попытке получить во время свидания от своего арестованного мужа Уполномоченного ЦК ПСР Львова Михаила Ивановича письмо старого состава ЦК ПСР, находящегося под арестом в Бутырках, к ЦБ ПСР, вновь избранному на 10 Совете партии (состоявшегося в августе 1921 года в Москве). При аресте, желая уничтожить письмо, оказала сильное сопротивление. На первых допросах именовала себя Прушакевич Надеждой Ивановной. <...> Только в начале января 1922 года Аверкиева назвала себя эсеркой и в настоящее время тоже состоит в партии с.-р. От дальнейших показаний отказалась. По наведенным справкам выяснилось, что она с давних лет играла видную роль в Саратовской организации ПСР. В 1918 году она была арестована Саргубчека за активное участие в подготовке с.-р. выступления. Была освобождена в ноябре 1918 года, после чего служила в Губстатбюро г. Саратова статистиком, часто уезжая из Саратова в Москву, куда окончательно выехала в марте 1921 года. По агентурным сведениям 3-го Отделения СО ВЧК, что она проживает с этого времени в Москве, главным образом занималась партийной работой. Место службы установить не удалось,

не удалось установить также постоянное местожительство в Москве»⁹⁶. С декабря 1922 г. Н. А. Аверкиева находилась в ссылке в Чердыни Пермской губ. Позже, после окончания тюремного срока к ней в ссылку приехал ее муж. После того, как в 1925 г. она умерла в Чердыни во время родов, М. И. Львов (П. С. Галанов) бежал из ссылки, чтобы спасти новорожденного ребенка. Будучи арестован, Львов (Галанов) получил три года, которые отбывал в Суздальском политизоляторе⁹⁷. Любопытно, что и молодой эсер Н. Н. Аловерт, находившийся с ним вместе в чердынской ссылке, был также приговорен на 3 года политизолятора за соучастие в его побеге.

После окончания срока его этапом отправили в Кзыл-Орду, откуда он вновь был вынужден пойти с этапом в Уральск, но уже на подходе к Оренбургу тяжело заболел и с помощью товарищей отправил 11 января 1929 г. телеграмму Пешковой, гласившую: «[В] Оренбурге заболел ослаб этапом ехать не могу просите литеру или одиночным порядком [до] Уральска Львов»⁹⁸. Пешкова добилась у чекистов временного оставления его в Оренбурге до выздоровления, о чем известила его телеграммой⁹⁹. Кроме того, она предложила ему «...телеграфируйте ОГПУ о разрешении ехать литером под моим поручительством»¹⁰⁰. О злключениях Львова (Галанова) мы узнаем из его письма Пешковой: «Извещаю Вас о своей болезни, так и причинах, ее вызвавших. За восемь лет тюрьмы я не разу не лежал в больнице и не считал себя слабым; к врачам обращался тоже раза два не больше. Три месяца этапа не только положили меня в постель, но кажется довели до туберкулеза. До Кзыл-Орды я болел два раза, но крепился, и болезнь перенес на ногах. В Кзыл-Орде в продолжении 35 дней сидел в буквальном смысле не сходя с места поджавши под себя ноги, что считалось самым лучшим местом в камере, где вместо 12-ти было 36 человек, так что ночью ступить было негде, ни на нарах, ни на полу. А когда получил назначение в Уральск, было страшно трудно заставить себя психически ехать обратно по тем же тяжелым этапам, сделавши напрасно 3 500 верст. Напрасно потому, что являлся даже не к уполномоченному, а к простому канцеляристу и всего на две минуты. Но я все таки заставил себя принять обратный путь и всю его тяжесть, но одно дело заставить себя примириться, но совсем другое дело заставить себя физически вынести. За три дня пути до Оренбурга конвой дал только по две кружки кипятку на человека. Боязнь жажды заставляла быть осторожным с едой, что впрочем повторяется с каждым этапом. Вагон не отапливался, и утром 10 января при приезде на ст. Оренбург я с трудом мог подняться с полки. На просьбу вызвать врача из приемного покоя, получил отказ и принужден был встать в ряды. Стоять не мог, попытался вторично отказать идти. „Но ты идти можешь“ получил ответ... По дороге я падал, меня поднимали и я шел дальше. Было градусов 25 мороза. В исправдоме я составил Вам текст телеграммы, товарищи написали открытку, а остальное время вплоть до перевода в больницу 14 января я очень слабо помню: валялся на нарах в общей пересыльной камере, теперь я в тюремной больнице в хороших условиях, 15/1 — началось осложнение в правом ухе»¹⁰¹.

1 февраля 1928 г. Пешкова отправила телеграмму эсеру — «политстаросте» С. А. Студенецкому с просьбой устроить Львова в городскую больницу и сообщила о разрешении ГПУ оставаться ему в городе до весны¹⁰². 23 февраля Львов писал ей уже из Уральска: «Третий день, как уже на месте. Пока что не устроился с квартирой — заняты. ...Теперь еще не совсем здоров, хотя с ухом уже благополучно, но бронхит остался. Я благо-

дарю Вас за хлопоты обо мне и очень извиняюсь за все беспокойство, причиненное мной Вам. Большое-большое Вам спасибо. Уважающий Вас М. И. Львов»¹⁰³. Дальнейшая его судьба неизвестна.

В заключении о реабилитации М. И. Львова, подписанном в 1997 г. прокурором отдела реабилитации жертв политических репрессий В. С. Гринько, говорится: «Согласно итоговому постановлению следователя и приговору суда он обвинялся в том, что состоял членом наиболее активной группировки ПСР, подготавливающей экспроприацию собственности для нужд партии. В сентябре 1918 г. с этой целью он снабдил члена группы Коноплеву явкой в г. Калуге для проверки возможности ограбления Калужского губпродкома. Данное обстоятельство Львов категорически отрицал, других доказательств, кроме показаний Коноплевой, в ходе следствия не добыто. Лицо, через которое якобы должна быть совершена эта акция не допрошено. Ограбление не было совершено и никаких практических, реальных мер для его совершения не предпринято. Участие Львова в других «мероприятиях» ПСР, признанных судом незаконными: <...> не установлено и он за них к ответственности не привлечен. Львов не отрицал своей принадлежности к партии социалистов-революционеров, разделяя идеологию той ее части, которая **строго стояла на позиции политической легальной борьбы за демократию без использования насилия и других незаконных методов** (выделено нами. — К. М.). При таких обстоятельствах следует признать привлечение его к ответственности за контрреволюционную деятельность незаконным. В последующем Львов совершил побег с места поселения, за что подвергнут заключению в концлагерь. Вопрос об отмене этого решения будет поставлен в судебном порядке»¹⁰⁴.

Аркадий Иванович Альтовский после окончания 27 декабря 1924 г. срока тюремного заключения был выслан на 3 года в Темир-Хан-шуру. В 1930 г. находился в ссылке в Ростовской области, затем в ссылке на Северном Кавказе. В 1937 г. получил срок исправительно-трудовых лагерей, который отбывал в Коми АССР. После окончания войны находился в ссылке в Ухте, где работал сначала старшим инженером, а позже и главным инженером электростанции. С 1965 А. И. Альтовский жил у приемной дочери в Москве, где и умер 15 августа 1975 г.¹⁰⁵.

Вот как описала эсерка Б. А. Бабина встречу с ним и его женой Ниной в Бутырках в феврале 1922 г.: «Войдя к ним в камеру, я застыла от изумления. Потом я уже так не удивлялась, навещая других давних сидельцев: их камеры заставляли меня вспомнить то, что мы в свое время читали о декабристах, которым гораздо более наивное царское правительство разрешало всякие поблажки, скрашивающие жизнь узника. Нечто похожее имело место и тут, в этот краткий, блаженный промежуток времени, примерно между 1920 и 1922... На стене, над койкой, висел ковер, и небольшой коврик лежал также на полу, перед кроватью. Постель была застлана домашним одеялом, и на ней разбросано было несколько подушек в цветных наволочках. Все это создавало непередаваемо яркий колорит для глаза, утомленного серым тюремным однообразием. Однако колоритнее всего были хозяева этого необыкновенного жилья. Аркадий Иванович, красивый brunet, в красной рубашке, очень шедшей к его смуглому лицу, с небольшой черной бородкой, сидя на кровати, наигрывал что-то на гитаре и даже не поднялся ко мне на встречу. Но больше всего меня поразила Нина, которая полулежала в домашнем цветном халатике. Обычно хмурая, с серым личиком, с двумя косами, как-то уныло висящими вдоль спины, она за одну ночь неузнаваемо похорошела

и расцвела. Передо мной была совершенно другая женщина. Ярко пылали ее щеки, блестели глаза, волосы разметались по подушке... Я поняла, что мое присутствие здесь излишне, и, пожелав счастливым супругам всех благ, быстро ушла... Давно уже спит вечным сном Нина Аверкиева, дочь старых революционных интеллигентов из Саратова. <...> Аркадия Ивановича я, вернувшись в 1955 году с Колымы, встретила в Ухте, где он (после двух десятилетий сталинских лагерей) работал в качестве главного инженера электростанции и где моему «обысканному жандармами» сыну пришлось отбывать второй лагерный срок...»¹⁰⁶.

В заключении о реабилитации А. И. Альтовского, утвержденном 28 июня 2001 г. и.о. помощника Генерального прокурора Т. М. Бобылевой говорится: «Альтовский, как установлено, находясь в Самаре, по заданию партии обеспечивал прибывавших туда членов партии документами и жильем. Но делал он это не с контрреволюционными целями, а для оказания помощи съехавшимся туда членам Учредительного Собрания, которые им воспринимались как представители законно избранного правительства»¹⁰⁷.

Николай Иванович Артемьев 24 января 1925 г. (за полгода до освобождения) писал матери (письмо было задержано чекистами): «Здравствуй, родненькая моя. Вероятно, друг мой, ты будешь очень беспокоиться о моем здоровье, и мне бы очень хотелось бы успокоить тебя на этот счет. Ты же сама видела меня и знаешь, что силенки мои все-таки не так уж ослабли и особенно беспокоиться о них тебе не следует. На этих днях наконец получил книги, которые ты привезла мне. <...> У тебя кажется, есть томик Блока. Пришли мне, родная. <...> Я за последний месяц, друг мой, очень мало занимаюсь науками, и не очень много читаю. Устал от книги и поэтому больше занимаюсь физическим трудом. Сделал портплед жене. Вышло очень удачно, а потом переплетаю свои книги. Смастерил сам себе резальный пресс. Но теперь кажется опять потянуло к книгам. Вероятно опять сяду за них. (Далее девять строчек письма вымарано самим Артемьевым — К. М.)

Нам ведь с тобой рассчитывать на помощь со стороны не приходится, и поэтому вопрос о заработке будет основным вопросом нашей жизни <...>»¹⁰⁸. По окончании срока тюремного заключения (23 июля 1925 г.) Н. И. Артемьев должен был быть выслан в Букеевскую орду (Калмыцкая обл.). В конце 1925 г. находился в ссылке в Темир-Хан-Шуре. Из докладной записки Н. Ежова Сталину в конце января 1937 г. видно, что на момент ареста в феврале 1937 г. Н. И. Артемьев «отбывает ссылку в Ирбите (Свердловская область)» и что руководство «с.-р. организациями, действовавшими в районах Осинском, Суксунском, Кунгурском, Оханском, Бардынском и в г.г. Перми и Ирбите» осуществлялось «ссылными членами ЦК ПСР Агаповым и Артемьевым, отбывающими ссылку на территории Свердловской области»¹⁰⁹.

21 мая 2001 г. было утверждено заключение о его реабилитации, в котором говорилось: «<...> Артемьев признан виновным в том, что состоял членом Московского бюро ЦК, с некоторыми другими руководителями всей партийной работой партии эсеров (правых) на территории России, подвластной Рабоче-крестьянскому правительству, в то время, когда члены ЦК прибывали за Волгой, знал о существовании в Москве боевой группы Семенова. Артемьев подтвердил, что действительно являлся членом Московского бюро ЦК и проводил партийную работу. Однако, по делу не установлено, в чем конкретно заключалась работа репрессированного. <...> Сам Артемьев утверждал, что после 8 Совета партии, когда на по-

вестку дня встал вопрос о вооруженной борьбе с советской властью, он военной работой не занимался. Осуждение же его только за то, что он был членом Московского бюро ЦК партии эсеров нельзя признать обоснованным без установления его конкретного участия в борьбе с Советской властью»¹¹⁰.

После самоубийства **Сергея Владимировича Морозова** его книги были описаны и полтора года спустя после его смерти были переданы одному из руководителей ППЗ М. Винаверу, который расписался на описи с заголовком «Опись Серг. Влад. Морозовских книг»: «Получил 10/IV 1925 М. Винавер»¹¹¹.

Всего в ней было 36 наименований, среди них русско-немецкий, англо-французский и франко-английский и др. словари, книги В. Г. Короленко, номера журналов «Каторги и ссылки» и «Голоса Минувшего», мемуары В. Н. Фигнер «Запечатленный труд», книги по педагогике, исследования по Великой Французской революции, по истории фабричного законодательства в Англии, по теории кооперации и рабочему вопросу в Европе и др.¹¹²

Хорошо характеризует Морозова его первое послепроцессное письмо (№ 1), написанное 22 сентября 1922 г. близким после разрешения переписки из Внутренней тюрьмы ГПУ и задержанное чекистами: «Дорогие Мама, Шура и Ваня! <...> Должен Вам заметить, что может быть, скучная для Вас история — описывать свою жизнь во всех ее повседневных мелочах, что для меня — узника — как раз наоборот: очень интересно знать о развитии духовного и материального процесса Вашей жизни. Поэтому пишите о всем со всеми мелочами. Напр., меня интересует Ваше продовольственное положение, положение с топливом, с водой; устроился ли Ваня на службу и как обстоит дело у Шуры с поисками работы? Хотелось бы иметь экономический обзор современного рынка (мы пока не получаем газет), о современных направлениях в литературе, искусстве и театре. Как видите, кроме запрещенной темы — политической — для Вас беспартийных, малоинтересной есть много вопросов, освещением которых можно поделиться. По милости политтройки РКП и по молитвам отца нашего благочинного, мы живем, живем тихо и безмятежно, друг друга не видя. По предписанию н[ачальств]ва житейская суета для нас не существует; погружаемся в абстракцию. Состояние сознания такое как будто «суда» и не было. Поднялся ветер и пронесся... Но не подумайте, что у нас нет или исчезает чувство жизни. Нет, мы теперь чувствуем более чем когда-либо себя близко связанными с жизнью трудящегося человечества, чувствуем ее темп и радость. Это состояние можно определить, как расширение грани сознания, выражаясь языком Вл. Соловьева. И настолько широко это расширение, что вечность и неуничтожаемость становятся абсолютным законом, крепко и тесно связывают с временным и преходящим. Философия Соловьева мне близка. В психическом отношении лично у себя я замечаю не только «равновесие», но и крепость духа, обновляющегося сознания. Пессимизм и слезы не существуют в нашей природе, упадочничества тоже не замечается. Поэтому я желаю видеть Вас в приподнятом настроении, лишенного всякой minorности, полного сознания высоты исполненного долга и радостной жертвенности „За друзи своя“. Это будет самым лучшим подарком с Вашей стороны, в особенности с маминой, в дни свиданий. Родным и близким — глубокий привет и пожелание строить свою жизнь в свете общности, гражданственности и солидарности. Пора перейти к кропотливой созидательной работе по организации личной, местно-общинной, профессиональной, хозяйственно-

государственной жизни. Рознь в рядах демократии должна быть прекращена. Винтовки и пулеметы отстреляли и, надеюсь, навсегда. Все разрушающее жизнь должно быть преодолено творчеством, самодеятельностью. Только культура всех сторон жизни может расширить горизонт политических свобод, преодолевая вредные явления в государственной жизни, закрепить и удержать завоевания революции. И тот, кто поддерживает рознь трудящихся и зовет к гражданской войне, тот „провоцирует“ общественность, народ. Я очень рад, что в рядах нашей партии нет „provokatorov“. Но прискорбно, что она — „provokatsiya“ — отчасти существует в стане всех наших противников. Я надеюсь, что эта провокация будет разоблачена до конца и вскрыт ее смысл. Итак, работать не покладая рук и не затемняя сознания, и вся духовная и материальная нищета будет преодолена, изжита. Из личной жизни могу отметить: немного занимаюсь изучением рабочего вопроса и освободительного движения на Западе. Жду получения своих книг для продолжения своих занятий по лингвистике. Хотелось бы получить учебник арабского — Аттау, который можно достать по указаниям Лазаревского института Восточных языков; желательно было бы получить учебник древне-еврейского языка (узнать в синагоге, у евреев или у батюшек).

<...> P.S. Привет брату. Пусть Шура напишет мне свои очерки из наблюдений его занятий с дегенеративными. По вопросам их воспитания и обучения готов вступить в переписку»¹¹³.

С. В. Морозов реабилитирован 21 мая 2001 г. В заключении о реабилитации констатируется: «Из материалов дела следует, что Морозов присутствовал на заседании бюро ЦК, когда решался вопрос о ликвидации ранее организованной в Москве подрывной группы в связи с ее бездеятельностью. В чем заключалась другая работа Морозова, по делу не установлено. Столь суровое наказание, как следует из материалов дела, Морозову определено только потому, что в своем последнем слове в суде он заявил, что он всю работу в Москве вел с другим осужденным Донским, вина которого доказана, как в причастности к организации терактов, так и экспроприаций. <...> Так как никакой конкретной работы со стороны Морозова, направленной на совершение преступлений, предусмотренных ст. 4 Закона РФ „О реабилитации жертв политических репрессий“, при доказанности которых можно было отказать в реабилитации, по делу не установлено»¹¹⁴.

Михаил Александрович Веденяпин по отбытии тюремного срока был в мае 1925 г. выслан в Пензу на 3 года. В ссылке работал статистиком-инструктором, занимался археологическими раскопками (М. Л. Свирская вспоминала: «Веденяпин, кажется, в Пензе увлекался какими-то раскопками, теперь бы это называлось hobby, и прислал мне журнал, возможно, „Огонек“, где он снят за работой: обнаружил не то остатки мамонта или чего-то в этом роде»¹¹⁵), сотрудничал в журнале «Каторга и ссылка». По свидетельству меньшевика Б. И. Николаевского, знавшего Веденяпина с юности, «у него было прозвище — шишига. На Севере шишигами называют разные виды чертей: есть маленькие шишки, большие шикунки, и шишиги; у каждого свой нор»¹¹⁶.

В 1928 г. срок ссылки в Пензе был продлен на 1 год. 11 февраля 1929 г. он писал Е. П. Пешковой: «Вы спрашиваете, отменили ли мне ежедневную регистрацию — не только не отменили, но предложили еще в субботу являться к 4 часам, что мне очень неудобно — так как суббота является днем, когда я могу успеть хоть немного подышать свежим воздухом, так как мы кончаем на службе на полчаса ранее, чем в другие дни и теперь это пропадает. ...Вы об этом особенно не беспокойтесь — все же сравни-

тельно пустяки. При случае, если будете писать мне сообщите, можно состоять в Обществе помощи политзаключенным или нет. Если можно, то я бы хотел вступить в члены и получить от Вас подписной лист для сбора денег. Очень немного, по грошу мне удалось бы Вам послать»¹¹⁷.

В конце февраля Пешкова ответила ему телеграммой: «Согласно полученной из ГПУ справки, сообщаю, что принимая во внимание состояние Вашего здоровья, дано распоряжение об отмене ежедневно явки на регистрацию»¹¹⁸.

В апреле 1930 г., уже незадолго до ареста, он вновь писал Е. П. Пешковой, узнавая о судьбе рукописи эсера Ф. Д. Сорокина-Ковалева, матроса с царской яхты «Штандарт», которая была передана М. Горькому, а также сообщал о состоянии здоровья М. Спиридоновой, А. Я. Раковой, В. П. Шестакова (и о приезде Сорокина-Ковалева в Самарканд)¹¹⁹. Не исключено, что именно оживленная переписка Веденяпина с товарищами (о которой можно судить по его хорошей осведомленности об их делах), стала одной из причин его ареста в сентябре 1930 г. и обвинения в принадлежности к контрреволюционной эсеровской организации и антисоветской деятельности, в результате чего в январе 1931 г. он был выслан в Чимкент на 3 года, затем срок дважды продлевался на 3 года¹²⁰.

Из справки ГИЦ МВД РФ следует, что в Чимкенте Веденяпин работал изыскателем Ленгоспроектстроя и был арестован 7 февраля 1937 г.

Из докладной записки Н. Ежова Сталину в июне 1937 г. следует, что по показаниям Ставской, он руководил вместе с Гоцем и Тимофеевым «нелегальным эсеровским центром в Союзе»¹²¹.

21 сентября 1937 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР по ст. 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР он был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей (считая срок с 07.02.1937). Умер 12 ноября 1938 г. «в местах лишения свободы Хабаровского края»¹²².

В заключении о его реабилитации, утвержденном 28 мая 2001 г. помощником Генерального прокурора РФ Н. С. Власенко констатировалось: «<...> Веденяпин действительно был членом ЦК партии эсеров (правых), ставившей целью вооруженное свержение власти большевиков, так как считали, что большевики узурпировали власть, насаждают антидемократические порядки, что власть должна принадлежать Учредительному собранию, избранному народом. Эту позицию разделял и Веденяпин. <...> материалами дела доказана вина Веденяпина в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 57, 58 ч. 1, 59, 60 УК РСФСР (в ред. 1922). В то же время в деле отсутствуют доказательства, подтверждающие вину репрессированного в совершении преступлений, предусмотренных ст. 76 ч. 2 и 65 УК РСФСР, т. е. в пособничестве боевой организации партии в совершении экспроприаций или сокрытии добытого, а также в организации диверсий. Характерно, что **сам Верховный трибунал в описательной части приговора признал Веденяпина виновным в совершении преступления, предусматривающей ответственность за укрывательство и пособничество контрреволюционным преступлениям, а в резолютивной части почему-то безмотивно осудил его по ст. 76 ч. 2 УК РСФСР** (выделено нами — К. М.). Исходя из изложенного следует признать, что в 1922 году Веденяпин был репрессирован в основном обоснованно по политическим мотивам, однако в настоящее время подлежит реабилитации, так как в доказанных ему действиях не установлено таких, которые перечислены в ст. 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» и наличие которых является основанием для отказа в реабилитации и признании репрессирования обоснованным в настоящее время»¹²³.

Михаила Яковлевича Гендельмана очень ярко характеризует написанное им незадолго до окончания тюремного срока письмо сестре Лине Яковлевне Гендельман, уехавшей в Америку, которое начиналось очень теплыми словами в ее адрес: «Моя родная Линочка, снова, как и всякий раз, когда берусь за перо, чтобы писать письмо, чувствую, что не удастся написать так, как хотел бы, и не будут сказаны те слова, которые так надо бы сказать. <...> Сейчас у меня на душе очень тревожно за тебя, от тебя исключительно уже долго нет ни строчки, а последние твои письма были невеселые. Пусть бы все оказалось благополучно, и тревога не оправдалась. Помни, Линочка, в наших условиях очень грешно манкировать хотя бы короткой перепиской, хотя бы простой открыткой раз в неделю». Далее Гендельман просил ее связаться с редакцией американского журнала «The National Geographic Magazine», опубликовавшего статью о ссылке в Русском Устье в 1912 г., и предложить им материал о других местах ссылки, сопровождаемый фотографиями и рисунками. Он также рассказывал сестре о своей интеллектуальной жизни: «Я на днях заканчиваю перевод Colje'а для Госиздата. В свободное время читаю романы и рассказы Дикенса»¹²⁴.

Не менее ярко его характеризует история с арестом его младшей дочери, которая пошла по стопам своего отца. Весной 1925 г. 14-летняя Лена Гендельман стала героиней следующей пронзительной истории, о которой мы узнаем из письма Гендельмана из Бутырской тюрьмы в Политбюро ЦК РКП(б) от 6 апреля 1925 г. Подробно и довольно живоительно (по отношению к ГПУ) описав, как его дочь вместе с четырьмя подругами была арестована ГПУ за написание некоей заметки, в которой они пытались «изложить свои мысли по вопросам социализма и политическо[й] экономии»¹²⁵, Гендельман писал: «Я обращаюсь с настоящим письмом в Политбюро ЦК РКП не потому, чтобы я был так наивен и ждал от этого каких-либо положительных результатов. Но вся политика советских органов направляется в конечном счете Политбюро. Оно за нее ответственно. И я хочу, чтобы не оставалось сомнения, что вся эта грустная история с арестом детей, работавших над своим саморазвитием, с исключением их из школы, регистрацией ГПУ и угрозой домом для малолетних преступников была известна Политбюро ЦК РКП»¹²⁶.

Письмо М. Я. Гендельмана попало в руки зам. начальника СО ОГПУ А. А. Андреевой, потребовавшей объяснений от своих подчиненных. Они были вскоре получены от начальника 3-го отделения СО ОГПУ И. Ф. Решетова в виде «Справки по делу кружка „КИОМ“», которая гласила: «В начале февраля с.г. ОГПУ стало известно о том, что в 5-й опытной школе МОНО организован нелегальный кружок под названием „Кружок изучения общественной мысли“ (КИОМ). Он состоял из учениц последней группы — 7-й, в количестве 5 человек: Гендельман, Рубцова, Медем, Кисина и Котинская. Руководителями кружка были Гендельман и Рубцова.

Кружок собирался регулярно по четвергам. В задачи своей работы он ставил: обсуждение докладов своих членов на теоретически-общественные, политические и по текущему моменту темы.

ОГПУ решило кружок не трогать. Вскоре стало известно, что кружок решил издавать стенную рукописную газету под названием „К социализму“. Газету эту решено было издавать для чтения членов кружка и для других учеников школы, хотя не входящих в кружок, но сочувствующих „КИОМ“. Вскоре было приступлено и к изданию этой газеты. В передовице этой газеты они писали: „Мы должны бороться против коммунистов“, „на молодежи лежит задача освободить Россию“ и т. д.

10 марта ОГПУ узнало о том, что № 2-й газеты „К социализму“ предполагается посвятить исключительно вопросам текущей политики. В виде материала подбирают выдержки из газет о слабой работе ячеек РКП(б), о злоупотреблениях на ф[абри]ках, о том, что крестьяне-бедняки не идут в РКП(б) и т. д. ОГПУ стало известно также о том, что „КИОМ“ намерен установить связь с одним студентом с.-р. (ГПУ известным), с ссылкой меньшевиком Додоновым. В одной из бесед член кружка Гендельман сообщила, что ее работой руководит и разъясняет политические вопросы ее отец — член ЦК ПСР во время свиданий. ОГПУ продолжало не трогать кружка. В марте ОГПУ стало известно, что кружок решил, переодевшись, пойти в какой-либо трактир или чайную, где обычно быва-ют много рабочих и там поагитировать; а если настроение там будет благоприятное, то и оставить прокламацию. Такая прокламация кружком была напечатана на машинке. Кто ее составил, не установлено.

Действительно переодевшись, члены кружка ходили на биржу деревообделочников у Красных ворот, вели там агитацию и оставили прокламацию. В конце марта во время волнений на бирже среди металлистов кружок вновь хотел идти распространять прокламации, но на этот раз уже среди металлистов. Этого допустить было нельзя и ОГПУ решило прекратить работу кружка. Все члены кружка были задержаны вечером 25 марта. Обыском у них были отобраны 2 экземпляра стенной газеты «К социализму» и 2 экзем[пляр]а прокламации, адресованной к рабочим. Как газета, так и прокламация были резко антисоветского содержания.

<...> На допросах всех вызывающе держалась дочь Гендельмана. Она заявила: „На все вопросы отвечать отказываюсь“. Вся операция и последующие наши действия по этому делу производились с ведома и по распоряжению Нач СО ОГПУ т. Дерибас»¹²⁷.

Зрелость взглядов членов «КИОМ», направление их мыслей и уж во всяком случае их «антисоветскую» направленность прекрасно показывает передовица из журнала «К социализму»: «...А красивые лозунги и фразы у коммунистов на первом месте: свобода, социализм, трудящиеся и вообще...

А в самом деле не знаешь, когда живешь. Все свободы слова, печати, собраний, отмена смертной казни, все, за что боролись и умирали революционеры и сами большевики, теперь выброшено ради власти, уничтожено как „демократические иллюзии“. И хотя бы рабочим было от этого лучше. На деле же рабочее население живет по-прежнему в отвратительных как экономических, так и политических условиях. Никаких свобод нет и для них. И многие из комсомольцев даже не подозревают противоречия между словами и делами или успокаивают себя общими местами: иначе-де нельзя осуществить диктатуру пролетариата и коммунизм. Но это лишь отговорки, нельзя же социализм насаждать полицейскими мерами. ...Та страшная героическая борьба, в которой столько лет гибли лучшие силы России, она сейчас не кончена.

Борьба за свободу, за то светлое, чему было принесено столько жертв, требует, чтобы эти жертвы были оправданы и великое дело доведено до конца. Все честное молодое должно отдать всю жизнь за это дело, несмотря на тюрьмы, ссылки, все, что, возможно, встретит нас. И дело свободы и социальной революции должно быть и будет доведено до конца.

Наш кружок изучения общественной мысли предполагает заниматься общественными и социальными науками. Ближайшей своей целью ставим свободную выработку миросозерцания и определенных политических

взглядов для дальнейшей революционной работы: для достижения этого признаем необходимым полную свободу слова, печати и выборов и бороться за это»¹²⁸.

Впрочем, их мирозерцание было уже достаточно антикоммунистическим, чтобы быть абсолютно неприемлемым для властей, если судить по прокламации, оставленной на бирже деревообделочников: «Товарищи. Неужели вы не сознаете, что теперешняя власть — власть коммунистической партии — не есть власть народных масс, несмотря на то, что речи, газеты, плакаты наполнены красивыми фразами и лозунгами: „вся власть рабочим и крестьянам“, „лицом к деревне“, „Коммунистическая партия защищает интересы рабочего класса“ и т. д. ...Если рабочий скажет хоть слово против Советской власти и заявит, что то, что она делает, нехорошо — его сейчас же уволят с фабрики и выбросят на улицу со всей его семьей или в такое место, куда и при царизме стеснялись посылать. Хозяйство страны совершенно разрушено и, конечно, оно не может улучшиться, когда нет ни свободы слова, ни критики, а несколько человек, захвативших в свои руки власть, не в состоянии воплотить в себе интересы целого класса и удовлетворить его потребности. ...И не надо бояться всех их революционных мер, надо бороться против лжи и насилия коммунистов для того, чтобы добиться лучшего будущего»¹²⁹.

Из цитированной выше справки Решетова видно, что чекисты узнавали о разговорах и планах членов кружка из «агентурного источника», которым был 5-й член кружка, освобожденный «немедленно же по задержанию ввиду раскаяния». Судьба же четырех членов кружка и особенно дочери Гендельмана была фактически predetermined.

Нетрудно понять, что испытывал М. Я. Гендельман — его дети (сын стал социал-демократом) оказывались достойными продолжателем его дела, оправдывая его надежды как революционера, и в то же время заставляя переживать за их неустроенные жизни, в которые так рано входили тюрьмы и ссылки. Характерно, что и его родной брат Самуил Яковлевич, тоже эсер, поплатился за «родственную связь» с братом, чьи теплые отношения чекисты, как мы уже упоминали, фиксировали еще во время процесса 1922 г. С. Я. Гендельман писал 25 июня 1928 г. Е. П. Пешковой о своем аресте и отправке из Москвы в Вятку: «В результате следствия и допроса чрезвычайно быстро выяснилось, что единственными причинами, вызвавшими мой арест, а также все дальнейшие для меня последствия его, являются родственная связь с моим братом Мих.Як.Гендельманом (членом ЦК ПСР) и переписка, чисто-личного характера, с сестрою Линою Як.Гендельман, живущей за границей, в г. Нью Йорке. 3-го марта я объявляю голодовку, требуя освобождения. На 10-й день голодовки, 13 марта, ко мне в камеру явился уполномоченный Секретного отдела ОГПУ гр-н Шульман, сообщил мне постановление Особого Сопсовещания при Коллегии ОГПУ о запрещении мне проживать в 10 городах...»¹³⁰. После ареста и гибели С. Я. Гендельмана в 30-х гг. его сын Сергей Самуилович Гендельман был отправлен в специальный детский дом, вспоминая о котором, он много позже говорил дочери эсера В. П. Шестакова, что она бы там не выжила.

М. Я. Гендельман после окончания тюремного срока 26 марта 1926 г. был отправлен в ссылку (часть ее он провел в Тобольске), срок которой неоднократно продлевался. В начале 1930 г. он был вновь арестован и после 4-месячного заключения в нижегородской тюрьме выслан в Сургут.

Из докладной записки Ежова Сталину в конце января 1937 г. о необходимости ареста ряда видных эсеров, в том числе М. Я. Гендельмана,

видно, что на момент ареста в феврале 1937 г. он «отбывает ссылку в Тобольске (Омской области), где работает экономистом Обь-Рыбтреста»¹³¹.

3 октября 1938 г. Верховным судом СССР М. Я. Гендельман был приговорен к расстрелу и в тот же день приговор был приведен в исполнение¹³².

В заключении о реабилитации, утвержденной 28 июня 2001 г. и.о. помощника Генерального прокурора РФ Т. М. Бобылевой говорится: «Хотя Гендельман, будучи членом ЦК партии эсеров (правых) и членом фракции Учредительного Собрания, знал и поддерживал позицию партии в вопросах борьбы с большевистской властью, но ни в материалах дела, ни в судебных материалах нет доказательств его личного участия в контрреволюционной работе. Единственное, что установлено по делу, он, как представитель Самарского Комитета членов Учредительного собрания, участвовал на Уфимском совещании, где власть была передана по существу антисоциалистическому органу — Директории, что в конечном счете привело к передаче власти к Колчаку. Как видно из материалов дела, такое решение (вписано от руки — «?! коллективным» — К. М.) было вынужденным и его инициатором Гендельман не был. Поэтому и его осуждение нельзя признать обоснованным»¹³³ (выделено нами — К. М.).

Лев Яковлевич Герштейн по окончании тюремного срока 19 апреля 1926 г. был выслан в Свердловск на 3 года, после чего срок ему дважды продлевался еще на один год¹³⁴. После арестов в 1931 г. в оренбургской ссылке и отправке части ссыльных в другие города (в том числе, и В. В. Агапова) был переведен в Оренбург. 19 апреля 1932 г. он писал Е. П. Пешковой: «Чрезвычайно признателен за присланные две посылки <...> Все присланное оказалось весьма кстати, так как здесь в Оренбурге большинство присланных вещей и продуктов мы вовсе лишены возможности достать. Особенно кстати пришлись продукты, так как я последнее время болею (тахикардия) и по распоряжению врачей вынужден ограничиваться исключительно растительной и молочной пищей. Между тем, если здесь можно получить молоко, яйца, то совершенно нет никаких круп, макарон, вермишели. Поэтому буду Вам очень признателен за присылку этих продуктов, стоимость их по мере возможности буду возмещать»¹³⁵.

К началу 1934 г. состояние здоровья Герштейна ухудшилось до такой степени, что он с помощью Пешковой стал ходатайствовать о переводе его из Оренбурга. 13 февраля 1934 г. Пешкова телеграфировала ему, что получено согласие на перевод в Казань¹³⁶. Но уже 19 февраля его жена писала Пешковой: «Лев очень серьезно болен и врачи, да теперь и мы в этом убедились, связывают его заболевание с климатом Оренбурга, вернее с резкими холодами, которые по наведенным справкам свойственны даже в большей степени Казани. Морозы в Казани достигают 40 градусов при сильном ветре. И вот хотя Казань для нас как город подходит, мы вынуждены просить замены на один из южных городов. Вопрос, увы, жизни и смерти в буквальном смысле этого слова. Нужна мягкая зима, потому, что иначе не дышится. Лев уже 2 месяца болен. Пережил 3 серьезных сердечных припадков и как результат отек обоих легких. Сейчас одно очистилось, но другое еще свистит и хрипит»¹³⁷. В начале апреля Пешкова сообщила Герштейну: «пока в переводе отказано.хлопоты продолжаем»¹³⁸. 12 апреля М. Р. Герштейн писала Пешковой: «Сейчас получила Ваше извещение, что выезд разрешен в Астрахань. Спасибо Вам большое за хлопоты. Везти его мне уже не удастся. 9-го (вернее в ночь на 9-ое — 1 час ночи) Лев умер от отека легких. Три сильных припадков с промежутками 2—3 недели доконали его). ...Я переслала деньги (50 р.) на объявление в газете «Известия» о смерти. В этом

идиотском городе сдать объявление нельзя. Публикуйте коротко: «9-го в Оренбурге скончался Лев Яковлевич Герштейн». Простите, что лезу с такими пустяками. Но отсюда ничего не сделаешь»¹³⁹. М. Р. Герштейн пыталась повторить то, что за несколько лет до этого удалось сделать, когда там же, в Оренбурге, умер Ф. Ф. Федорович и извещение о его смерти было помещено в «Известиях». Как известно, Федорович был председателем Иркутского Политцентра (Л. Я. Герштейн входил в его состав), свергнувшего и арестовавшего адмирала Колчака, что, вероятно, и сделало возможным публикацию объявления о смерти Федоровича в «Известиях» 6-го декабря 1928 г. (возможно, это было единственное исключение). Конечно, помещать или не помещать подобное объявление, решалось не в редакции газеты, и Пешкова обратилась туда, где этот вопрос действительно могли решить — в ОГПУ: «Просьба не возражать против помещения в газете «Известия ЦИК» прилагаемого объявления о смерти Л. Я. Герштейна»¹⁴⁰.

Но несмотря на просьбу Пешковой ОГПУ отказало и Москва оказалась не менее «идиотским городом», чем Оренбург. 22 апреля 1934 г. Пешкова телеграфировала М. Р. Герштейн: «Поместить объявление не удалось»¹⁴¹.

В заключении о реабилитации Л. Я. Герштейна, утвержденном 30 мая 2001 г. пом. Генерального прокурора РФ Н. С. Власенко, констатируется: «Фактически материалами дела, показаниями репрессированного, других осужденных, свидетелей Ракитина-Броуна, Краковецкого, Семенова установлено, что Герштейн, будучи в 1917 году представителем ЦК партии эсеров в военной комиссии, считая совершенный большевиками октябрьский переворот незаконным, принимал меры к организации вооруженного сопротивления большевикам. Дал задание организовать боевые группы эсеров, посылал делегатов в войска, агитируя за поддержку Временного правительства. После неудавшейся попытки восстановления власти Временного правительства Герштейн организовывал работу по поддержке Учредительного собрания. Выехав затем на Украину, проводил там работу по собиранию вооруженных сил и отправке их на Восток и в Сибирь, для организации там вооруженного сопротивления большевистской власти. В то же время, будучи сторонником Учредительного собрания как органа „народоправства“ Герштейн после захвата власти в Сибири Колчаком организовал борьбу и с ним. В то же время, материалами дела не подтверждено обвинение Герштейна в руководстве деятельностью террористических партийных групп, осуществивших покушения на Ленина, Троцкого, Берзина, поезд Совета Народных Комиссаров и убийство Володарского. По обвинительному заключению эти действия репрессированному не вменялись в вину. Никто из допрошенных по делу свидетелей не подтвердил факта руководства Герштейном террористическими группами. При таких обстоятельствах осуждение Герштейна по ст. 64 УК РСФСР следует считать необоснованным. Хотя обвинение Герштейна в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 57, 58 ч. 1 и 60 УК РСФСР, подтверждено материалами дела, но репрессирование его по этим ст. ст. УК в настоящее время надлежит расценивать как необоснованное, так как в соответствии со ст. 4 Закона Российской Федерации „О реабилитации жертв политических репрессий“ граждане, репрессированные по политическим мотивам, могут считаться обоснованно осужденными (репрессированными) только в случае доказанности совершения ими преступлений, перечисленных в этой статье Закона. Таковых в действиях Герштейна не установлено»¹⁴².

Григорий Лаврентьевич Горьков после окончания срока 7 сентября 1923 г. был отправлен в ссылку в Царицын, откуда 30 октября 1923 г. писал своей знакомой: «Здесь я уже с месяц обретаюсь и это время пока что был занят приисканием для себя квартиры и службы. Квартиру нашел в конце концов, т. е. снял себе комнату и вполне приличную, но со службой дело обстоит несколько сложнее. Дело в том, что меня ни в одно учреждение не принимают, считают меня, по-видимому, слишком одиозной фигурой»¹⁴³. Конечно, Горьков, окончивший социологический факультет Брюссельского университета, пытался браться за любую работу, но ему последовательно отказали и в Госстрахе, и в Совнархозе, и в Госбанке, и в двух кооперациях (Цетросоюз и Селхозсоюз)¹⁴⁴.

24 декабря в новом письме он восклицал: «По-видимому, местные коммунисты окончательно решили изжить меня, всячески мешая устроиться мне с работой. Пробовал было побудить к вмешательству ГПУ, но последнее заняло нейтральную позицию, заявив, что оно ничего не может поделать, раз меня ни одно учреждение не хочет принять. Таков был буквальный ответ. Частных учреждений здесь нет, куда я мог бы обратиться с предложением своих услуг, и таким образом создается такое положение, из которого как будто и выхода нет. В конце концов решил снестись с Москвой по части переводов (с англ.)»¹⁴⁵.

Местное ГПУ, похоже, действительно, не лукавило и «бойкот Горькова» не был инициативой чекистов, так как вскоре они пошли на беспрецедентный шаг для этого учреждения — пожалев откровенно бедствующего Горькова, они выдали ему под расписку три червонца (исходя из того, что он погасит их, когда начнет получать пособие политссыльного) и переслали фотокопию его расписки в СО ГПУ¹⁴⁶.

Как мы писали выше, после побега из астраханской ссылки (который в свете всего вышесказанного вполне мог быть и способом спасения от голодной смерти), он был осужден к 3 годам концлагеря, после которого был послан в Турткуль в Каракалпакии. В конце 1927 г. он телеграфировал Е. П. Пешковой: «Уже восемь месяцев я без работы и нет надежды вообще устроиться благодаря ряду стоящих препятствий. Положение создалось весьма тяжелое, безвыходное, ибо средств нет, а прожиточный минимум здесь достигает шестидесяти рублей в месяц. Просьба, не можете ли подыскать мне работу для переводов с французского или английского. Предпочтительнее первое. Если окажется такая работа, посылайте авиапочтой. Буду благодарен»¹⁴⁷. 15 февраля 1928 г. он открыткой уведомил ППЗ, что получил денежный перевод от 22 декабря 1927 г. в 25 рублей, благодарил и сообщал, что «со службой еще не устроился»¹⁴⁸. В начале апреля М. Л. Винавер просил Горькова телеграфировать о здоровье, оплатив ответ в десять слов и тот писал: «Истощение организма, сильное нервное расстройство, подавленность, обостряемые тяжелым материальным положением»¹⁴⁹. Дальнейшая его судьба неизвестна.

В заключении о его реабилитации, утвержденном 15 мая 2001 г. пом. Генерального прокурора РФ Н. С. Власенко, говорится: «<...> Признан виновным в том, что состоял членом различных руководящих органов партии эсеров (правых) и выполнял директивы своего ЦК (выделено нами — К. М.). Как сказано в резолютивной части приговора, репрессированный отрицательно относился к вооруженной борьбе с советской властью, установлен незначительный объем его контрреволюционной деятельности. Как следует из материалов дела, Горьков-Добролюбов являлся в 17–18 годах членом военной комиссии Московского комитета партии эсеров. Оказывал содействие в переправе за Волгу членов разогнанного Учредительного

собрания, присутствовал на заседании Московского бюро ЦК, когда там делал доклад представитель Уфимского антисоветского правительства. Так как суд в приговоре признал, что все установленные действия репрессированного являются незначительными, не были направлены на свержение советской власти, следует признать, что Горьков-Добролюбов осужден только за то, что являлся членом партии эсеров (правых), что нельзя признать достаточно правильным, так как **причастность к партии не может рассматриваться как уголовное преступление, если не установлено, что конкретный ее член занимался антисоветской деятельностью** (выделено нами — К. М.). По делу же не установлено, **кого конкретно из членов бывшего Учредительного Собрания репрессированный переправил за Волгу** (выделено нами — К. М.). Сам же он признал себя в виновном только в том, что проводил агитационную работу против партии большевиков, считая ее действия насильственным захватом власти. В соответствии со ст. 5 Закона РФ „О реабилитации жертв политических репрессий“ такие действия не содержат состава преступления. На ГОРЬКОВА-ДОБРОЛЮБОВА Григория Лаврентьевича распространяется действие с.с. 3 и 5 Закона Российской Федерации „О реабилитации жертв политических репрессий“ от 18 октября 1991 г.“»¹⁵⁰.

Хорошим штрихом к портрету **Дмитрия Дмитриевича Донского** служит история с его арестом в апреле 1919 г., после случайной встречи 17 марта на улице в Москве знавшим его по 1917 году коммунистом Денисовым — «делегатом от Орловской губернии Мценской организации». На следующий день Денисов написал заявление в ЦК РКП(б), где сообщал, что, будучи в 1917 г. Комиссаром Кавказской армии, «этот господин в обращении к армии писал, что тов. Ленин работает на германские деньги и германский шпион и т. п.», а на заданный при встрече вопрос, как Донской «смотрит на положение вообще? Он ответил, будим еще с вами битись»¹⁵¹. Обращает на себя внимание откровенный ответ Донского коммунисту, чреватый доносом последнего, что, собственно говоря, и произошло. Мотивы такого неконспиративного поведения Донского неясны, т. к. перед этим он сказал, что служит в комиссариате здравоохранения, т. е. легко мог быть найден. Похоже, Донской счел ниже своего достоинства скрывать свои взгляды, за что и поплатился. После окончания тюремного срока 11 июля 1924 г. Д. Д. Донской был выслан на три года в Нарымский край. Его жена Надежда Михайловна последовала за ним, несмотря на то, что в 20-е годы для жен революционеров, добровольно едущих в ссылку вслед за своими мужьями, помимо необходимости переносить тяжелые материальные условия появилась и новая опасность, которой не было прежде — возможность превращения ссылки из добровольной в «законную». А то, что эта возможность была реальной, видно из письма начальника СО ОГПУ Т. Д. Дерибаса, который в июле 1924 г. рекомендовал томским чекистам следующие действия в отношении Н. М. Донской¹⁵²: «Она едет, не желая покинуть мужа и на нее не распространяются постановления Особой комиссии при Коллегии ОГПУ. Перед тем, как решиться на поездку в Нарым, она сильно волновалась и долго не могла разрешить вопрос ни положительно, ни отрицательно. Это свидетельствует, что она согласилась жить с мужем в ссылке не весь установленный срок и будет способствовать всеми мерами организации побега. Достаточно роскошная и беззаботная жизнь в Москве сейчас меняется в худшую сторону и потому у нас мало шансов на то, что она согласится жить с мужем 3 года в Нарымском крае. Совершенно ясно, что не менее тщательное наблюдение нужно иметь

и за женой. При отъездах в Москву или вообще из Нарыма организуйте за ней соответствующие своему назначению наружное наблюдение и по дороге тщательно обыскивайте с расчетом обнаружить компрометирующие материалы, на основании коих ее ссылку в Нарым можно бы было узаконить»¹⁵³.

В Парабели Нарымского края Д. Д. Донской получил возможность работать по своей специальности — врачом, оставшись в благодарной памяти местных жителей, как человек много сделавший для поднятия здравоохранения в их районе¹⁵⁴ и спасших немало жизней, в том числе и крестьян — спецпереселенцев.

Можно вполне определенно и без преувеличения сказать, что вопросы чести и собственного достоинства для Д. Д. Донского были важнейшими, исходя из которых он и определял свои поступки. Мы уже выше приводили свидетельство его жены, что на процессе он попал в сложное положение, так как к этому времени он успел уже переосмыслить свою борьбу с большевиками и разочароваться в ней, но и предать своих товарищей он также не мог. На фоне многочисленных примеров, когда люди прикрывали свое предательство именно идейной эволюцией своих взглядов и разочарованием в собственном прошлом, подобное поведение Донского, конечно, не может не вызывать уважения. Но оно было абсолютно не понятно чекистам, пытавшимся позже его признание Советской власти облечь в форму публичных заявлений и отречений от своего прошлого. Так, в сентябре 1933 г. сибирские чекисты доносили в Москву: «На протяжении ряда лет, особенно начиная с 1931 г. [Д. Д. Донской] в беседах с представителями органов ОГПУ последовательно и неоднократно заявлял о том, что он — советский человек. ...В 1931 г. в июле месяце он представителю ПП ОГПУ Западно-Сибирского края говорил: „За время моего пребывания в ссылке я никакой антисоветской, работы не вёл, не веду и вести не намерен. С политссылкой связи не имею, большинство ссыльных считает меня советским человеком., частенько поругивает, но я не обращаю на это внимания. Что, я советский человек, Вам это, надо полагать, хорошо известно. Однако бичевать себя, как это сделали другие, как-то: Громаны, Кондратьевы и даже Савинков и прочая дребедень — я не хочу. Таких людей презирают не только их бывшие единомышленники, но в не меньшей степени и те, перед которыми они себя бичуют. Я не бичевал себя и тогда, когда известным Вам процессом был приговорён к высшей мере социальной защиты, хотя уже и на процессе занимал обособленное положение по сравнению со всеми активными сопроцессниками. Я особенно брезгливо отношусь к тем из „кающихся“, которые бичуют себя перед самым фактом надвигающейся на них кары. Каждое такое покаяние мною расценивается как акт купли и продажи. Моя прошлая революционная деятельность, участие в баррикадных боях с капитализмом и вообще моя психология не совместимы с такими актами купли и продажи. Я предпочитаю получать по-прежнему надбавки к срокам своей ссылки, чем быть в положении вечно кающегося. Я хочу прийти к вам честным путём и отдать себя целиком и полностью строительству социализма. Я хочу прийти к ВКП(б) и Советской власти таким примерно путём, каким к Вам пришёл Мартынов. Отсюда Вам должно быть понятно, почему я не могу дать удовлетворяющего документа, находясь в ссылке“»¹⁵⁵.

Трудно судить были ли эта «лояльность» искренней или только компромисом со стороны Донского, чтобы работать по специальности. Вовсе не исключено, что то, что фиксировали чекисты весной 1936 г., точней

передавало настроения Донского, «который высказывает свои антисоветские взгляды, не стесняясь, а именно: после праздников, ленинских дней, убирались лозунги в больнице; в его кабинете висел лозунг „Да здравствует ВКП(б) и её вождь т. Сталин!“». Донской, выйдя в коридор и подойдя к истопнику, сказал: „Уберите, пожалуйста у меня в кабинете лозунг, по крайней мере не так будет дико“»¹⁵⁶.

Донской покончил с собой 22 сентября 1936 г. в день суда, где его должны были судить за смерть пациента. Созданная вокруг него атмосфера травли, хорошо была передана в донесении начальника Парабельского райотдела НКВД сержанта госбезопасности Артюха: «Настроение отдельных лиц соболезнующее, с высказыванием сожаления о его смерти. Как-то медсестра Целищева 24.IX.1936 г. в присутствии медперсонала заявила: „Затравили невинного и дорогого для нас человека. Хотели вместо звукового кино и спектакля сыграть судом спектакль над невинным человеком, и Донской отравился из-за того, что его травили“»¹⁵⁷.

В «Заключение в отказе от реабилитации», подготовленном А. Г. Абрамовым и прокурором отдела реабилитации И. О. Ковалевой и утвержденном пом. Ген. прокурора РФ Н. С. Власенко 28 мая 2001 г. говорится: «Частичным признанием, а также показаниями Давыдова, Давыдовой, Семенова, Коноплевой, Ратнер, Ставской и другими материалами дела установлено, что Донской принимал активное участие в организации вооруженной борьбы против Советской власти, организации партийных групп для проведения экспроприаций, террористических актов и диверсий. Он после разгона Учредительного Собрания руководил военной работой в Петрограде как представитель ЦК, участвовал в совещании военной комиссии в связи с предполагавшимся разоружением Преображенского полка. Это выступление не состоялось, т. к. полк был разоружен внезапно. Будучи в Москве участвовал в организации связи партии эсеров с армией генерала Алексеева, организовавшей на Дону борьбу с Советской властью. Руководил антисоветской работой в Саратове. Он же помогал группе Семенова в совершении экспроприации денег у артельщика, выдал партийные деньги этой же группе для совершения экспроприации в кассе Губпродкома в Москве. Экспроприация не была совершена только потому, что не удалось вскрыть сейф.

Знал и руководил диверсионной группой Давыдова в Москве, созданной для организации взрывов на железнодорожных путях. Был в курсе подготовлявшихся группой Семенова с участием Каплан терактов в отношении Ленина и Троцкого, направил Каплан в группу Семенова. Поддерживал необходимость террористической деятельности в отношении руководителей партии большевиков. Обвинение по ст. 59 УК РСФСР не нашли подтверждения. Таким образом, материалами дела подтверждена вина Донского в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 57, 58 ч. 1, 60, 76 ч. 1, 65 и 64 УК РСФСР, в связи с чем **следует признать репрессирование Донского обоснованным, а его не подлежащим реабилитации** (выделено нами. — К. М.). На основании изложенного, руководствуясь ст. 4 Закона РФ «О реабилитации...» в реабилитации Донского отказать. Дело пересматривается при отсутствии заявлений заинтересованных лиц и организаций»¹⁵⁸.

Заключение о реабилитации **Павла Владимировича Злобина**, утвержденное пом. Ген. прокурора РФ Н. С. Власенко, от 15 мая 2001 г. гласило: «В материалах дела никаких доказательств антисоветской деятельности репрессированного нет, кроме того, что он был членом Московского

комитета ПСР. Не приведено таковых и в приговоре. Сам же факт его членства в партии эсеров нельзя считать достаточным основанием для признания его осуждения правильным»¹⁵⁹.

Николай Николаевич Иванов совершил заметную эволюцию в своем отношении к чекистами и большевикам вообще. То, что Н. Н. Иванов весной 1922 г. не до конца разобрался, «кто свой — кто чужой», свидетельствовали не только его показания на предварительном следствии, но и то, что он обращался к следователю, который вел предварительное следствие — небезызвестному Я. С. Агранову — «Товарищ». Это видно из его заявления от 12 апреля 1922 г., которое он адресовал — «особоуполномоченному ГПУ т. Агранову»¹⁶⁰. Позже, как мы уже писали выше, свое неуважение к ним он выразил предельно откровенно, за что и был наказан тем, что вместе с сестрой вышел на свободу позже всех своих товарищей — в сентябре 1926 г., после чего был отправлен в ссылку в Самарканд. Его хорошо характеризует письмо к В. Л. Утгофу, написанное за полтора года до освобождения: «Дорогой Владимир Львович! Давно собирался Вам написать, особенно когда узнал, как Вы на нас негодуете — да все как-то не мог собраться. Наконец, в прошлый раз решил — а в этот, как видите, написал. Итак, прежде всего, поблагодарить и Вас и особенно Елену Владимировну за посылку. Только Ваш вопрос: что нам больше всего понравилось, поставил меня в тупик. Мы получили от Вас кучу печений и все они были хороши — не могу я никак сказать, которые из них были лучше всех — вероятно, однако, лучше всех была та штука, которую довелось съесть последней. Теперь о мастерской. Она слава богу, живет и процветает. ...Не хвастаясь, могу сказать, что достигли большой чистоты в работе. Работаем по-прежнему вдвоем. Одно время, впрочем, довольного много работал Володя (В. В. Агапов — К. М.) — теперь бросил — слишком много стал заниматься. <...> Все прочее идет в порядке. Сажали цветы (очень много), теперь начали уже их пересаживать в грунт. Я жив-здоров, чего и Вам желаю»¹⁶¹.

О Самаркандском периоде его жизни М. Л. Свирская вспоминала: «Жил тогда в Самарканде Н. Н. Иванов, который в Иркутске женился на Роне Юцес. Ник. Ник. занимался художественной фотографией, главным образом для учебников. У них была очаровательная дочка, Маринка, которая в таком юном возрасте уже очень была похожа на свою величественную бабушку, Марию Михайловну, мать Николая и Лёлы (Елены). Мария Михайловна присутствовала два раза в своей жизни, когда ее детям выносился смертный приговор. В царское время они оба участвовали в северном боевом отряде, которым руководил Карл Трауберг (могу и ошибиться). Была казнена невеста Николая (Лебедева), которая вошла в рассказ Л. Андреева о семи повешенных. А Николаю и Леле заменили каторгой»¹⁶². По сведениям М. Янсена (ссылающегося на предположение эсерки Е. Б. Тарасовой), Н. Н. Иванову дали в 1937 г. «10 лет без правки переписки»¹⁶³.

В заключении о реабилитации, утвержденном 28 июня 2001 г. и.о. пом. Генерального прокурора Т. М. Бобылевой, говорится: «...Кроме того, в материалах дела нет доказательств того, что Иванов лично занимался военной работой, направленной на свержение советской власти, знал о террористической деятельности партии, имел сношения с иностранными государствами, находящимися в состоянии войны с Республикой Советов. Его переговоры с одним из руководителей «Союза Возрождения» о выделении денег на военную работу партии эсеров, внесение им на обсуждение ЦК вопроса о возможности применения в отношении большевиков

террора и экспроприаций необоснованно расценены как контрреволюционные действия, так как со стороны Иванова ограничились только разговорами»¹⁶⁴. Заключение констатировало, что «<...> суд в приговоре в отношении Иванова <...> значительно вышел за рамки предъявленных им обвинений, что нельзя признать правильным»¹⁶⁵.

Елена Александровна Иванова после окончания срока в сентябре 1926 г., была вместе с братом выслана в Самарканд на 3 года, откуда она писала Е. П. Пешковой: «Дорогая Ек. П., не можете ли Вы пристроить эти две вещи. Кажется, это для меня единственная возможность выпутаться из того положения, в котором я нахожусь. Дело в том, что по приезде сюда, несмотря на полную возможность устроиться вообще, я лично не могла устроиться, о чем Вам тогда же писала. В мае 27 г. я заболела ишиасом и до сих пор еще толком не оправилась (хожу недурно, сижу хуже, а за столом писать мне настолько трудно, что написавши несколько строчек, я должна уже отдыхать)... Ну Вы понимаете, что безработный, не имеющий ни капиталов, ни иных источников, вроде родни, не может быть в условиях подходящих для поправки. Я не очень-то надеюсь, что я теперь смогу получить место, да, если бы мне и дали служить, то все же я не смогу ее взять. Чтобы работать надо поправиться, а чтобы поправится — работать. А писать я могу лежа и лежа, и полулежа»¹⁶⁶. Из письма выясняется, что старая террористка стала писать... произведения для детей и просила пристроить две свои рукописи в одно из издательств. Она писала: «Я не знаю, почему я до сих пор не писала, вернее не печатала — как-то жизнь так сложилась, что в голову не приходило, все некогда было, все голова не тем была занята. <...> Мне бы очень хотелось издать их у Мириманова — он хорошо издает, и его издание — хорошая рекомендация для детской книжки. Наконец, как всякое коммерческое предприятие, он понимает толк в том, что ходко, что нет»¹⁶⁷.

Далее пять строчек в письме было вымарано самой Е. А. Ивановой-Ирановой, писавшей далее: «Думается мне, что „Жако“ и „Медведка“ должны пойти, тем более, что обе вещи прочтены, как детьми так и взрослыми (в том числе, педагогами, как знакомыми (Измайлович, Каховская) так и чужими) и единодушный отзыв заставил меня решиться обратиться к Вам с этой просьбой. Но, если у Мириманова нельзя, то я не протестую против другого издательства. Мне по ряду причин не хочется выступать под своим именем и, вообще, я хотела бы остаться в тени <...> Еще вопрос о рисунках. <...> А теперь в моде какие-то косоглазые, кривоногие уроды — дети, мол, так рисуют. Ну, дети за редким исключением поют фальшиво, однако их не угощают фальшивой, безвкусной дрянью. Я стою за красивые рисунки. <...> Все это мои пожелания, а что можно будет сделать, то и ладно»¹⁶⁸.

В Самарканде Иванова-Иранова пробыла до 1931 г., т. к. в 1929 г. и 1930 г. срок ссылки продлевался ей еще на 1 год. В начале 1931 г. Иванова-Иранова была отправлена в ссылку в «Западно-Сибирскую область» на 3 года. На месте ее отправили в село Тогур Колпашевского района Нарынского округа (уже не соблюдая те договоренности о ссылке в губернские города, которые вырвали у чекистов заключенные эсеры в 1925 г.), откуда по прибытии 31 марта 1931 г. она писала Пешковой: «Доехала я более или менее хорошо и только в Омске заболела воспалением легких и так полубольная я поехала дальше, решив, что это лучше для моих легких. И не раскаиваюсь. Хотя в дороге 3 дня было кровохарканье, но все же, приехав, я чувствовала себя лучше, чем при выезде из Томска. Нельзя ли в Москве достать сахарин? Раньше он продавался свободно. Дело

в том, что здесь бывает много кислых ягод (гл. обр. пюре). Если заготовить на зиму пюре, то это будет очень большим подспорьем, больше даже чем подспорьем. Тут ведь с продуктами очень туго, а за деньги ничего не достанешь. Думаю заготовить побольше. Я писала Вам из Ташкента — письмо № 1. Я буду писать хотя бы [раз в] 2 [месяца] и очень прошу отвечать, просто пару слов — письмо № такой-то получено. Я ведь ни с кем переписки иметь не буду — родных нет, товарищи по тюрьмам. Пока всего хорошего, Е. Иванова-Иранова. [P. S] Мне обязательно надо писать на двойную фамилию»¹⁶⁹. Срок ссылки Ивановой-Ирановой вновь продлевался и в Сибири (в 1933 г. на 2 года, в 1935 г. на 2 года) и она продолжала жить в селе Тогур вплоть до своего последнего ареста Нарымским окружным отделом НКВД 23 августа 1937 г.

Ивановой инкриминировались преступления, подпадающие под ст.ст. 58-2, 58-8, 58-11 УК РСФСР. В обвинительном заключении, подписанном 18 сентября 1937 г. оперуполномоченным 4 отд. УГБ Нарымского окротдела НКВД мл. лейтенантом госбезопасности Рябушкиным, пом. нач. Нарымского окротдела НКВД ст. лейтенантом госбезопасности Суровым и утвержденным нач. Нарымского окротдела НКВД ст. лейтенантом госбезопасности Мартоном говорилось: «<...> Иванова-Иранова, оставаясь по убеждениям эсерки (так в тексте — *К. М.*), узнав о существовании на территории Колпашевского района эсеровско-монархической повстанческо-террористической контрреволюционной организации, ставшей своей целью — свержение советской власти путем вооруженного восстания, вошла участницей данной организации и приняла в ее контрреволюционной работе деятельное участие. <...> Иванова-Иранова давала установки на блок эсеров с другими реакционными силами против соввласти, о необходимости вести вовлечение в к-р эсеровско-монархическую повстанческую организацию новых людей и обработки их при этом в контрреволюционном эсеровском духе, с тем чтобы в момент восстания против соввласти при учреждении вместо последней «новой власти» максимально насытить органы этой «новой власти» своими эсеровскими сторонниками. Кроме того Иванова-Иранова Е. А. вела индивидуальную контрреволюционную обработку своих знакомых эсеров, стремясь побудить их к активной контрреволюционной эсеровской деятельности среди населения. Будучи допрошена в качестве обвиняемой Иванова-Иранова Е. А. виновной себя не признала <...>»¹⁷⁰

На вопрос следователя, заполнявшего «Анкету арестованного», о партийности Е. А. Иванова ответила — «Беспартийная. В прошлом член партии эсеров. Была избрана членом Петербургского комитета партии эсеров (в 1918 году)»¹⁷¹. В протоколе допроса на вопрос о социальном положении (род занятий и имущественное положение после революции) Е. А. Иванова показала: «С Февраля 1917 года по 1918 на партийно-эсеровской работе, после — служащая»¹⁷². Но в протоколе допроса ее ответ на вопрос о партийности (в прошлом и настоящем), уже отличался от анкеты: «С 1905 года состояла в партии эсеров. В данное время остаюсь с эсеровским мировоззрением»¹⁷³. Совершенно очевидно, что, заявляя себя беспартийной, но с «эсеровским мировоззрением» Иванова создавала себе оборонительный рубеж, позволявший отразить любые вопросы о какой-либо партийной работе. Ее заявление, что «партийно-эсеровской работой» она занималась только в 1917–1918 гг., а потом была служащей, только подтверждают это мнение. Несмотря на то, что ее причастность к боевой группе Г. И. Семенова в 1918 г. эсерам спрятать на процессе так и не удалось, и несмотря на то, что вплоть до

ареста 1921 г., Иванова занималась активной партийной работой и была близка к верхушке российского партийного руководства, она сознательно принижала свое место и роль в партийной работе, всячески подчеркивая, что от партии она отошла еще в 1918 г. Уже потом, на следствии, на вопрос «расскажите о вашей эсеровской деятельности после 1917 г.», Иванова еще раз повторила все это, заявив, что после «ареста и освобождения в 1918 году эсеровской деятельностью не занималась»¹⁷⁴. Свидетельством того, что Иванова не «разоружилась», конечно же, служат ее слова о сохранении эсеровского мировоззрения, которые были сказаны не случайно. Представляется, что ими она наметила границы своей позиции — по убеждениям я и сегодня эсерка, но о никакой партийной работе после 1918 г. речи быть не может! Подобная позиция позволила ей с порога отметать обвинения к причастности к «эсеровско-монархической, повстанческо-террористической контрреволюционной организации», заявляя: «В предъявленном мне обвинении виновной себя не признаю, так как ни в какой контрреволюционной организации я не состояла и никакой общественно-политической деятельностью не занималась»¹⁷⁵. В ответ на зачитывание «уличающих» ее показаний ряда «участников» этой «организации» Иванова заявила: «Вы можете мне десятки привести показаний, но все они будут ложны. Поэтому мне сознаваться не в чем, так как еще раз повторяю, что в контрреволюционной организации я не состояла». Далее следователем было дописано: «Протокол мною прочтен и ответы на вопросы записаны с моих слов верно: От подписи последней страницы Иванова-Иранова отказалась, не объяснив причины»¹⁷⁶. Заседание тройки управления НКВД Запсибкрая, состоявшееся 22 сентября 1937 г. постановило «Иванову-Иранову Елену Александровну расстрелять, лично принадлежащее ей имущество конфисковать»¹⁷⁷. Из «выписки из акта» видно, что приговор был приведен в исполнение 31 октября 1937 г.¹⁷⁸

Насколько обоснованно было это обвинение? Уже сама по себе возможность слияния сибирских «кадетско-монархической» и эсеровской организаций в объединенную «эсеровско-монархическую повстанческую организацию», была возможна лишь в головах чекистов. Где-где, но в Сибири, где эсеры с ноября 1918 г. до января 1920 г. боролись с Колчаком, свергшим Уфимскую директорию и, наконец, в ходе поднятого ими иркутского восстания в январе 1920 г. арестовали его, допустить подобное братание бывших белогвардейских офицеров с эсерами очень трудно (причем с обеих сторон). Да и формирование в течение шести лет в подполье целой дивизии и сохранение этого в тайне столь длительное время также маловероятно»¹⁷⁹. Показательно, что в деле отсутствуют вещественные доказательства. Не менее показательно, что конкретные обвинения в адрес Ивановой несоразмерны с размахом дела — «давала установки» и «вела индивидуальную контрреволюционную обработку своих знакомых эсеров, стремясь побудить их к активной контрреволюционной эсеровской деятельности среди населения».

В Постановлении президиума Томского областного суда от 11 января 1989 г. говорилось: «Дополнительной проверкой, проведенной Управлением КГБ по Томской области, установлено, что Иванова-Иранова была арестована и осуждена необоснованно по сфальсифицированным органами НКВД материалам»¹⁸⁰. В «Заключении об отказе в реабилитации по материалам уголовного дела арх. № Н-1789, н/п 13 /48-97», утвержденном и.о. пом. генпрокурора РФ Т. М. Бобылевой 13 июня 2001 г., относящемся помимо нескольких человек из 2-й группы подсудимых и к Е. А. Ива-

новой-Ирановой, отмечалось: «<...> Иванова-Иранова, кроме того, признана виновной в том, что состояла членом руководящих органов партии эсеров и выполняла директивы ЦК этой партии, осуществляла связь боевой группы с членами ЦК партии. <...> Одновременно Иванова-Иранова, Усов и Зубков ожидали с подрывным устройством поезд Троцкого в районе ст. Томилино. Потому только, что Троцкий выехал с другого вокзала, эти преступления не были совершены. ...Также доказано, что Иванова-Иранова, выполняя указания ЦК партии о вооруженной борьбе с советской властью, находясь в Петрограде, занималась отправкой членов партии, офицеров за Волгу, где создавался „военный кулак“ для борьбы с советской властью (выделено нами — К. М.). Исходя из изложенного следует признать, что и вина Пелевина и Ивановой-Ирановой доказана только по эпизоду подготовки теракта на Троцкого, действия Ивановой-Ирановой следовало квалифицировать не по ст. 64, а по ст. 13 и 64 УК РСФСР (в ред. 1922 г.), как покушение на совершение теракта.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», в реабилитации ...Ивановой-Ирановой Елены Александровны ...отказать (выделено нами — К. М.)»¹⁸¹.

Александр Васильевич Либеров после окончания тюремного срока весной 1924 г. был вместо Акмолинска, где в ссылке находились его жена и дочь, отправлен в Актюбинск, откуда ему пришлось возвращаться с полдороги, посидев в подвалах ГПУ Оренбурга, Петропавловска и, наконец, угодив в невероятные условия Акмолинской тюрьмы. 20 октября 1924 г. Либеров писал из нее С. Н. Гоц: «Общее состояние здоровья у меня очень неважное. Передвигаюсь, правда, сейчас без костыля (прихрамывая), но чувствую большую слабость. Вызвал врача. Очевидно, придется еще долго поправляться. Настроение, как всегда, бодрое. Шума не произвожу, держу себя с „похвальной сдержанностью“. Думается, что как-нибудь удастся изменить обстановку без серьезных осложнений. Большим все оправдывающим плюсом является возможность иметь свидания с Дорочкой, которая, конечно, страшно рада моему приезду. Я с ней один раз виделся. Она уже давно кончила свою временную работу в фин. отд. Теперь достала несколько уроков в общей сложности что-то на 12 или 14 руб. в месяц. Выглядит не очень важно. Измаялась, говорит, особенно за последнее время в связи со всей «историей». Зато сейчас счастлива. ...Киргизация идет на всех парах. <...> „Киргизирована“ и тюрьма как по составу администрации, так — особенно — и заключенных (на 100 % скотокрады). Русской речи почти не слышно. Тут, кажется, я разучусь говорить по-русски (не с кем), и не научусь по-киргизски (тоже не с кем говорить). <...> Со своей стороны, я Вас очень прошу написать мне, как живут друзья-товарищи. Жив ли кот-Аш-ка, здоров ли он. Не разбился ли у Бороды аквариум. <...> Продолжается ли работа в мастерской? Каково положение Утгофа? Кого сейчас приручает Миша-маленький? (Я бы мог явиться прекрасным поставщиком ему). Нет ли или не предвидится ли каких изменений в нашем положении (режим и проч)? <...> У меня сейчас в камере букет с пахнувшими цветами (от Дорочки). Значит, и Акмолинску не чуждо цветоводство. На тюремном же дворе здесь о цветах пока не приходится и думать»¹⁸².

Из справки ГИЦ МВД РФ видно, что 30 марта 1928 г. Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ акмолинская ссылка А. В. Либерову была продлена еще на 3 года. А по истечении, ее 3 октября 1931 г. постановлением ОСО Коллегии ОГПУ он был выслан в Вятку на 3 года.

Несомненно, тут закралась какая-то шибка, потому что, во-первых, из письма Красного Креста А. В. Либерову в апреле 1929 г. видно, что, согласно справке ГПУ, срок ссылки постановлением от 10 апреля 1929 г. продлен ему на год¹⁸³. Во-вторых, весной 1930 г. Либеров находился уже в Костроме (из справки, составленной его женой для Пешковой в октябре 1930 г., видно, что Либеров был арестован 1 марта, содержался в Костромском домзаке по 16 июня и был освобожден по распоряжению зам. прокурора Костромского округа. Причины ареста неясны, но обращают на себя внимание следующие строки из письма жены Либерова: «Имущество Либерова при его аресте было взято местной властью. При освобождении Либерова имущество Костромским окружным исполкомом было возвращено, но местная власть имущество не возвратила, т. к. часть его была расхищена кем-то, а часть распродана. Вскоре после постановления о возвращении имущества местная власть решила вновь его арестовать и 10-го сентября он был выслан в Кемь»¹⁸⁴).

Жена Либерова писала, что он «в настоящее время получил много болезней и признан врачебной комиссией нетрудоспособным (инвалидом)» и приводила строки из его письма: «Теперь я пишу это письмо с командировки „Сеннуха“, куда нас собрали — очень много людей и почти всех инвалидов, т. е. неспособных к физическому труду. Сейчас у меня появились наружные нарывы на горле, которые никак не заживают. Хожу к врачам, которые болезнь эту называют воспалением лимфатических желез и говорят, что она трудно поддается лечению. Горло все время завязано, потому что из нарывов течет гной...»¹⁸⁵.

21 июня 1933 г. А. В. Либеров был постановлением ОСО НКВД по ст. 58—10, 11 УК РСФСР приговорен к 2 годам лишения свободы¹⁸⁶ и отправлен в Суздальский политизолятор. Сидевшая там вместе с ним Е. Л. Олицкая вспоминала: «Ему было 42—43. Для меня и он принадлежал к старому поколению эсеров, людей, пришедших в партию до революции. Энергичный, живой, верящий в себя и неувержимо ждущий приложить свои силы к жизни, Либеров тяжелее других переносил тюремное бездействие. <...> Стоял он на самом левом крыле нашей партии, но к левакам не ушел. За многое осуждал он наших цеккистов, многое ставил в вину партии. Он пересматривал, болезненно переживал пройденный путь. Часто во время прогулок я с интересом слушала его рассказы и выводы. Когда он говорил о прошлом, я слышала в его голосе и искренность и глубину.

— Наша партия первая заговорила о социализации земли. Это был ее основной лозунг, ее душа, ее конкретное отличие от всех других социалистических течений. И что же мы, рядовые работники, став у руководства земельными органами делали? Брала землю? Нет. *Мы натягивали вожжи и до предела сдерживали народное движение.* К нам являлись выдвинувшие нас крестьянские депутации: „Вы эсеры, осуществляйте вашу программу-минимум“. А мы им должны были отвечать: „Ждать надо, братцы. Ситуация не та. Ситуация сложная“. Упустили, не сумели, не оказались на высоте своих идеалов.

<...>— Я никогда не стану большевиком, — говорил Либеров. — Я всегда останусь их горячим противником, но отказать им в том, что они знают, чего хотят, нельзя. ...Эх, — мечтал он, — уехать бы куда-нибудь на крайний север, на Новую Землю! Там жить и работать. По крайней мере, дело бы какое-то делал, не копил тюремные стены. Зря уходит жизнь, здоровье, силы, годы»¹⁸⁷.

3 марта 1934 г. А. В. Либерову по постановлению ОСО НКВД срок заключения продлили на 1 год, а в феврале 1935 г. решением ОСО НКВД

он был отправлен на поселение в г. Киров. 17 апреля 1938 г. А. В. Либеров был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам ИТЛ и умер в Сиблаге в 1942 г.¹⁸⁸.

Заключение о его реабилитации от 15 мая 2001 г. гласило: «Фактически материалами дела установлено, что в октябрьские дни 1917–1918 годов Либеров работал в эсеровской организации в Крыму и входил в городскую думу, которая хотя и не поддерживала октябрьский переворот, но и не выступала против него, контактировал свою работу с Ревкомом. Убедившись, что Ревком ведет свою политику, не согласную с установками эсеров, т. е. на установление рабоче-крестьянской, а не буржуазно-демократической власти, занимался агитацией против такой политики <...>. Затем выехал в Москву, где работал в кооперативных организациях. В своей квартире имел партийную явку. В то же время материалами дела не установлено, кто пользовался этой явкой, какую антибольшевистскую, кроме агитации работу репрессированный проводил. Учитывая, что антисоветская, антибольшевистская агитация в соответствии со ст. 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» не признается преступлением, а наличие у Либерова в квартире партийной явки при не установлении того, кто ею пользовался, нельзя рассматривать как преступление, осуждение его следует признать необоснованным»¹⁸⁹.

Михаил Александрович Лихач выделяется из среды своих товарищей экзотичностью своего тюремного опыта (хотя у многих он был весьма и весьма серьезный), потому что он сидел не только в царских и советских тюрьмах, но и в качестве члена архангельского правительства (был управляющим отделами труда и народного образования) в 1918 г., после переворота, был вместе с другими членами правительства посажен в тюрьму Соловецкого монастыря. После освобождения уехал в Сибирь, где снова был посажен в тюрьму, на этот раз колчаковскую. После ареста большевиками 26 января 1921 г. для него началась череда уже советских тюрем.

За несколько месяцев до окончания срока его ждал сильный удар — его жена, эсерка Д. Г. Соловьева-Лихач решила с ним развестись. 10 сентября 1925 г. в Бутырскую тюрьму пришла «Повестка ответчику по гражданскому делу № 1101/1925 г.», которой нарсуд 17 отделения г. Ленинграда вызывал М. А. Лихача 10 октября 1925 г. в качестве ответчика по делу о расторжении брака. В графе «место жительства» значилось «Бутырская тюрьма». Повестка была принята и отправлена комендантом тюрьмы и начальником канцелярии в СО ОГПУ Андреевой «на распоряжение»¹⁹⁰.

По окончании срока 25 января 1926 г. Лихач был выслан в Воронеж на 3 года, после чего срок дважды продлевался еще на 1 год. В 1930 г. он был арестован в Воронеже и отправлен в Челябинский политизолятор, где и умер в 1931 г. в тюремной больнице от воспаления легких¹⁹¹.

В «Заключение об отказе в реабилитации по материалам уголовного дела арх. № Н-1789, н/п 13/48-97», подготовленном А. Г. Абрамовым и прокурором отдела реабилитации Генпрокуратуры РФ И. О. Ковалевской и утвержденном 28 июня 2001 г. и.о. помощника Генерального прокурора РФ Т. М. Бобылевой, говорится: «<...> Лихач признан виновным в том, что состоя членом ЦК партии эсеров (правых), ставившей целью вооруженное свержение рабоче-крестьянской власти в России и в прошлом организовавшей в контрреволюционных целях вооруженные восстания и вторжения на территорию Республики вооруженных банд

и отрядов, а равно участвовавшей в ряде попыток захвата власти в центре и на местах, насильственном расторжении договоров, заключенных РСФСР, и отторжении от Республики некоторых частей ее.

<...> Вина Лихача в инкриминированных ему действиях также доказана показаниями самого осужденного, Игнатьева, Семенова, Коноплевой и других, документами, приобретенными к материалам дела.

Этими доказательствами подтверждено, что Лихач с момента провозглашения власти Советов участвовал лично в организации вооруженной борьбы с ней, входя в «Комитет спасения Родины и Революции». На полученные от иностранных антисоветских миссий деньги, переданные ему Игнатьевым, выехал для организации антисоветского восстания в Вологду, откуда, ожидая антантовский десант, перебрался в Архангельск, **войдя в состав антисоветского правительства „Северной области“, опирающегося на антантовские военные силы, по существу оккупировавшие эту территорию, т. е. фактически перешел на сторону врага, ведущего войну с Советской Россией.**

При таких обстоятельствах осуждение ЛИХАЧА Михаила Александровича и Игнатьева Владимира Ивановича следует признать обоснованным и они в соответствии со ст. 4 Закона РФ „О реабилитации жертв политических репрессий“ реабилитации не подлежат (выделено нами — *К. М.*)¹⁹².

Евгению Моисеевну Ратнер лучше всего характеризует ее поведение в конфликте с московским отделом наробраза (МОНО), который в 1924 г. запретил ее детям, находившимся в детском доме, поездку к матери в «совхоз ГПУ», и зам. начальника СО ОГПУ Андреевой. 7 июля 1924 г. Е. М. Ратнер обратилась в СО ОГПУ к «гр. Андреевой» со следующим заявлением: «Я только что узнала, что МОНО отказало в отпуске для поездки в совхоз моим двум сыновьям 6 и 8 лет. Сделано это по распоряжению заведывающего МОНО Потемкина. Прошу вас объяснить ему, что это не тюрьма, а совхоз, что должно его успокоить относительно вредного влияния обстановки, и что насильственным ограждением от вредных влияний со стороны родителей трудно создать лояльных граждан, а можно воспитать лишь озлобление и ненависть к власти.

О результатах переговоров прошу вас дать мне знать поскорее, чтобы осталась достаточно времени на сборы. Но а также сообщить <...> моей матери. Пока она не получит от вас уведомления, она будет считать, что поездка отменяется, а ей надо собрать детей в трех разных углах Московской губернии.

Поверьте, что если бы я была свободна, я бы сама поговорила соответствующим образом с этим гр. Потемкиным; в данных условиях я вынуждена обратиться к вам. Но вопрос настолько элементарен, что я не сомневаюсь в том, что вы вполне меня замените. Невольно вспоминается дело Хилкова! Прошу вас только говорить с МОНО так, чтобы детей не исключили из школы. Мне их некуда будет девать, кроме Бутырок»¹⁹³.

Опасаясь, что поездка сорвется, и не дождавшись быстрого ответа, Е. М. Ратнер 10 июля 1924 г. вновь пишет «гр. Андреевой»: «Прошу вас дать мне ответ на заявление относительно поездки моих детей в совхоз в течение пятницы 11-го июля. После целого ряда выходов различных органов Советской власти по отношению к моей матери и детям, эта последняя выходка переполняет чашу моего терпения»¹⁹⁴.

Вместе с письмом Андреевой ее заявление попало на стол небезызвестного Г. Г. Ягоды. В сопроводительном письме от 11 июля 1924 г. Андреева писала: «Тов. Ягода. Прошу ознакомиться с просьбой Е. Ратнер. Я лично отнеслась бы так: в дела МОНО мы не вмешиваемся и поддерживать

просьбу в МОНО Е. Ратнер не будем. Мотивы МОНО нам не известны, а толкование их Евгенией Ратнер нас не интересует. Если даже и так МОНО смотрит на это. Я считаю, что правильно. Прошу В[аших] указаний»¹⁹⁵. Резолюция Ягоды гласила: «Делайте так, как найдете нужным»¹⁹⁶.

Получив карт-бланш от Ягоды, Андреева не спешила сообщать Е. Ратнер свой достаточно циничный взгляд на этот вопрос. Но и Евгения Ратнер отнюдь не шутила по поводу переполнения «чаши долготерпения». 12 июля 1924 г. в 10 часов утра Е. М. Ратнер направила в Президиум ГПУ заявление об объявлении голодовки: «В течение 4-х лет моего тюремного заключения при советской власти состав моей семьи (мать 67 лет, дети — 13, 8 и 6) все время ставит передо мной вопрос о содержании ее и помощи ей из тюрьмы. Условия моего ареста, сопровождавшегося разгромом всего имущества, отказы в течение последних лет в элементарном праве каждой матери держать детей при себе в тюрьме — все это делает положение моей семьи и мое зачастую совершенно безвыходным. В данный момент положение обстоит следующим образом: в течение последней зимы удалось, наконец, после долгих мытарств получить для моей матери книжку социального обеспечения, а детей определить в детские дома. Но в результате нелепой политики нового жилтоварищества у моей матери отнята книжка социального обеспечения, а МОНО отказывается отпустить детей со мной в совхоз, мотивируя это вредным влиянием обстановки и моего общества. На два заявления, посланные мной гр. Андреевой с просьбой уладить вопрос о совхозе, я не получила никакого ответа. Завтра я должна была бы ехать в совхоз, чем, конечно, не могу воспользоваться, так как, если я возьму детей без соответствующего разрешения, то их, несомненно, исключат. Так как защищать интересы моей семьи, кроме меня, некому, а так как в моих руках имеется только одно средства этой защиты, я объявляю 12 сего июля голодовку с требованием предоставления моей семье всех прав, которыми пользуются все граждане РСФСР»¹⁹⁷.

Объявление голодовки Е. М. Ратнер, как и следовало ожидать, произвело нужный эффект. Как мы уже видели ранее, реакция общественного мнения демократических и социалистических кругов Западной Европы на голодовки 22-х осужденных по процессу эсеров заставляла Политбюро ЦК ВКП(б) быть в курсе событий и обсуждать на своих заседаниях подобные ситуации. Андреева, спровоцировавшая (при самоустранении Г. Ягоды) голодовку Е. М. Ратнер, рисковала «схлопотать» крупные неприятности. Сталину и его коллегам по Политбюро вряд ли понравилось бы, что Андреева по абсолютно неприципиальному и незначительному (с их точки зрения) поводу провоцирует голодовку, чреватую очередным скандалом вокруг осужденных эсеров, от которых к этому времени устало и Политбюро, и советские дипломаты и даже верхушка ОГПУ. Андреева поступила так, как неоднократно поступала и до и после этого случая — она скрыла это заявление Ратнер не только от Президиума ГПУ, но и от Ягоды, дабы не демонстрировать своего просчета ни перед чекистским руководством, ни лично перед Ягодой, которого она в определенном смысле «подставляла» в случае утечки информации в Политбюро.

Отправив заявление Е. М. Ратнер сразу в архив (об этом свидетельствует отсутствие какой-либо резолюции и помет, характерных для подобных случаев), и выждав два-три дня, очевидно, в надежде, что Ратнер одумается и прекратит голодовку, Андреева, наконец, сдалась. Дольше тянуть она не могла, скрывать голодовку от начальства в течение 2–3 дней уже

было опасно, а дальнейшее развитие событий могло быть совсем непредсказуемым, т. к. здоровье у Ратнер, как и у остальных ее товарищей, было подорвано суровыми тюремными условиями и голодовками.

15 июля 1924 г. (датируется по штампу) Андреева отправила (похоже, с фельдъегерем, вернувшим письмо назад) письмо под грифом «Секретно» следующего содержания: «В МОНО — тов. Потемкину. При сем прилагаемое заявление гр. Ратнер Е. М. — препровождаю Вам. Приложение: упомянутое. Замнач СООГПУ Андреева»¹⁹⁸.

По окончании тюремного срока 27 декабря 1924 г. Е. М. Ратнер была сослана на 3 года в г. Самарканд. 14 февраля 1928 г. она писала оттуда Е. П. Пешковой: «Я кончила свой срок 27 декабря. <...> По логике вещей я сейчас свободная гражданка. Но поскольку руководствоваться логикой вещей сейчас несколько рискованно, предпочитаю более твердые основы существования <...>. Я очень увлекаюсь служебной работой, экономистов мало, и есть удовлетворение от работы. Уже год тому назад я хотела перейти на работу в Госплан. Было согласовано везде и всеми, но через 2 недели меня вызвали в ГПУ, и заявили, что так как я нужна сельхозбанку, то буду работать или там или нигде. <...> В июле всем нам внезапно установили «партмаксимум» в 150 рублей. Стало невыносимо жить. Квартира, прислуга, учение детей — на самую жизнь ничего не остается. Я начала давать уроки, искать литературные заработки. Сначала пошла в ГПУ. Можно ли работать в другом учреждении, брать сдельную или сверхурочную работу в своем или другом учреждении? Правление (сельхозбанка — К. М.) всячески хлопотало за меня. Ничего нельзя, можно литературу и уроки, п.ч. «ведь этого запретить нельзя». Написала сразу 2 брошюры по сельскому хозяйству. Денег не платят. В чем дело? Писать — пишите, но не больше, как на 50 рублей в месяц. Такая постановка вопроса отбивает всякое настроение, т. к. мне и до сих пор за брошюры окончательно не выплатили. Начала давать уроки иностранных языков. Учеников много, но они через некоторое время получают откуда следует предписание занятия прекратить <...>. Разговоров в городе не оберешься. Из ответственного спеца, которого недолюбливали, я стала persona grata, которому все сочувственно пожимают руки и предлагают чем-нибудь помочь, облегчить горькую участь. К сожалению, меня гораздо больше устраивает нормальный оклад и интересная работа, иначе можно было бы только благодарить. <...> Последнее: весь ассортимент моих хворей Вы знаете по Бутыркам. Операцию, которую мне там сделали, надо повторить, но перед ней надо грязевое лечение, иначе опять будет ненадолго. Здесь лечиться не дают. В прошлом году летом — мое сердце не выносит здешней жары — я просилась в какую-нибудь горную деревушку на время отпуска. Тут есть такое дешевое место — Ура-Тюбе. Меня никуда не пустили. В результате за все три года я не имела ни одного дня отпуска. <...> Обо всем этом я послала недели 2 или 10 дней тому назад телеграмму Менжинскому. Ответа нет. Не можете ли узнать, в каком положении дело? <...> Хорошо, что сроки кончаются только один раз в три года»¹⁹⁹. Из процитированного письма видна та атмосфера придирок и ограничений, которыми отравляло последние годы ее жизни местное ГПУ, руководствовавшееся бессмертным «держат и не пушат» и без особой на то нужды мешавшее ей и работать, и подрабатывать, и отдыхать, и лечиться. Операцию, о которой упоминала Е. М. Ратнер, невозможно было делать в Самарканде, и после долгих переговоров и вмешательства Красного Креста, ее весной 1931 г. отправили в Ленинград, но время было безнадежно упущено, и она вскоре умерла от рака²⁰⁰.

Заключение о реабилитации Е. М. Ратнер, утвержденное 15 мая 2001 г. помощником Генпрокурора РФ Н. С. Власенко гласило: «Как следует из обвинительного заключения, конкретно Ратнер-Элькинд обвинялась только в том, что являясь кассиром ЦК партии эсеров, получила от Семенова на нужду ЦК экспроприированные его отрядом у артельщика Наркомпрода деньги, зная о их происхождении. Таким образом, вменяя репрессированной все действия, совершенные другими членами ЦК партии эсеров, Верховный трибунал вышел за пределы предъявленного ей конкретно обвинения. Учитывая, что материалами дела никаких других конкретных действий, Ратнер-Элькинд Е. не установлено, что, как следует из показаний Семенова, он о совершенной его группой экспроприации доложил не репрессированной, а члену ЦК Донскому, через которого передал деньги репрессированной, и что, принимая их, Ратнер-Элькинд просто выполняла свои обязанности кассира, факт экспроприации был политическим действием, так как он был согласован заранее с перевозившим эти деньги, и что они изымаются на нужды партии, следует признать, что Ратнер-Элькинд Евгения Моисеевна, как по ст.ст. 57, 58 ч. 1, 60 УК РСФСР, так и по ст.ст. 68 и 76 ч. 2 УК осуждена необоснованно»²⁰¹.

Владимир Львович Утгоф на момент вынесения приговора являлся польским гражданином и, как он указывал в одном из трех заявлений в Верховный трибунал при ВЦИК, согласно статьям Рижского мирного договора и дополнительного соглашения между Польшей и РСФСР, подлежал «в случае осуждения высылке в пределы Польской республики и передаче польским властям»²⁰². Ни на одно из этих заявлений (последнее осело в архиве ГПУ) он ответа не получил, вероятно, потому, что все они были перехвачены чекистами и не дошли до адресата.

Как уже отмечалось, 11 января 1924 г. постановлением ВЦИК срок заключения ему был сокращен до 2,5 лет несмотря на мнение начальника Секретного отдела ГПУ Дерибаса, считавшего, что «ввиду крайне демонстративного поведения и непрекращающихся антисоветских выходов» Утгофа «сокращать ему 5-ти летний срок, безусловно, не следует». Срок заключения Утгофа закончился 8 августа 1924 г., после чего он был сослан в Тюмень, а с августа 1925 г. находился в ссылке в Самарово-Тобольской губ.²⁰³ В 1929 г. срок ссылки Утгофу был продлен еще на 1 год. Из Самарово он телеграфировал Е. П. Пешковой «Ввиду угрожающего состояния здоровья дочери прошу перевода юг»²⁰⁴. Очевидно, ее ходатайство послужило причиной перевода его из Тобольской губернии в г. Камень-на-Оби Алтайского края. Вряд ли о таком юге просил Утгоф, но все же в климатическом отношении Алтайский край был предпочтительней Тобольской губернии.

12 февраля 1937 г. В. Л. Утгоф был арестован в Камне-на-Оби Алтайского края по обвинению в участии в «эсеровской шпионско-диверсионной террористической организации, возглавлявшейся т. н. „Сибирским бюро ПСР“»²⁰⁵. Будучи первым арестованным по этому групповому делу, Утгоф «виновным себя не признал» и решением Особого Совещания НКВД СССР от 7 октября 1937 г. был приговорен к расстрелу, и как отмечалось в справке по архивно-учетному делу № П-9657, составленной в 1955 г. следственным отделом Управления КГБ Томской области — «Приговор был приведен в исполнение»²⁰⁶.

В заключении о реабилитации, утвержденном 28 июня 2001 г. и.о. пом. Генерального прокурора Т. М. Бобылевой говорится о том, что В. Л. Утгофу вменялось «<...> то, что он вел военную работу в Петрограде

до созыва и в период Учредительного Собрания <...> По делу не установлено, что контрреволюционного совершил репрессированный Утгоф-Дерюжинский, кроме того, что после 4-го съезда партии эсеров он был избран в военную комиссию»²⁰⁷.

Флориана Флориановича Федоровича лучше всего характеризует его заявление от 29 ноября 1922 г. («камера № 56»), адресованное «Заместителю Председателю ГПУ Гражданину Уншлихту», в ответ на его предложение об отправке Федоровича в Ярославскую тюрьму (при том, что приговоренные к смерти 12 его товарищей остаются во Внутренней тюрьме ГПУ): «Я не помню дословно приговора в части касающейся меня, но смысл был тот, что несмотря на то, что я член Центр. Комитета ПСР, ввиду моего последнего слова, я присуждаюсь к 10 годам тюрьмы, и, таким образом, исключаясь из числа лиц, приговоренных к смертной казни через расстреляние. Мне думается, что выделение меня из числа 12-ти товарищей, приговоренных к смертной казни, судебным приговором вынесено без достаточных оснований, ибо приведенный им мотив ни на чем не основан. Все мои краткие заявления (как на предварительном следствии, так и на суде) ясно и четко сводились к тому, что я, как активный член цен.-ком. партии соц.-рев., считаю себя всецело ответственным за действия Центрального Комитета и не отделяю себя от остальных товарищей по цен. ком., какая бы участь их не постигла. В силу этого считаю своим долгом и правом разделить участь с 12-ю моими товарищами и содержаться в тюрьме на одинаковом с ними положении. Приговор ВЦИКа по существу официально ввел институт заложничества, а потому, опять-таки, я считаю своим долгом и правом включить себя в число заложников со всеми вытекающими отсюда последствиями, несмотря на то, что я считаю эту меру ВЦИКа недостойной и противоречащей всякому праву и здравому смыслу. Но этот приговор факт, — поскольку он тяготеет над моими 12-ю товарищами, поскольку я считаю, что он касается меня. <...> Откровенно говоря, я не совсем понимаю Вашего запроса и считаю его до некоторой степени лицемерием: я арестант, — Вы начальство; я номер (по белью № 15), — Вам дадено решать и вязать. Но по тем или другим соображениям мне был сделан запрос, передано на мой выбор: ехать или не ехать в Ярославль, ерго как будто я могу поступить по своему желанию. Согласно всему вышеизложенному, я ясно и определенно выражаю свое желание: я желаю, чтобы меня не отделяли от 12-ти моих товарищей, приговоренных к смертной казни и объявленных заложниками. Я считаю своим долгом и правом разделить их участь до конца и все время находиться в одинаковом с ними положении <...>»²⁰⁸.

Эсерка М. Л. Свирская вспоминала в 1978 г. о Федоровиче: «О Ф. Ф. Федоровиче писать очень трудно. Это был человек такого обаяния, равного которому не просто найти. Это признавали не только его друзья, но и идейные враги. <...> Ф. Ф. на поселении был после Александровской каторги (начинал с Орла) в Манзурке вместе с Фрунзе. Их связывала большая дружба. Во время процесса Фрунзе прислал своего адъютанта сказать, что хочет с ним повидаться. Ф. Ф. ответил, что он должен узнать мнение товарищей. Больше Фрунзе не присылал. А Флорианых часто вспоминал после смерти Фрунзе, что нужно было как-нибудь иначе ответить. В первых изданиях биографии Фрунзе была фотография: Ф. Ф., Фрунзе, Боровский и друг Ф. Ф., не то латыш, не то эстонец. В поздних изданиях этой фотографии уже не было, а оставалась фотография „Фрунзе среди ссыльных“. Там сидит и Флорианых»²⁰⁹.

Как председатель Иркутского Политцентра Федорович был широко известен в Сибири, и Свирская вспоминала о том, как в 1921 г. в Новосибирске они устроили посиделки с участием Федоровича, которого на одну ночь отпустили из тюрьмы: «Вечер удался на славу. Флорианыч был очень оживлен, острил, рассказывал. Забавно было услышать, видимо, как анекдот, о том, как председатель Временного правительства князь Львов не хотел утвердить бывшего ссыльного-поселенца губернским комиссаром в Пензе и, только узнав, что этот «каторжанин» сам князь, да еще и Гедеминович, утвердил его кандидатуру. Я от себя рассказала, как княжеское достоинство Флорианыча использовала моя приятельница, жившая у своей тетки, когда ей надо было устроить в своей комнате заседание ЦК партии. Она попросила устроить обед, на котором будут присутствовать ее друзья, в том числе князь, бывший председатель Политического центра Федорович. Председательство Флорианыча тетку не тронуло, но на «князя» она клонула. И в начале января или февраля 1921 года, после прекрасного обеда, в маленькой комнатке в Воротниковском переулке, в доме № 9, кв. 10, что против старого Пимена, состоялось последнее людное заседание ЦК, на котором, кроме Федоровича, присутствовали Лихач, Гендельман, Дм.Дм.Донской, М. А. Веденяпин, Е. С. Берг, Герштейн, Ивацкий-Василенко. Обсуждался вопрос об отношении к войне с Польшей, к Антоновскому восстанию на тамбовщине и другие вопросы»²¹⁰.

В деле 60 фонда Н-7189, где чекисты собирали задержанные по тем или иным соображениям письма подсудимых 1-й группы и их родственников, хранится письмо Федоровича к его будущей жене Е. Я. Сосниной, с которой он, находясь в тюрьме, долго и безуспешно пытался зарегистрировать свой брак, чтобы потом соединиться в ссылке. Для чекистов эта тема была чуть ли не единственным рычагом давления на Федоровича (или, скорее, предметом торга), что ярко проявилось во время развезенной голодовки. «Письмо № 23» из Бутырок от 7 августа 1925 г. очень многогранно и хорошо характеризует его автора: «Для ГПУ не надо никакой регистрации брака, важно только фактическое взаимоотношение. ГПУ рассматривало просимое свидание как предлог для использования поездки совершенно для другой цели, какую оно усмотрело из твоих откровенных писем. В настоящее время ГПУ обещает, что по окончании моего срока гр. Сосниной не будут чиниться никаких препятствий для переезда на место моей ссылки. <...> Теперь приступаю к ответам: Зося давно уехала (месяц) и придет, вероятно, только в конце августа или начале сентября. Зосе снова не удалось поступить в Университет, ибо она не получила командировки, и с горя она уехала надолго. Зоська очень удручена этой неудачей, ибо ей очень хочется попасть в Университет на медицинский факультет, а она чувствует, что ей трудно осуществить эту свою мечту. Относительно твоего „Сириуса“ мало чего могу тебе сообщить. Ты так его разукрасила „сусальным золотом“, что там так „приторно“ хорошо, как в раю, а следовательно и скучно до зевоты. Я в рай не собирался и не собираюсь, ибо страшно боюсь скуки. Выражаясь твоим „высоким стилем“, могу тебе заявить — „где нет страданий, там нет радости“; на твоем Сириусе нет исканий, нет борьбы, нет столкновений различных мнений — одним словом, благолепная мертвечина. И эту „мистическую фантазию“ я считаю до некоторой степени идеалом человека (в данном случае твоим), к которому он стремится в своих мечтах. Квизитизм, индийская нирвана никогда не были моим идеалом. Ты считаешь, очевидно, эту фантазию красивой сказкой, без которой ты не можешь жить. А я считаю эту фантазию мечтой-идеалом уставшего человека.

И потому отношусь к ней (этой фантазии) отрицательно не потому, что она ирреальна (всякая мечта ирреальна), а потому, что она пахнет мертвечиной, пассивна, в ней нет красоты действия, активности, а мирное благолепство, пассивность. Боюсь, что тебе не понравится такое развешивание твоей сказки, но попробуй посмотреть не нее с этой точки зрения — и ты сама убедишься, что от нее остается только пустое место. Я не собираюсь тебя переучивать, перестраивать и убеждать тебя, что тебе вовсе уже не „так необходимо“, „смотреть на Сириус и Орион“, размалеванные тобой, но если ты и меня зовешь на них, то я прямо говорю, что мне это не подходит.

Возможно, это сказано очень резко, тем более, что эта фантазия связана с воспоминанием о В; прости, я совсем не хотел затрагивать эту сторону. Пойми, что я рассматривал все это, как показатель умонастроения человека, как склонность его природы. И говорю, что такой идеал характеризует пассивность человека, усталость его. И когда мне предлагают «оторваться от всего реального» и полюбоваться «расписной цацей»; я резко говорю; пассивностью и мертвечиной нечего любоваться, как бы замысловата расписано оно не была. ...Ты пишешь, что на днях опять приступаешь к работе и неужели опять к такой изнурительной: да, сколько, наконец, зарабатываешь ты этой своей каторжной работой. Неужели твоя работа так плохо оплачивается, что для достаточного заработка надо так изнурительно работать. А у меня с завтрашнего дня перерыв в столлярной работе, минимум на неделю, а может быть и больше. Сегодня кончаю также и чтение французских книг (всего оказалось 2 975 страниц) <...>²¹¹.

Зоя, о которой писал Федорович, была его дочерью от первого брака. Из ее свидетельства о рождении, приложенного к заявлению с просьбой дать свидание с отцом во время суда, видно, что Софья Флориановна Федорович, проживавшая по адресу г. Пенза, Гоголевская ул., д. 32, кв. 3, родилась 25 мая 1904 г. в Пензе у «дворянки Веры Иларионовны Федорович по 2 мужу Строгоновой» и у «дворянина Флориана Флориановича Федорович, католического вероисповедания» при «восприемниках: статский советник Илларион Семенович Куланда и жена дворянина Александра Ивановна Авксентьева»²¹². Как известно, видный эсер Н. Д. Авксентьев также был из Пензы и похоже, речь идет о ком-то из его родственников.

После окончания тюремного срока Федорович был отправлен в ссылку в Оренбург, где вплоть до своей смерти 28 ноября 1928 г. он жил с Сосниной. Свирская вспоминала о последних годах жизни Федоровича: «Меня перевели в Оренбург ближе к осени 26 года. Ф. Ф. уже был там. К нему приехала Евдокия Як. Соснина, которая в царской ссылке вышла замуж за Валентина Алмазова (с.-р., член Учредительного Собр.), он был убит в гражданскую войну в Сибири. После его смерти, по приезде в Москву Евд. Як. предложила Ек. Павл., что хочет ходить на свидание к кому-нибудь, к кому никто не ходит. Таким оказался Ф. Ф. Через некоторое время Евд. Як. была арестована и выслана. И уже когда Ф. Ф. попал в ссылку в Оренбург, ее перевели к нему. Хорошо, что так сложилось, последние годы Евд. Як. окружила его большой заботой и вниманием, чего у него никогда в жизни не было. В Оренбурге мы жили в одном доме и вели общее хозяйство. Ф. Ф. работал в областном финотделе. Он был прекрасным рассказчиком и совсем не оратором. В 1927 г. он заболел тяжким воспалением легких. В Оренбурге было много крупных врачей и профессоров, которые туда были высланы с Пироговского съезда 1924 г. Все

относились с большим вниманием и заботой к нему. Была сделана резекция ребра и его спасли. Ф. Ф. отмечался в ГПУ каждый день. До больницы, пока был дома, приходил, кажется каждый день, сотрудник ГПУ. Посидит и уйдет. Потом Ф. Ф. разрешили с женой поехать в деревню на кумыс. Он приехал, прекрасно поправившись и довольный. А через год в городской бане упал и поцарапал локоть о железный таз. Началось заражение крови, и его не стало. Жена послала извещение для напечатания в центр. газету (наверное, „Известия“). Мы почти все сомневались, что напечатают. Но объявление появилось»²¹³.

О дальнейшей судьбе его жены Е. Я. Сосниной известно немного. В январе 1932 г. Пешкова сообщала ей: «В ответ на В/обращение сообщаю Вам, что согласно полученной справке, Вам запрещено проживание в Москве и Ленинграде с обл., Харькове, Киеве и Одессе с б. округами, СКК, Дагестане, Урал. обл., Иркутске, Чите, Хабаровске, Ташкенте, Тифлисе, Казани и Омске с районом, во всех краевых и обл. центрах, авт. республиках и пограничной полосе...»²¹⁴.

В заключении о реабилитации Ф. Ф. Федоровича, утвержденной 28 июня 2001 г. и.о. помощника Генерального прокурора Т. М. Бобылевой говорится, что «Федоровичу вменялось в вину то, что он находился в сношениях с агентом антисоветчика Савинкова (выделено нами — К. М.)» и констатируется, что в деле «отсутствуют доказательства того, что Федорович имел связь с одним из членов контрреволюционной организации Савинкова для налаживания общей антисоветской деятельности», и что «<...> суд в приговоре в отношении <...> Федоровича значительно вышел за рамки предъявленных им обвинений, что нельзя признать правильным»²¹⁵.

Ефрем Соломонович Берг после окончания тюремного срока 24 января 1924 г. был выслан на 3 года в Темир-Хан-Шуру. Пока Берг сидел в тюрьме, его дочери на свободе бедствовали. Это видно по двум запискам, написанным неровным детским почерком в Красный Крест старшей дочерью Берга — Идой (орфография сохранена): «Заявление. Веду тяжелого положение очень прошу оказать мне помощ И. Берг»²¹⁶.

С 1928 г. Берг находился ссылке в Буйнакске ДагАССР, где жил вместе с дочерью Анной (которой на момент ареста Берга в 1933 г. было 20 лет) и работал электромонтером в «Коммунстрое». Дочь была безработной и, судя по всему, им приходилось туго. 28 марта 1933 г. Берг был арестован в местными чекистами за попытку связаться со старшей дочерью Ревекой (28 лет), работавшей машинисткой в Москве «в какой-то редакции», как было сказано самим Бергом. Он был допрошен всего дважды — в апреле и в июне 1933 г. 2 апреля на допросе он заявил следующее: «По своим политическим убеждениям я являюсь членом партии социалистов (правого крыла) и остаюсь таковым по настоящее время. По отношению к правящей партии коммунистической я был и остаюсь ее политическим противником». В протоколе допроса, проведенного самим начальником СПО ПП ОГПУ СКК Жупахиным, эти фразы были подчеркнуты, причем последняя — даже двумя чертами. Далее Берг так прокомментировал причины своего неприятия большевистского режима: «Социалистическую революцию считаю в отсталой России несвоевременной, так как производительные силы страны были не развиты, поэтому настоящее положение в стране в данное время является следствием совершившегося факта. Народу фактически была навязана социалистическая революция — со всеми вытекающими экономическими последствиями для страны. Коллективизация сельского хозяйства как мероприятие,

объединяющее крестьянские массы, я признаю, но систему ее проведения органами власти, т. е. насилие над широкими народными массами крестьянства, я считаю недопустимым; так, например, линия насильственной коллективизации породила массовые выселения, которые, конечно, можно было бы избежать при добровольном начале в этом вопросе». Протокол его допроса от 20 июня 1933 г. состоит всего из двенадцати строчек. На этом допросе Берг признал «попытку связаться с волею путем послышки письма в Москву дочери с целью ее информации о своем положении и принятии мер с ее стороны по имеющимся связям в смысле облегчения моей участи». Но на вопросы о своей настоящей «организационной деятельности», Берг ответил: «<...> еще раз категорически заявляю, что если бы она и была в действительности, то я как революционер что-либо показывать отказался бы, т. к. дело касалось бы моих товарищей по общей подпольной работе. Наша этика не позволяет говорить о товарищах, работающих «плечом к плечу» в подполье, поэтому показывать отказываюсь». Этого было более чем достаточно для того, чтобы Берг оказался в Суздальской тюрьме. Об этом периоде его жизни имеются красочные воспоминания Е. Олицкой, посвятившей ему в своих мемуарах целую главу. Она вспоминала: «Ефрем Соломонович был резок и прям. Его сильный, чуть хрипловатый голос, его нестигаемо-строгие суждения изумительно сочетались с четкостью и бережностью в отношении людей. Проведший долгие годы в тюрьмах и ссылках, был он исключительно нежным, любящим семьянином и отцом. Когда он говорил о своей семье, о дочках, тогда уже взрослых девушках, складки на его лице расходились, и оно становилось мягким и добрым. В 1905 году Берг работал в подпольной организации эсеров на Путиловском заводе. Был арестован, в тюрьмах получил он и общее, и политическое образование. Знания его были глубоки и обширны. И только язык, склад речи выдавали его происхождение. Прекрасный оратор, сильным и выразительным голосом он говорил „лаборатория“ и „колидор“, и никак не мог отделаться от оборотов, к которым привык с детства. Он обычно не замечал своих ошибок, а если замечал, то очень сердился на себя. Несмотря на эти дефекты речи, именно ему было поручено произнести речь в 1918 году над могилой Плеханова. Ефрем Соломонович был членом ЦК нашей партии. Считанные месяцы провел он на воле после Октябрьской революции. Тюрьма сменялась ссылкой, ссылка — тюрьмой. Ему уже шел седьмой десяток, а он был живой, жизнерадостный. Он недолго любил социал-демократов. Очень резко относился к левым эсерам. Но в тюрьме он не признавал никакой тюремной политики, внутрикамерных склок, полемики. В тюрьме он любил играть в домино и в козла. Во время игры увлекался, сердился, и так заразительно смеялся, как никто другой. О теоретических вопросах сегодняшнего дня Берг не любил говорить. Он разрешал их в себе и только для себя. Нам с Шурой казалось, что Ефрем Соломонович остро чувствует свою ответственность, как бывший цекист, боится своего авторитета в партийных делах. Будучи давно и длительно оторван от жизни, он не решался принимать определенные решения»²¹⁷. В 1934 г. Берг был приговорен к ссылке в Мары (Мерв) Узбекской ССР на 3 года.

19 февраля 1936 г. он просил Пешкову о помощи одному из своих товарищей, бедствующего вместе с семьей, т. к. «сделать ничего не могу, так как сам я и Подбельский, живущий со мной безработны»²¹⁸. О себе Берг сообщал следующее: «Обиваю пороги в поисках работы, но без надежды ее получить, так как повсюду идут сокращения. Нужды в питании благодаря Вам пока не терплю. Есть нужда в передних зубных протезах

(совсем те отваливаются), но это до лучших дней, кое-как жую и ладно. Здоровье в общем удовлетворительно. А о самочувствии лучше не говорить»²¹⁹.

13 мая он вновь писал Пешковой, сообщая о том, что высланная ею вещевая посылка где-то затерялась: «Спасибо Вам, большое спасибо, о доброй памяти и готовности помочь мне. Дорого знать, что есть люди, которые тебя расценивают по-хорошему, по-доброму. О своей жизни к тому, что Вам уже известно ничего прибавить не могу. Здоров вполне, но что толку в этом, некуда силы приложить, работы нет, иногда даже является мысль хоть бы свалиться хорошенько, чтобы не чувствовать тяжесть безработицы. Было бы оправдание безделью. А то гнетет это ужасно. Кроме материального и морального состояние хуже некуда»²²⁰. 23 сентября 1936 г. Берг снова писал Пешковой: «На этот раз обращаюсь к Вам с личной просьбой. И никак к руководителю Помполита, а как к товарищу более опытному и с большим кругозором в интересующей меня области. Дело в том, что я получил еще три года Ташкента (с 5/IX). Жить же здесь благодаря невозможности получить работу еще три года, жутко-тяжело. Уже и проведенных два года сильно сказались на нервной системе. Необеспеченность «завтрашнего дня» и необходимость строго учитывать каждую копейку заставляет урезывать питание, что, конечно, отражается и на физическом состоянии и здоровье. Да и годы не малы. Через два месяца 61 год стукнет. Хотелось бы остаток лет прожить спокойно в смысле обеспеченности работой, а это в Ташкенте для меня невозможно. К моему несчастью, те должности, какие я бы мог занимать (управдел, секретарь, кассир, кладовщик и т. п.), замещаются националами. Отказ от работы двоякий: или узбекский язык, или политическая физиономия. Единственный выход — выбраться в Россию, где, надеюсь, можно будет скорей устроиться. Да быть поближе к детям хотелось бы <...>»²²¹.

Но мечты его о спокойно прожитом остатке лет не сбылись и Берг вовсе не умер естественной смертью в ссылке, как слышала об этом позже Олицкая²²², а был 26 сентября 1937 г. приговорен к ВМН и 9 октября 1937 г. расстрелян²²³.

15 мая 2001 г. помощником Генерального прокурора РФ Н. С. Власенко было утверждено заключение, подготовленное прокурором отдела реабилитации И. О. Ковалевской и исп. А. Г. Абрамовым, гласившее: «Берг был признан в том, что состоял членом различных руководящих органов партии эсеров (правых) и выполнял директивы своего ЦК. Фактически материалами дела установлено, что будучи несогласным с действиями большевистской партии, совершившей разгон Учредительного собрания и, по мнению Берга, опирающейся на не большинство населения России, вместе с другими представителями меньшевистских партий создал собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда, легальное, но противопоставившее себя Петроградскому Совету. На собраниях выдвигались политические требования свободы печати, собраний и другие, соответствующие лозунгам эсеров. Когда же по решению Петросовета собрание было распушено, он попытался такое же организовать в Москве как всероссийское. Никакой подпольной работы не вел, а занимался антибольшевистской агитацией, которая в соответствии со ст. 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» не содержит состава преступления. Поэтому осуждение Берга в настоящее время следует считать необоснованным. На Берга Ефрема Соломоновича распространяется действие ст. 3 и 5 Закона Российской Федерации „О реабилитации жертв политических репрессий“ <...>»²²⁴.

«Тринадцатый смертник» процесса с.-р., получивший свой приговор почти через год после окончания процесса, **Владимир Николаевич Рихтер** за почти девять своих тюремных лет при советской власти побывал во многих из тех тюрем, где в 20-е годы держали политзаключенных (или, как предпочитала называть их сама власть — политизоляторов): во Внутренней тюрьме ГПУ, затем в Суздальском политизоляторе (превращенном в тюрьму для политических знаменитом Суздальском монастыре), позднее — в Челябинском, Тобольском и Верхнеуральском политизоляторах.

Из Верхнеуральского политизолятора в июне 1929 г. Рихтер был отправлен в ссылку в Алма-Ату, где в июне 1930 г. было решено перевести его в ссылку в Южный Казахстан в г. Каркаралинск. 7 июня 1930 г. он писал из Семпалатинска жене: «До тебя, быть может, дошла моя открытка, в которой я тебе сообщал, что совершенно неожиданно для меня мне среди прочих пересыльных было предложено вместо этапного продвижения в Каркаралинск (т. е. через Ташкент, Самара, Челябинск, Новосибирск, Семпалатинск и т. п. 5–6 месячного шествия) отправка туда на свой счет. Я, учтя-то, как вытрепался за эти два месяца, действительно несколько расстроивших мою физическую систему, согласился. В начале я думал, что нас, как и было сказано, продержат в алмаатинской тюрьме до получения денег и даже дал тебе и Ек.Павл. (Е. П. Пешковой — К. М.) телеграмму (тебе кроме того еще открытку, рассчитывая, что она придет раньше телеграммы), но что-то изменилось. Нас вдруг выпустили из тюрьмы, а ГПУ назначило срок явки в Каркаралинске не позднее 20 июня. Когда я выходил за ворота тюрьмы, мне вручили мои неотправленные телеграммы (тебе и Ек. П.). В городе удалось разыскать своих и с этого момента у меня были прямо насильственным путем отняты всякие думы и заботы о себе, о распределении времени, о ближайшем маршруте и т. д. Пять дней меня развлекали, убажали, откармливали, как индюка к празднику, наконец, снабдив средствами и всякими снадобьями «вставили» в вагон новой дороги, по которой я и прибыл в Семпалатинск, очутившись в таком же самом положении до момента дальнейшей отправки»²²⁵.

Приезд жены с детьми в Каркаралинск, куда даже сама поездка-то через степь была уже настоящим подвигом, лучше всего характеризует отношение В. В. Суворовой к Рихтеру. Последние месяцы жизни Рихтера, умершего в ноябре 1932 г. от тифа, были согреты любящей его семьей.

Ярко рисует Рихтера история, рассказанная его младшей дочерью и произошедшая весной 1931 г. в Каркаралинске, когда работавшего счетоводом в конторе по снабжению хлебом населения Рихтера арестовали за «вредительство», якобы повлекшее за собой голод в Казахстане (правда, пробыл он на этот раз в тюрьме недолго). Пока Рихтер сидел в тюрьме, жена бегала по всему городу в поисках продуктов для арестованного мужа (в тюрьме был такой голод, что из нее бежали даже уголовники) и детей. И вот однажды утром она обнаружила на крыльце бутылку молока, которую, не раздумывая отнесла в тюрьму. Так продолжалось все время, пока Рихтер сидел в тюрьме. Выйдя на свободу, он «заялся следствием и методом исключения (не так-то много уж было в городе коров!) пришел к выводу, что это дело рук ссыльного священника отца Александра». Призванная к ответу хозяйка домика, в котором снимали жилье Рихтеры, призналась, что молоко, действительно, приносила родственница отца Александра. Несмотря на то, что он «не входил в круг политических ссыльных, который состоял в основном из

«иноверцев»: евреев и атеистов», Рихтер с женой нанесли ему благодарственный визит, а впоследствии, — вспоминала В. В. Рихтер, — «отец Александр уже бывал у нас вместе со всеми другими ссыльными каждую субботу, был постоянным участником наших воскресных прогулок, а мы с папой и мамой бывали у них в гостях на каждый большой православный праздник»²²⁶.

Как и многие его товарищи, после стольких лет сидения в тюрьме и скитания по ссылкам, вполне предугадывая свою судьбу, Рихтер нередко задавался вопросами: а не напрасны ли их жертвы, не зря ли они загубили свои жизни? В стихотворении «Журавли», написанном в 1925 г., несмотря на рвущуюся за журавлями на свободу душу, жизненный выбор арестанта-«политика» сделан окончательно:

Не устремимся мы за вами,
Искать весеннюю страну:
Мы предпочтем погибнуть в яме,
Но будем дерзкими словами
Зимою требовать весну!

Последняя автобиография, написанная им в Каркаралинске, была озаглавлена: «Автобиография Рихтера Владимира, сына Вольного Штурмана» и кончалась следующими словами: «При царском режиме трижды арестовывался, трижды ссылался и дважды был в эмиграции. При коммунистическом трижды арестовывался, восемь с половиной лет отбыл в политизоляторах и теперь нахожусь в ссылке. Член Партии Социалистов-Революционеров».

Характерно, что Рихтер подписался не «социалист-революционер», как это нередко делали, скажем, в 1911–1916 гг., когда для всех было ясно, что организационно ПСР в России не существует, и называть себя членом того, чего нет, считалось странным (выход находили или в такой формулировке или называя себя, скажем, членом «студенческой фракции с.-р.» такого-то института или членом «коллектива с.-р.» и т. п.). Подпись Рихтера явно демонстративна, и демонстрирует он ею свое несогласие с тем, что партии эсеров нет, ведь для него лично она существует, разве только существует она не как партийный организм, а как социум людей, считающих себя членами этой партии, не отказавшихся от нее несмотря на давление и угрозу гибели, и ждущих подходящего момента для возвращения к активной политической деятельности и восстановления своей партии. Заключительная строка автобиографии рельефно рисует В. Н. Рихтера как ярчайшего представителя социума, многие представители которого не перестали считать себя членами своих уничтоженных партий, вне зависимости от того, называли ли они себя членами партии или говорили о сохранении своего прежнего мировоззрения.

Говоря о судьбах осужденных по процессу с.-р. 1922 г., нельзя не вспомнить о тех, кто добровольно хотел разделить их участь, но не был выведен на процесс — так называемых солидарниках. Весной-летом 1922 г. когда ряд заключенных эсеров написал коллективные и индивидуальные заявления с выражение солидарности с подсудимыми и с требованием к власти посадить их на одну скамью с ними, власти отказали им, но позже все-таки решили проучить их, попытавшись создать процесс 22-х «солидарников». Свет на эту историю проливают документы из дела «по обвинению члена ЦК ПСР Цетлина М. С. и других членов в количестве 22-х человек в преступлениях по ст. 57 и 60 УК», использованные в справке его сына Б. М. Цетлина, хранящейся в архиве Мемориала²²⁷.

22 заключенных эсера подписали заявление из Ярославской тюрьмы от 11 мая 1922 г. (11 человек) и заявление из Нижегородской тюрьмы от 17 августа 1922 г., в котором были такие строки: «Считаем себя морально и политически ответственными за деяния партии на всем протяжении ее борьбы <...> Мы требуем применения приговора к нам. Будьте последовательны в ваших действиях и имейте мужество открыто стать на чудовищный путь физического уничтожения ненавистной вам партии, идейно победить которую вам не дано». Власти, не имея никаких формальных юридических оснований для реакции на заявление М. С. Цетлина, А. П. Гельфота, А. А. Иванецкого-Василенко, В. П. Шестакова, С. А. Николаева (Кудрявцева), Г. А. Белима-Пастернакова, С. И. Гнедова, Н. А. Бауэр, Ю. Н. Подбельского, Я. И. Штерина, И. М. Семенова, Л. И. Невлера, Е. К. Полетики, Т. М. Шестаковой, В. Н. Филипповского, Яковлева, Юдичева, М. Л. Свирской, Габриэльс (Глебовой), Мерхалева, Николаевского, Тавровского (Смоленского), тем не менее решили принять вызов. 1 декабря 1922 г. следователь Верховного трибунала Ю. Карлсон принял постановление о начале следствия — «<...> поскольку вышеозначенные граждане <...> признают себя виновными <...> и ответственными за деятельность ПСР» и о приобщении копии приговора процесса с.-р. 1922 г. к данному делу²²⁸. Следствие длилось всего 11 дней и было закончено 11 декабря 1922 г. решением о привлечении к суду Верховного трибунала 19 человек (Невлер бежал в августе 1922 г., а дела Штерина и Семенова переданы в Бакинский Верховный трибунал по делу о поджоге нефтепромыслов). Далее дело было направлено для рассмотрения на заседание Судебной коллегии Верхтриба в составе — председатель Г. Л. Пятаков, члены — Н. М. Немцов, Озол, которое состоялось 20 декабря 1922 г. Было решено: обвинительное заключение утвердить, дело слушать без защиты и обвинения, в просьбе 19 подсудимых выдать им стенограммы процесса — отказать. 25 декабря 1922 г. был изменен состав судебной коллегии (председатель — А. А. Галкин, члены Немцов, Чельшев), а 31 декабря — были вручены обвинительные заключения. Суд был назначен на 4 января 1923 г., но в последний момент власти, похоже, испугались возможного международного резонанса от нового эсеровского процесса и решили воспользоваться тем, что в отношении 19-ти обвиняемых еще в ноябре было принято решение комиссии НКВД по административным высылкам. Так, в отношении М. С. Цетлина вступило в силу такое решение, принятое по докладу В. Брауде еще 18 ноября 1922 г. («ЗаклЮчить Цетлина М. С. в Архангельские лагеря на 3 года»). Подобные приговоры получили большинство «солидарников»²²⁹.

Судьба **Михаила Соломоновича Цетлина** описана в подробной биографической справке (в ней обильно использованы материалы его следственных дел), составленной его сыном (от второй жены — Е. К. Полетики) — Б. М. Цетлиным²³⁰. На Соловках он находился с 1923-го по 1925 г. 19 декабря 1923 г. во время знаменитого расстрела возле Савватьевского «политскита» погибла его первая жена эсерка-«солидарница» Наталья Арнольдовна Бауэр (погибли также Г. А. Белима-Пастернаков, М. М. Горелик, Г. Т. Кочаровский, Е. И. Котова (жена Кочаровского), В. И. Попов)²³¹, проходившая вместе с М. С. Цетлиным по одному делу. После вывоза социалистов с Соловков Цетлин находился в Тобольском политизоляторе, а с 1926 по 1928 г. — в селе Усть-Цильма Архангельской губернии, где у него в декабре 1927 г. родился сын Борис. Затем Цетлин был переведен в Вятку, где находился до 1931 г., вплоть до своего ареста. В следственном деле имеется запись его высказываний этого времени:

«Политика большевиков ведет страну к экономическому краху, голоду, нищете и морально — политическому угнетению населения»; «Большевики захватили власть, связали народ так, что он теперь дегенерирует»; «В колхозах работают лентяи, не умеющие и не желающие строить хозяйство»; «У нас кулака нет, а есть крестьянин, который умеет работать». В обвинительном заключении констатировалось: «...изобличается, что вел борьбу против Советской власти»²³².

Его сын вспоминает о жизни в Вятке: «Михаил Соломонович давал частные уроки, которые являлись основным источником существования (4 иждивенца). Вероятно, вторым источником был заработок дяди Семена (С. С. Цетлин), который и в Вятке, и в Томске жил в нашей семье или поблизости. В августе 1931 г. Михаил Соломонович арестован и этапирован в ссылку в Томск, куда и переехала семья весной 1932 г.»²³³. Е. П. Пешкова сообщала 16 июня 1932 г. Цетлину: «<...> согласно полученной справке, Вам вместо 5-ти лет к/лагеря, замененного ссылкой в Биробиджан, разрешено свободное проживание по СССР»²³⁴.

Б. М. Цетлин вспоминает: «Мама тяжело болела туберкулезом. В надежде, что здоровью поможет сухой климат Минусинска, переехали туда весной 1933 г. Мама умерла 2 декабря 1934 г. Возвратились в Томск в 1935 г. (папа, бабушка, Миша и я). До Минусинска Михаил Соломонович работал лаборантом в Томской пищевой лаборатории, а после возвращения в Томск — преподавателем математики в школе руководящих кадров «Заготзерно». <...> М. С. арестован последний раз 18 января 1937 г. в Томске и сразу же отправлен в Новосибирск. Одновременно арестовали и дядю Семена. Постановлением тройки УНКВД от 18 августа Михаил Соломонович приговорен к расстрелу. Расстрелян 24 августа 1937 г. в Новосибирске»²³⁵. Показательно, что на допросе 7 марта 1937 г. Цетлин заявил: «В предъявленном обвинении виновным себя не признаю, в организации к/р не состоял и о наличии такой мне неизвестно. <...> Считаю необходимым указать что: 1) я считаю себя социалистом и 2) общие тактические установки мои близки к позиции II Интернационала как в вопросах программы, так и тактике осуществления социализма»²³⁶.

Всеволод Петрович Шестаков — свидетель защиты на процессе — был постановлением комиссии НКВД по административным высылкам от 23 февраля 1923 г. по ст. 60 УК РСФСР приговорен к заключению «в концлагерь на три года» и был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. На Соловки он приехал уже вместе с женой (Т. М. Шестакова, урожд. Придонова, по 1-му браку — Ланде), в которую влюбился в Бутырской тюрьме, когда она еще была женой эсера М. С. Ланде. Эсерка Б. А. Бабина, сидевшая вместе с ними в Бутырьках, вспоминала об этом так: «Была и возможность влюбляться, сходиться и расходиться. Помню, когда из Бутырской тюрьмы увозили эсеров, одна молодая женщина заявила, что она желает последовать за Всеволодом Шестаковым, так как считает себя его женой»²³⁷. По свидетельству Е. Олицкой, чекисты позже использовали эту коллизию: «Для утяжеления судьбы заключенных ГПУ всегда использовало их личные переживания. Например, зная, что Таня Ланде разошлась со своим мужем Моисеем и полюбила Шестакова, ГПУ направляло их троих в одни и те же места заключения. Напротив, оно разлучало мужей и жен, даже в ссылках»²³⁸. На Соловках, будучи помещены в Саватьевский скит, где содержались политзаключенные, они вскоре, борясь за политрежим, приняли участие в общей голодовке. Голодовка была благополучно завершена на 15-й день, но вскоре (16 июня 1923 г.) Шестаковы были вывезены с Соловков. В 1925 г. В. П. Шестаков был

переведен в Тобольский политизолятор. Постановлением Особого Совещания при коллегии ОГПУ от 29 января 1926 г. «по отбытии срока был выслан в Зырянский край сроком на три года». Ссылку отбывал в г. Усть-Сысольск Зырянского края (ныне г. Сыктывкар Коми АССР). 20 ноября 1927 г. у Шестаковых родилась дочь Татьяна (зарегистрирована отцом в загсе под именем Титания, так как отличалась слабым здоровьем и это имя, по мнению отца, должно было ей помочь в противостоянии болезням).

2 февраля 1929 г. Е. П. Пешкова сообщала В. П. Шестакову: «...Вам постановлением Особого Совещания от 18/1-29 г. запрещено проживание в 6 пунктах: Ив. Вознесенске, Н. Новгороде, Туле, Твери, Ярославле и Владимире с прикр. на 3 г. Такое же постановление и Вашей жене Шестаковой-Ланде Т. М.»²³⁹. 15 февраля 1929 г. Шестаков отвечал ей: «Сегодня мне объявлено постановление (минус 12 городов с губернской и пограничной полосами)... Т. М. шлет Вам привет. Большое спасибо за хлопоты, которые мы Вам доставили за эти годы немало»²⁴⁰. Шестаковы выбрали г. Воронеж, где в это время жили две сестры его жены, но вскоре Шестаков и его дочь опасно заболели. В апреле 1930 г. М. А. Веденяпин писал Пешковой: «Не знаю, поправился ли Шестаков в Воронеже — у него было что-то вроде заражения крови»²⁴¹. Пешкова телеграфировала в Воронеж эсеру И. Ю. Примаку: «Сообщите здоровье Шестакова Всеволода»²⁴². По воспоминаниям дочери, Шестаков был приговорен врачами к смерти и умирал в больнице, но необходимость спасти дочь заставила его превозмочь болезнь: «Когда мы жили в Воронеже, отец заболел. Он давно болел синуситом. <...> Но ему это лечение не помогло, и он лежал в больнице и умирал. Умирал. А я в это время заразилась септической скарлатиной. Тогда были эпидемии детской септической скарлатины, и я умирала в одной больнице (мама со мной была), а он умирал в другой. И мама посетить его не могла, потому что ее не выпустили доктора. Она говорит, что меня уже положили в палату смертников, я уже была синяя вся и умирала <...> там все дети умирали, как мухи. Никого не могли спасти. Тогда не было пеницилина.

Мама, поскольку она была медик, знала, что кровь матерей, перенесших корь, переливают заболевшему ребенку, передавая ему ее иммунитет к болезни. Ну, ей по аналогии и пришла в голову мысль, что так как она тогда легко переболела скарлатиной вслед за мной, попробовать перелить свою кровь мне. После первого же раза у меня сразу упала температура с 40 до нормальной, потом второй перелив, потом третий перелив, и кое-как я выкарабкалась. А отец умирал в другой больнице. Мама как-то передала ему — „Но она просит есть. Ест, ест, ест“. А с едой было плохо. И он тогда решил, что он должен встать, пойти на базар, купить курицу и принести мне. А он вообще умирал, не вставал вообще. Ну, и когда он врачу сказал, врач махнул рукой: делай, что хочешь. И он встал и пошел. И мама говорила, что он шел — два шага и потом сядет. Два шага и сядет. Так вот он и шел. Купил эту курицу и принес мне в больницу. Мама когда увидела его, испугалась — мертвец какой-то. Но это его спасло. Потому что он стал каждый день ходить, каждый день носил мне еду. И меня он спас, и сам спасся»²⁴³.

Шестаковы продолжали жить в Воронеже, где в начале 30-х годов сложилась небольшая колония ссыльных эсеров (Ю. Н. Подбельский, С. Я. Гендельман, Кулябко-Корецкая и др.). Шестаков работал экономистом на молочном заводе. 22 июля 1935 г. он был арестован. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 15 октября 1935 г. по

ст. 58-01 и 58-11 УК РСФСР был сослан «в Оренбург сроком на 5 лет», работал там экономистом, но вновь был арестован 9 февраля 1937 г. и этапирован для следствия в Воронеж (туда же этапировали и других членов колонии политссыльных начала 30-х гг.).

Из тюрьмы он попытался передать записку сестре, перехваченную чекистами, в которой писал: «Дорогая Наташа, с 16 апреля голодаю против вымогательства ложных показаний путем истязания, лишения сна, руганью. С 27-го в больнице. <...> Предстоит Военный Трибунал, гарантируют расстрел. „Дело“ создано на какой-то грандиозной провокации».

6 июля в записке к «О» (из текста видно, что «посыльный» Шестаков говорил ему, что он несколько раз не заставал Наташу дома, хотя записки сразу оседали в следственном деле) он писал о своей голодовке и о своем настроении: «Сегодня с обеда пойдут 19 суток. Проживу еще дней 10. Готов ко всему, бодр и спокоен. Так надо. Не забывайте дочь»²⁴⁴. Но умереть Шестакову не дали — он был нужен для процесса. Из справки в деле Шестакова видно, что из упоминавшихся в обвинительном заключении по создаваемому эсеровскому делу, кроме него были арестованы А. Р. Гоц, Е. М. Тимофеев, М. А. Веденяпин, Ю. Н. Подбельский, М. Я. Гендельман и еще 14 человек. 12 января 1938 г. в Воронеже состоялось слушание закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда Союза ССР под председательством Корпусного военюриста Матулевича, членов бригадных военюристов Стельмаковича и Ждана и секретаря военного юриста 1 ранга Костюшко, рассмотревших обвинение Шестакова по ст.ст. 19-58-2, 58-8 и 58-11. В протоколе слушания было записано, «что свидетели по делу не вызывались», что подсудимый «никаких ходатайств, а также отвода составу суда не заявлял» и что на вопрос «признает ли он себя виновным, подсудимый ответил, что виновным себя не признает»²⁴⁵. 15 января 1938 г. В. П. Шестаков был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. 3 июля 1991 г. он был реабилитирован²⁴⁶.

Его жена — **Татьяна Михайловна Шестакова**, также была «солидарницей», получившей 3 года концлагеря (она шла по одному делу с Е. К. Полетикой — второй женой М. С. Цетлина). Через череду лагерей и тюрем, сопровождавших большую часть ее жизни, она сохранила идеалы молодости. Хотя, как и Д. Д. Донской сыну, она не навязывала своих взглядов своей дочери и не вела с ней, комсомолкой, политических разговоров, опасаясь за ее судьбу, она все же обращалась к дочери с просьбой записать все, что она еще помнит о своей и мужа эсеровской деятельности, о Соловках. Когда Т. М. Шестакову изредка расспрашивали о том, чего хотели эсеры, она волновалась и говорила — мы хотели для людей того же, что и большевики, но другими методами. Умерла она в Москве в 1988 г.²⁴⁷

Юрий Николаевич Подбельский (старший брат известного большевика), член ЦК ПСР, свидетель защиты и «солидарник», находился в марте-апреле 1922 г. во Внутренней тюрьме ГПУ, а затем был отправлен в Ярославскую тюрьму. Как уже отмечалось выше, он должен был быть выведен на процесс эсеров-«солидарников» 4 января 1923 г., который был отменен властями, продолжал находиться в тюрьме и только 23 ноября 1923 г. был приговорен к 5 годам лишения свободы. В феврале 1923 г., оставшись без пенснэ и мучаясь от близорукости Подбельский обращался за помощью к Е. П. Пешковой²⁴⁸. В 1925–1926 гг. Подбельский находился в Челябинском, затем в Свердловском политизоляторах. 18 апреля 1926 г. он писал Пешковой, прося о выделении средств «из сумм Красного Креста» для

«своей жены Б. Я. Бродовой»: «Мы исчерпали все ресурсы, как свои, так и наших родных. За 3¹/₂ месяца пребывания в пересыльной камере Свердловского изолятора мы истратили на продовольствие все, что имели, и теперь сидим без денег, вынужденные удовлетворяться скудным уголовным пайком (без сахара, без чая и тем более без сухарей). Повторяю, только крайняя необходимость вынуждает меня писать то, что Вы прочтете в этой открытке <...>»²⁴⁹. Пешкова сделала на письме пометку: «Послать обоим по десять руб»²⁵⁰. 8 февраля 1929 г. она отвечала на запрос Подбельского, что ему «постановлением Ос. Сов. от 18 /I — 29 г. запрещено проживание в Москве, Ленинграде, на Северном Кавказе, Украине, в Центрально-черноземной области с прикреплением на 3 г. Вашей жене Бродовой-Мирской Б. Я. постановлением от 27/IV-28 г. запрещено проживание в 6 пунктах: в Ивано-Вознесенске, в Н. Новгороде, Туле, Твери, Ярославле 3 г. с прикреплением»²⁵¹.

В начале 30-х гг. Подбельский жил в ссылке в Воронеже, в 1935–1936 гг. — в Ташкенте. 3 января 1936 г. Е. С. Берг просил Е. П. Пешкову: «снабдить необходимым не только меня, но и моего сожителя Ю. Н. Подбельского. Он пожалуй нуждается больше, чем я. Нужда у нас обоих в следующем: что-нибудь теплое в виде ватных курток или свитера. У обоих нет брюк и обуви. Мой номер обуви 42, Подбельского 40. Теплых носков и носовых платков. Подбельский нуждается очень в белье, у меня есть достаточно. Оба мы без постоянной работы и пробаваемся временным заработком, но сейчас благодаря полученному от Вас солидному подношению, нужды в питании не испытываем»²⁵². Месяц спустя, обращаясь к Пешковой с просьбой о помощи одному из «семейных» товарищей Берг подчеркивал, что сам сделать ничего не может, так как и он и Подбельский сидят без работы²⁵³.

Из докладной записки Н. Ежова Сталину в конце января 1937 г. видно, что на момент ареста в феврале 1937 г. Ю. Н. Подбельский «отбывает ссылку в Ташкенте»²⁵⁴.

В феврале 1937 г. Ю. Н. Подбельский был арестован и вместе с другими видными деятелями ПСР обвинен в создании эсеровского подполья. Мы не располагаем сведениями, где и когда его судили, но строки о нем в обвинительном заключении его товарища В. П. Шестакова никаких сомнений в судьбе Ю. Н. Подбельского не оставляют: «Органами ГУГБ НКВД СССР вскрыта всесоюзная эсеровская террористическая организация, руководимая нелегальным ЦБ ПСР, в которой входили Гоц, Веденяпин, Тимофеев, Гендельман и Подбельский. В 1934 г. Подбельский Ю. Н., по поручению этого центра, вместе с членом ЦК ПСР Шестаковым В. П. создали в г. Воронеже эсеровскую нелегальную организацию...

В связи с тем, что следствием по делу Бюро ПСР установлены были новые обстоятельства... Подбельский и Шестаков были снова подвергнуты аресту и привлечены к ответственности»²⁵⁵.

Закончить рассказ о судьбах подсудимых I-й группы и свидетелей защиты (к сожалению, нет возможности рассказать о судьбах всех свидетелей и «солидарников») хотелось бы словами Е. Д. Олицкой, которая, попав в 1924 г. в знаменитый Савватьевский «политскит» на Соловках восклицала: «Никогда раньше и никогда позже не встречала я такого богатого людьми коллектива. Коллектива, стоявшего на столь высоком моральном и духовном уровне. Часто мне приходилось слышать от товарищей, что савватьевский коллектив беден силами, и назывались имена Рихтера, Гоца, Веденяпина, Агапова и других, разбросанных по разным

тюрьмам и ссылкам. Я верила. Недаром же эти люди были выдвинуты в свое время в ЦК партии. Но те, кого я знала воочию, вызывали во мне преклонение. С кем бы из старых товарищей я ни заговорила, я чувствовала, какую глубокую веру, какую продуманную, прочувствованную, убежденную мысль несут они в себе. До сих пор я счастлива, что встретила с такими людьми, укрепившими во мне веру в человека. <...> Ничто я не могу сравнить с впечатлением, которое производило на меня хоровое пение ими (членами эсеровской фракции Савватьевского скита. — К. М.) революционных песен.

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в Соловки нас ссылают
Пусть мы все кары пройдем.

Если ж погибнуть придется
В тюрьмах или шахтах сырых,
Дело всегда отзовется
На поколеньях живых...

Сейчас, когда я пишу эти строки, я знаю — они прошли весь этот путь и погибли. Погибли во имя своих идеалов, во имя счастья и блага людей. ...Погибали в лагерях без права на переписку, погибали под пулями расстреливавших их палачей. „Вы жертвою пали в борьбе роковой, любви беззаветной к народу...“ „Не плачьте над трупами бывших борцов...“ Я и не плачу»²⁵⁶.

Выше уже заходила речь о судьбах ряда подсудимых 2-й группы и свидетелей обвинения. Хотя после завершения процесса их ждал банкет в Кремле²⁵⁷, и несмотря на то, что часть из них, подобно Г. И. Семенову и Ф. Е. Ставской, сделали неплохую карьеру, спокойно они в подавляющем большинстве своем жили только до середины 30-х гг. Как нами выше уже отмечалось, немалая их часть была выведена на процесс Н. И. Бухарина, с которым, связали воедино террористические покушения группы Семенова на большевистских лидеров в 1918 г.²⁵⁸. Другие погибли чуть позже, включая видного советского дипломата И. Майского. Погибли от репрессий и люди, так много сделавшие для организации процесса — Л. Б. Каменев, Г. Л. Пятаков, Н. В. Крыленко, был убит Л. Д. Троцкий...

В «Заключении об отказе в реабилитации по материалам уголовного дела арх. № Н-1789, н/п 13 /48-97», подготовленном прокурором отдела реабилитации И. О. Ковалевской и утвержденном 13 июня 2001 г. и.о. пом. генпрокурора РФ Т. М. Бобылевой, в реабилитации было отказано Г. И. Семенову, Л. В. Коноплеву, Е. А. Ивановой-Ирановой (подсудимой 1-й группы), К. А. Усову, Ф. Ф. Федорову-Козлову, Ф. В. Зубкову, П. Н. Пелевину. Они были «признаны виновными в том, что участвовали в боевой группе партии эсеров, совершившей террористические акты против вождей пролетарской революции, вооруженные нападения и ограбления в пользу партии эсеров, причем руководителем группы был Семенов. <...> Показаниями осужденных, свидетелей, другими материалами дела доказано, что боевая группа, организованная и возглавлявшаяся Семеновым, была создана с согласия членов ЦК Гоца, Донского. О ее деятельности и задачах знал и член ЦК Тимофеев, по указанию которого группа, будучи в Москве, готовилась совершить вооруженное нападение на охрану с целью освобождения Гоца, арестованного в то время советскими органами. Нападение не было совершено только потому, что Гоцу самому удалось совершить побег. Установлено, что 20 июня 1918 года

член группы Сергеев совершил в Петрограде убийство одного из руководящих работников партии большевиков Володарского. Убийство организовывалось Семеновым с согласия члена ЦК партии эсеров Гоца.

Все осужденные члены группы, кроме Пелевина, участвовали в подготовке террористических актов на Ленина и Троцкого, при этом в группу членом ЦК партии эсеров была направлена Ф. Каплан, как лицо, ставившая себе задачу убийство Ленина. <...> Группа с участием Семенова, Усова совершила экспроприацию <...> Таким образом, вина Семенова, Коноплевой, Ивановой-Ирановой, Усова, Федорова-Крзлова, Зубкова в предъявленных им преступлениях в достаточной степени доказана с некоторыми изменениями. <...> Исходя из изложенного следует признать, что и вина Пелевина и Ивановой-Ирановой доказана только по эпизоду подготовки теракта на Троцкого <...> На основании изложенного, руководствуясь ст. 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», в реабилитации Семенова Григория Ивановича, Коноплевой Лидии Васильевны, Ивановой-Ирановой Елены Александровны, Усова Константина Андреевича, Федорова-Козлова Филиппа Федоровича, Зубкова Федора Васильевича и Пелевина Павла Николаевича отказать»²⁵⁹.

Но в то же время П. Т. Ефимов и Ф. Е. Ставская были реабилитированы. В заключении о реабилитации П. Т. Ефимова, подготовленном прокурором отдела реабилитации И. О. Ковалевской и утвержденном 31 мая 2001 г. пом. Генпрокурора РФ Н. С. Власенко, констатировалось: «Осуждение Ефимова нельзя признать обоснованным, так как материалами дела не подтверждено, что он состоял членом группы, возглавлявшейся Семеновым, когда она совершала террористические акты, нападения и ограбления. Нет в деле данных и о том, что Ефимов укрывал или пособничал членам группы, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 76 и 68 УК РСФСР. Показаниями осужденного, Коноплевой, другими материалами дела установлено, что в марте 1918 года, еще до образования боевой группы, Коноплева высказала некоторым руководителям партии эсеров желание совершить теракт в отношении Ленина <...> Для выполнения этого намерения ей в помощь был выделен Ефимов, с которым она выехала в Москву <...> Так как никакой подготовительной работы для совершения теракта проведено в Москве не было и Коноплева с Ефимовым также ее провести не смогли, они отказались от выполнения своего намерения и вернулись в Петроград. Эти действия Ефимова квалифицированы по ст. 64 УК РСФСР. Полагаю, что в данном случае имелся добровольный отказ от совершения преступления. А так как при этом Ефимовым никаких уголовно наказуемых деяний совершено не было, то по этому эпизоду его осуждение следует признать необоснованным. На ЕФИМОВА Петра Тимофеевича распространяется действие ст. 3 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.»²⁶⁰.

В заключении о реабилитации Ф. Е. Ставской, утвержденной десяти днями раньше, говорилось: «Как установлено материалами дела, к моменту, когда Ставская вошла в так называемую эсеровскую боевую группу, эта группа почти распалась. Ставская реально участвовала только в собрании по поводу памяти Каплан. Как она сама показала, и это ничем не опровергнуто, что к этому времени она уже разочаровалась в политике правых эсеров, поняла ее вредность для дела революции. При таких обстоятельствах осуждение Ставской не может быть признано обоснованным»²⁶¹.

В заключении о реабилитации В. К. Дзеруля, А. Б. Ельшевича, Н. И. Городского, С. Е. Кононова, В. И. Паевского, дело в отношении которых «постановлением РЗ Судебной коллегии ВТ при ВЦИКе Советов от 20 мая 1922 г. прекращено по амнистии от 27.02.1919 года» говорилось: «Как усматривается из материалов дела, Дзеруль, Ельшевич, Городской, состоя в партии эсеров (правых), с момента октябрьского переворота ведущей борьбу с партией большевиков и советской властью, сами в этой борьбе участия не принимали, хотя и знали о существовании при ЦК партии военной комиссии, образованной для организации вооруженной борьбы с большевистской властью, и проводимой в некоторых воинских частях Петрограда агитации в поддержку Учредительного собрания еще до его разгона. Паевский и Кононов, будучи членами партии эсеров (правых), участвовали в создании в Петрограде в 1917 г. после октябрьского переворота боевых дружин партии эсеров, но активной роли в борьбе с большевиками и властью Советов не играли <...> Полагаю, что уголовное дело в отношении Дзеруля, Ельшевича, Городского, Кононова и Паевского подлежит прекращению не по „амнистии“, т.е по нереабилитирующим основаниям, а по закону РФ „О реабилитации жертв политических репрессий“»²⁶².

Кроме того весной 2001 г. Генпрокуратурой РФ был реабилитирован целый ряд людей, в том или ином качестве привлекавшихся или к предварительному следствию или непосредственно участвовавших в процессе (В. В. Гомберг, Г. П. Сотников, Н. В. Святицкий, А. И. Верховский, Д. С. Розенблом, В. А. Давыдова-Линская, М. А. Давыдов, С. Н. Келлер, В. А. Несмеянов, А. Ю. Фейт, Я. Т. Дедусенко, Н. Г. Снежко-Блоцкий, М. Я. Ракитин-Брун, А. А. Краковецкий, В. К. Рейснер, К. С. Буревой, В. К. Вольский, С. А. Бессонов). Так, например, уголовное дело в отношении Б. Г. Закгейма, М. М. Соколова, В. К. Белецкого, Л. В. Бергмана и Борисенко, было прекращено «постановлением распорядительного заседания Судебной коллегии Верховного трибунала при ВЦИКе Советов от 20 мая 1922 года по амнистии от 27.02.1919 года, объявленной ВЦИКом Советов в связи с отказом партии эсеров (правых) от вооруженной борьбы с Советской властью, то есть по нереабилитирующим обстоятельствам» в то время, как «указанные лица никакой активной работы против Советской власти не проводили, а **являлись по существу только очевидцами борьбы эсеров с большевиками за власть** (выделено нами — К. М.)» и «были привлечены к уголовной ответственности необоснованно и дело в отношении их подлежит прекращению по реабилитирующим основаниям»²⁶³.

* * *

Знакомство с заключениями Генеральной прокуратуры РФ о реабилитации и об отказе в ней целому ряду участников процесса с.-р. 1922 г. не может не породить множества недоуменных вопросов. Парадоксальность и порой абсурдность, как многих формулировок заключений, так и самой ситуации в целом достаточно очевидны.

Об этом справедливо писал бывший политзэк и правозащитник В. В. Иофе: «Осужденных советской властью по политическим мотивам легко реабилитируют, по возможности не входя в рассмотрение существа обвинения, из-за отмененной ныне статьи обвинения, <...> или по недостаточной доказанности факта покушения на устои советской власти. Так, при реабилитации участника Петроградской боевой организации

Н. С. Гумилева главным оказывается не вопрос о том, был ли он прав или не прав, борясь с коммунистическим режимом, а то, что его враждебность к советской власти оказалась неубедительно документирована»²⁶⁴.

Конечно, корни парадокса гнездятся в компромиссном характере закона о реабилитации жертв политических репрессий, принятого в 1991 г. Можно во многом согласиться с А. Ю. Даниэлем, пишущим: «В частности, бросается в глаза, что реабилитируя «жертвы политических репрессий», Закон делает это весьма и весьма избирательно. Например, он отказывает в «автоматической» реабилитации тем, кто боролся с Советской властью с оружием в руках.... Конечно, среди всех этих вооруженных людей попадались и бандиты, и мародеры, — но ведь речь идет об осуждении не за общеуголовное преступление, а за сам факт борьбы с Советской властью с оружием в руках.... Можно сколь угодно плохо относиться к индивидуальному террору как инструменту политической борьбы, но лично я не могу не уважать человека, который в 1948 году хотел убить Сталина. История не оставила этим людям (как и Штауффенбергу в Германии) простора для выбора средств. А вот Закон от 18 октября для этой категории осужденных никакой «автоматической» реабилитации не предусматривает.

...В итоге Закон о реабилитации утверждает, что применение любого вида **насилия** в борьбе против **преступного режима** является уголовно наказуемым деянием. Нелепость? Да. Противоречит естественному нравственному чувству? Да. Но иным Закон быть не мог: оставаясь верным идее сохранения идентичности власти, невозможно реабилитировать тех, кто пытался эту власть свергнуть насильственным путем»²⁶⁵.

Заключения Генпрокуратуры РФ о реабилитации и отказе в ней участников процесса с.-р. не просто подтверждают эту мысль, они ярко демонстрируют, какие абсурдные ситуации возникают при проведении реабилитации политических противников режима, боровшихся с ним всеми доступными для них средствами (речь идет вовсе не только о терроре). Обращает на себя внимание логика и язык заключений, идентичные логике и языку советской прокуратуры и органов ВЧК—МГБ. Так, например члена ЦК ПСР и члена архангельского правительства в 1918 г. М. А. Лихача не реабилитировали, фактически обвинив в измене родине и пособничестве антантовским оккупантам: «На полученные от иностранных антисоветских миссий деньги, переданные ему Игнатьевым, выехал для организации антисоветского восстания в Вологду, откуда, ожидая антантовский десант, перебрался в Архангельск, войдя в состав антисоветского правительства «Северной области», опирающегося на антантовские военные силы, по существу оккупировавшие эту территорию, т. е. фактически перешел на сторону врага, ведущего войну с Советской Россией»²⁶⁶. С другой стороны, Д. Ф. Ракова реабилитировали, подчеркнув, что он свергал «антисоветский, антинародный режим Колчака»²⁶⁷.

А вот строки заключения о реабилитации Г. Л. Горькова: «...Горьков-Добролюбов осужден только за то, что являлся членом партии эсеров (правых), что нельзя признать достаточно правильным, так как **причастность к партии не может рассматриваться как уголовное преступление, если не установлено, что конкретный ее член занимался антисоветской деятельностью** (выделено нами — К. М.)»²⁶⁸. Здесь четко и недвусмысленно сказано, что если установлено, что данный человек занимался «антисоветской деятельностью», то это может рассматриваться «как уголовное преступление». Этому постулату прокуратуры пытаются следовать, но в ряде случаев абсурдность конкретных ситуаций заставляет их искать лазейки для выхода из тупиковой ситуации. Ведь все 22 подсудимых 1-й груп-

пы на эсеровском процессе не скрывали и даже гордились тем, что занимались «антисоветской деятельностью», в том числе и используя вооруженные формы борьбы.

Совершенно ясно, что многое из их борьбы с большевиками в годы гражданской войны не стало известно суду, но они вовсе от этого не перестают быть противниками большевистской власти. Более того, большинство из них и в ходе суда и своих последних словах недвусмысленно заявляли о своем желании продолжить эту «антисоветскую деятельность». Чтобы их реабилитировать, прокуратуре приходится сочинять совсем уж странные формулировки. Так, в заключении о реабилитации все того же Г. Л. Горькова констатируется: «Как следует из материалов дела, Горьков-Добролюбов являлся в 17–18 годах членом военной комиссии Московского комитета партии эсеров. Оказывал содействие в переправе за Волгу членов разогнанного Учредительного Собрания, присутствовал на заседании Московского бюро ЦК, когда там делал доклад представитель Уфимского антисоветского правительства. **Так как суд в приговоре признал, что все установленные действия репрессированного являются незначительными, не были направлены на свержение советской власти** (выделено нами — К. М.). ...По делу же не установлено, **кого конкретно из членов бывшего Учредительного Собрания репрессированный переправил за Волгу** (выделено нами — К. М.)»²⁶⁹.

Действия и Г. Л. Горькова, и партии с.-р. были направлены именно на «свержение советской власти» — именно об этом говорят решения всех партийных съездов и Советов партии, именно на это нацелена была работа многих членов партии (в том числе, и всех 22-х подсудимых). Еще раз подчеркнем, что они (в том числе и Г. Л. Горьков) этого и не отрицали и от подобной цели в будущем не отказывались. Более того, еще раз напомним о заявлении Г. Л. Горькова в Верховный Трибунал и председателю ГПУ Дзержинскому в сентябре 1922 г., в котором он возмущался тем, что в приговоре говорилось о его «якобы принципиально отрицательном отношении к вооруженной борьбе» и заявлял, что «считает своим революционным долгом заявить Верховному трибуналу» о том, что в ходе процесса «ни разу и ни слова не говорил о своём принципиально-отрицательном отношении к вооруженной борьбе» (подчеркнуто Г. Л. Горьковым — К. М.), что «в вопросе о вооруженной борьбе, как и в других вопросах», у него с ЦК ПСР и с товарищами по процессу «никогда никаких расхождений не было, нет и теперь и во всем была полная солидарность»²⁷⁰. И, как мы уже отмечали, в ответ на это заявление Дзержинский просил Н. В. Крыленко увеличить Горькову срок более чем втрое (вместо 3 лет по приговору 7 августа 1922 г. «повысить до 10 лет», «созвав для этого новое заседание Верхтриба»²⁷¹).

Нетрудно догадаться, что если Г. Л. Горьков отказывался от «реабилитации» Верхтриба и ГПУ, то вряд ли он принял бы реабилитацию из рук Генпрокуратуры РФ, тем более, когда его товарищи по скамье подсудимых А. Р. Гоц, М. А. Лихач, Д. Д. Донской и Е. А. Иванова-Иранова остались нереабилитированными.

Но, с другой стороны, строго следуя логике Закона о реабилитации и логике прокурорских работников — ни одного из 22-х подсудимых реабилитировать ни в коем случае нельзя. Выходит, что если было бы установлено, кого конкретно Горьков из членов Учредительного собрания переправил за Волгу, то тогда его нельзя было бы реабилитировать. А собственно какое уголовное преступление содержится в переправке лиц российского гражданства через великую русскую реку Волгу? Это же не

переправа через пограничную реку, которая карается законами? Да, конечно, он переправлял в Самару членов Учредительного собрания, ставших затем членами антибольшевистского Самарского правительства Комитета членов Учредительного Собрания. Но даже для того, чтобы считать его сообщником преступлений этих конкретных людей, нужно доказать, что они совершили преступление. Это не требовало доказательств в глазах большевиков ни в 1918 г., ни в 1922 г., но это требует доказательств сегодня. Тем более, что Самарский Комуч, созданный членами легитимного Учредительного Собрания, незаконно разогнанного большевиками, был восстановлением власти Учредительного Собрания, легитимности которого, в отличие от Совнаркома, бесспорна.

Или вот, например, формулировка из Заключения по делу В. В. Агапова: «Его обвинение по ст. 60 УК РСФСР в настоящее время также нельзя признать обоснованным, так как по своей сути эсеровская организация не была контрреволюционной, а только антибольшевистской (выделено нами — К. М.), так как была не согласна с методами действия большевиков». Даже если не вступать в спор о наполнении терминов — контрреволюционный и антибольшевистский, между которыми большевистская власть ставила знак равенства, возникают вопросы. Большинство эсеров центра, правых, правоцентристов и даже левоцентристов (последние — с рядом оговорок) были сторонниками Февральской революции и боролись за ее демократические завоевания и в этом смысле они революционная партия. Но они же категорически были против Октябрьской революции, которую считали переворотом, узурпацией власти Временного правительства и, что важнее, Учредительного Собрания, и с этой точки зрения — они контрреволюционны. Фантастический парадокс: безусловные революционеры безусловно контрреволюционны. А если по ст. 60, скажем, осудили белого офицера за его действия в годы гражданской войны, офицера-монархиста, который был не только антибольшевистски настроен, но и в прямом смысле слова «контрреволюционен», являясь противником любой революции, то по логике закона о реабилитации и прокурора очевидно, что приговор в отношении него следует признать сохраняющим юридическую силу. Но сие в сегодняшних реалиях, а в не реалиях 1991 г., когда принимался закон о реабилитации, есть явный нонсенс.

И еще одно важное соображение. В. В. Иофе справедливо писал: «Но главное противоречие состоит в том, что **все** судебные решения советского периода по политическим делам, в том числе, и последних десятилетий его существования, так и не признаны неправосудными и подлежащими отмене из-за того, что их вынесли с нарушением законов своего времени, которые и тогда требовали от обвинителя доказательств наличия субъективного умысла нанесение вреда своей стране <...>. Никто этого никогда не доказывал, тем самым судебные процессы были незаконны, а правоприменители очевидным образом были повинны в преступлениях против правосудия»²⁷².

Но серьезность, даже, если так можно выразиться, «глобальность» отступлений от основополагающих юридических принципов и собственных законов при организации и проведении процесса с.-р. 1922 г. даже с точки зрения сугубо юридической делают все его решения «неправосудными и подлежащими отмене», а сам он должен быть признан сугубо политическим действием.

Выше мы подробно говорили о том, что был нарушен один из основных постулатов римского права, гласивший — «нет закона, нет преступления». Осуждение по свежепринятому в 1922 г. УК РСФСР за события

1918—1920 гг. — правовой нонсенс. Еще один нонсенс, как уже также отмечалось, хорошо передал Ю. О. Мартов: «Чтобы правительство, само созданное заговорщическим переворотом, судило сторонников предыдущего правительства за их противодействие перевороту, да еще через 5 лет, — случай небывалый. Удивительно, как еще не привлечены к суду члены разогнанного Учредит[ельного] Собрания за попытку провозгласить последнее единственным носителем власти!»

Но есть и еще одно обстоятельство. Большевики, захватив власть, взорвали не только политическую ситуацию в стране, но и единое дотоле правовое поле. Отменив законы Временного правительства, большевики создали собственное правовое пространство, но ведь оно в годы гражданской войны не было единственным на территории России. В условиях гражданской войны самые разные борющиеся за власть силы (большевики, белые, социалисты и др.), стремились создавать (и создавали) собственные государственные образования и собственные правовые пространства.

Почему сегодня Генпрокуратура, рассматривая события 1918—1920 гг., приоритет отдает законотворчеству большевиков, распространяя его и на те территории, где в то время действовало право совсем других государственных образований? Разве по логике вещей летом-осенью 1918 г. жители тех частей Поволжья и Урала, которые входили в состав Комуча, не находились в его правовом пространстве и не должны за все их действия, совершенные тогда, судиться по законам Комуча, а вовсе не враждебной ему РСФСР. Разве то же самое не должно быть применено к территориям архангельского, колчаковского, деникинского и прочих правительств, вплоть до территорий, находившихся в правовом пространстве движения Н. И. Махно? Парадоксально? Да. Но в значительно меньшей степени парадоксально и более юридически правомерно, чем судить по советским законам 1922 г. за действия, совершенные в ином правовом пространстве в 1918—1920 гг. Еще раз упомянем, что после Февраля 1917 г. в руки новой власти попало много высших должностных лиц, включая весьма и весьма одиозных, вроде П. Г. Курлова, жандармского генерала А. В. Герасимова, небезызвестной кн. Вырубовой и многих других, в которых новая власть (в том числе, и социалисты), видела старых, заклятых врагов, запятнанных кровью их товарищей. Но, чтобы не создавать юридического парадокса, Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, расследовавшая их деятельность, в качестве своей правовой основы использовала законы Российской империи, действовавшие на момент совершения преступления данными должностными лицами, и все следствие пошло по пути рассмотрения «должностных преступлений», т. е. превышения служебных полномочий в рамках действовавших законов.

Или мы признаем в раздираемой гражданской войной России право на существование всех государственных образований и на их правовые пространства или отрицаем такое право для всех. Парадокс в том, что юридическую оболочку сугубо политического действия — расправы и дискредитации политической партии — Генпрокуратура принимает за главное. Плеведа приняты за зерно — и отсюда и парадоксы, и путаница, в которой они оказались. Нельзя забывать, что эсеров вывели на открытый процесс вовсе не для того, чтобы юридически квалифицировать их враждебные власти действия, и не для того, чтобы расправиться с данными конкретными людьми, а для того, чтобы расправиться с политической партией, развенчать ее в глазах народа и затем «добить» ее полицейскими мерами.

Ведь анализ следствия ГПУ и формулирования обвинения и, особенно, перекраивания списка обвиняемых позволяют утверждать, что правовая сторона лишь обслуживала политические цели и задачи, которые ставили перед процессом. Конкретные обвинения конкретным людям в ряде случаев носили случайный характер — то, что подвернулось под руку. Представляется, что все эти процедуры с предварительным следствием, следствием и заседаниями Верхтриба, приговором и проч., хотя и имеет всю необходимую атрибутику, но правового веса не имеет никакого, а является лишь политическим действием, облеченным в одежды правосудия.

Еще один аргумент в пользу того, что приговор 7-го августа и его корректировка 8 августа Постановлением Президиума ВЦИК не может иметь правового значения сегодня. Постановление Президиума ВЦИК от 8 августа 1922 г., приостанавливая исполнение смертных приговоров, связывало это с тем, будет ли ПСР далее в борьбе с властью использовать методы вооруженной борьбы в разных ее формах и проявлениях. Таким образом, сама власть в лице высшего ее органа фактически объявляла подсудимых заложниками, грубейшим образом попирая и Конституцию страны и все существующие законы, в том числе и Уголовный кодекс.

Получается, что Генеральная Прокуратура РФ, относясь серьезно к обвинениям и приговорам этого политического действия, не имеющего законных правовых оснований, с одной стороны, реабилитирует не столько подсудимых, сколько сам процесс и его организаторов. Генпрокуратура признает право организаторов этого процесса на него и признает часть приговоров справедливыми, не реабилитируя ряд эсеров, как из 1-й (А. Р. Гоц, М. А. Лихач, Д. Д. Донской и Е. А. Иванова-Иранова, т. е. 4-х из 22-х членов группы), так и из 2-й группы (Г. И. Семенов, Л. В. Коноплева, К. А. Усов, Ф. Ф. Федоров-Козлов, Ф. В. Зубкова, П. Н. Пелевин и В. И. Игнатъев, т. е. семь из 12-ти ее членов).

Но, объективности ради, нельзя не сказать, что Генпрокуратура в своих заключениях отметила целый ряд нарушений процессуальных норм со стороны Верховного Трибунала, а также откровенной путаницы и небрежности в приговорах ряда подсудимым (в том числе, и случаи, когда обвиняли в одном, а приговаривали за другое). Но главное в том, что Генпрокуратура попыталась восстановить элементарную справедливость, отменив амнистию Г. И. Семенову, Л. В. Коноплевой, К. А. Усову, Ф. Ф. Федорову-Козлову, Ф. В. Зубкову, П. Н. Пелевину, В. И. Игнатъеву, ставшую платой за ту роль, которую они сыграли на процессе.

И все же прокуратура, работая по заведенной схеме, не заметила, что этот процесс выпадает вообще из всех схем. Даже процессы конца 20-х 30-х годов, хотя и были абсолютно лживы, неправедны, сфальсифицированы, но (как это ни странно звучит) были законны (в любом случае, буква закона соблюдалась в несоизмеримо большей степени, чем в ходе процесса с.-р. 1922 г.). Парадоксально, но подсудимые процесса с.-р. совершили против власти не только то, что она им инкриминировала (частью это была ложь и напраслина, но частью правда), наверняка многие из них совершили много таких действий, о которых власть так и не узнала, но тем не менее процесс, как представляется, незаконен.

Представляется, что любой человек (в том числе, и прокурор), не желающий запутаться в хитросплетениях и парадоксах политики, юриспруденции и здравого смысла, при определении вины подсудимых эсеров должен задаться ключевым вопросом: а имели ли они (как и все другие субъекты гражданской войны) право на сопротивление большевикам?

Если мы отказываем им в праве силой отвечать на разгон и арест большевиками легитимного Временного Правительства, отвечать на разгон легитимно избранного прямым, равным и тайным голосованием Учредительного Собрания, которое должно было сформировать легитимное правительство, отвечать на расстрел демонстраций в Петрограде и в Москве — тогда они, как и все другие противники большевиков, виновны. И именно это доказывал прокурор Крыленко на процессе с.-р.! Но подобное признание противоречит и здравому смыслу, и чувству элементарной справедливости. Закон о реабилитации и Генпрокуратура встают на сторону победителя в гражданской войне, позже узаконившего свою победу (и не только закреплением ее в учебниках истории, но и в судебных приговорах, в том числе, и процесса с.-р.). Но прав ли победитель? С формально-юридической точки зрения — возможно (если считать возможным судить по закону 1922 г. за поступки 1918 г.). Но с морально-политической точки зрения, сегодня уже миллионы людей в стране не признают правоту большевиков — победителей, и подобное «реабилитационное действие» вряд ли является для них приемлемым.

Из всего того, что мы знаем о ментальности 22-х подсудимых эсеров, об их этике, их поведении на процессе, а затем во Внутренней тюрьме ГПУ и Бутырской тюрьме в 1922–1926 гг., и далее — вплоть до самой гибели, можно утверждать, что они не только не приняли бы такую реабилитацию, но и посчитали бы ее оскорблением и нелепостью.

Трудно не согласиться с сибирским историком С. А. Красильниковым, считающим что: «Если уж тогда, перед лицом возможного расстрела, часть из приговоренных к различным срокам готова была разделить участь смертников, то вряд ли Раков, Морозов, Федорович и другие согласились бы принять свою реабилитацию, когда этого оказались лишены их товарищи — Гоц, Донской, Лихач. Они посчитали бы безнравственным такое решение. Да и сами нереабилитированные, ознакомившись с бюрократическим «Заключением» в отказе в реабилитации, вряд ли бы расстроились, увидев, как из документа 2001 года «растут уши» большевистского «правосудия» Крыленко—Пятакова. Они были искренни и точны, когда говорили и считали, что ответственны только перед судом истории. Прокурорские «Заключения» — это из «другой оперы»²⁷³. Но, наверное, мы не праве забывать и о том, что отказ Генпрокуратуры РФ от реабилитации Д. Д. Донского дал совсем недавно вполне законное основание отказать в ходатайстве о присвоении больнице в Парабели Нарымского края его имени.

Примечания

¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 157.

² Федоренко А. А. Политическая концепция В. М. Чернова. М., 1999. С. 128, 131.

³ Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 484.

⁴ Юрьев А. И. Последние страницы истории партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2001. № 6. С. 134.

⁵ Подробное см.: Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.

⁶ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М., 2002. С. 564–565.

- ⁷ Цит. по: Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров / Пер. с англ. М., 1993. С. 217.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 89. Л. 60 (Том называется «Копия агентурно-следственного материала по делу Сибирского Крестьянского Союза»).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Л. 62 об.
- ¹² Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами. М., 2002. С. 292.
- ¹³ «Ни в один момент существования Советской власти я не состоял членом каких-либо тайных организаций, направленных к ее свержению. Я открыто выступал против Советской власти, пока согласно своим политическим убеждениям считал это своим гражданским долгом, я прекратил борьбу с того момента, как у меня явилось сомнение в своей правоте, и я открыто выступил на защиту и поддержку Советской власти, как только мне стало ясно, что таков долг всякого русского человека. Следовательно я ничего не могу сообщить суду о каких либо заговорах с.-р. Ни одного из подсудимых я никогда не встречал, а о многих вовсе ничего не слышал. Мой допрос в качестве свидетеля поставил бы в затруднение не только меня, но и самый суд, так как по чистой совести на подавляющее большинство вопросов я вынужден был бы отзыватьсь незнанием, а то, что я мог бы сообщить, и без меня уже давно всем и каждому известно.
- 2) Я вполне понимаю, что суд, узнав о моем пребывании в Москве, пожелал узнать от меня то, что с его точки зрения я мог бы внести в освещение дела. Я уже имел честь сообщить, что мои показания не могут представить никакой цены для суда. Но есть еще одно важное обстоятельство, на которое я позволю себе обратить Ваше внимание, гр. Председатель. Я приехал в Москву в качестве журналиста и с тем, чтобы сообщить на страницах издаваемой мною в Берлине газеты „Накануне“ свои впечатления о русской жизни и об успехах советского строительства. Эти впечатления, равно как и вся моя деятельность, могут иметь успех лишь в случае, если в обществе за ними укрепляется сознание их беспристрастности и независимости. Появление на суде моих политических противников в качестве свидетеля обвинения и в поддержку точек зрения Советского правительства сейчас же у всех создало бы впечатление, что это появление было подготовлено заранее и что я стою к официальным советским кругам несравнимо ближе, чем есть на самом деле. После этого вся общественная работа последних лет в качестве автора сборника „Смены вех“, редактора журнала „Смены вех“ и редактора „Накануне“ будет сведена на нет, так как в нашем общественном сознании наше движение перестанет представляться широким общественным движением лишь личным служением отдельных русских граждан, русской власти.
- 3) Позволю себе обратить Ваше внимание также на то обстоятельство, что вызов меня в качестве свидетеля лишает меня возможности присутствовать на процессе, который Вы по справедливости назвали историческим и таким образом делает мой приезд в Россию бесцельным. Трудно будет и устраивать все лекции в Москве и в других городах, которые я должен был начать устраивать немедленно, так как времени в моем распоряжении очень мало» (ЦА ФСБ РФ. Н-7189. Т. 43. Л. 91, 91об.)
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Т. 46. Л. 6.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Т. 42. Л. 57.
- ¹⁸ «Гендельман — ...Разрешите мне, граждане, попытаться найти, как это ни странно покажется, общий с вами язык. Конечно, и люди, говорящие на разных языках, иногда говорят одно и то же, но бывают люди, говорящие на одном языке, но не понимающие друг друга. Я апеллирую сейчас к тому, кого и вы и мы считаем сво-

им учителем — к Карлу Марксу. (Смех в публике). Разрешите мне ...(продолжающийся смех в публике заглушает слова подсудимого). Да, Да...

Председатель — Подсудимый, обращайтесь к Суду. Я предупреждаю слушателей, чтобы они не вмешивались в судопроизводство.

Подс[удимый] Гендельман — Итак, гражданин Председатель, я доканчиваю: «Общество 10-го декабря, основанное в 1845 году... (читает).

Председатель — Подсудимый, я Вас еще раз предупреждаю, что это к делу совершенно не относится. Вы читаете нам о Бонапарте. Речь идет о Центральном Комитете партии эсеров.

Подсуд[имый] Гендельман. Я кончаю. Я заявляю, что для нас, граждане, суд этот является, поскольку он является судом коммунистической партии, диктатурой Коммунистической партии. Мы его рассматриваем, как диктатуру Общества 10-го декабря Бонапарта. Вот почему мы не рассматриваем себя как подсудимых на этом суде. Вот почему мы заявляем, что мы сюда пришли только потому, что присутствие двух Интернационалов дает нам надежду на то, что мы сможем в известных пределах свободно говорить и свободно в лицо вам, навстречу вашему обвинению, бросить наше обвинение. Все, что я говорил, вполне доказано и говорит за то, насколько основателен мой отвод и лучшим доказательством правильности моего отвода будет то, что, несмотря на всю его очевидность наш отвод будет оставлен вами без уважения (Там же. Т. 23. Л. 6—7).

¹⁹ В революционной традиции при оценке поведения революционера на суде особое внимание уделялось, прежде всего, тому, признавал ли он свою вину, и в каких словах он формулировал свою позицию (большое значение имело и последнее слово, которое революционеры часто превращали в изложение своего кредо). Ответ подсудимого на вопрос председателя суда, считает ли он себя виновным, считался крайне важным, ибо это было не что иное, как позиционирование революционера, и оно позволяло окружающим понять, как он будет держать себя дальше на процессе. Власти прекрасно отдавали себе отчет, какую важную нагрузку несет эта процедура еще и потому, что отказаться от нее было невозможно, а потому хотели ответы подсудимых 1-й группы свернуть до минимума, выбросив за борт крайне неприятную для себя мотивацию подсудимого, объяснение того, почему он не признает данное обвинение. Фактически конфликт в данном случае был неизбежен, и он вспыхнул, как только подсудимых стали «закруглять» при ответе на этот вопрос. Адвокаты 1-й группы подсудимых, вновь убедительно доказали, что обвинение и суд нарушает собственные законы, неверно трактуя рамки и задачи судебного следствия, и, как остроумно сказал Тагер — желая сомкнуть уста подсудимым на много недель ведения процесса.

Опрос подсудимых о признании ими вины начался на третий день процесса, 10 июня, после завершения чтения обвинительного приговора.

Пятаков начал эту процедуру следующими словами (очертив лишь необходимость ответа на вопрос о признании вины и не требуя никаких иных сведений и сообщений: «Приступаем теперь к опросу подсудимых. Обвиняемый Гоц Абрам Рафаилович, вы слушали ту часть обвинительного акта, которая касается вас.

Гоц (обвиняемый) я ее слышал.

Председатель. — Признаете ли вы себя виновным.

Обв[иняемый] Гоц — Ответственность за свою деятельность в течение 4-х лет революции я несу перед своей совестью, перед трудящимися классами России и перед партией с.-ров, членом которой я имею честь состоять. Я явился сюда не защищать свою жизнь, отданную всецело делу служения социализма, революции и демократии, что подтвердил 14-ю годами каторги, ссылки и тюрьмы, а чтобы отстаивать здесь то дело, которому я служил, служу и буду служить. Я считаю, что суд, который гражданин Председатель сам охарактеризовал, как пристрастный суд, это не та правомочная инстанция, которая бы могла разрешить тяжбу между партией эсеров и партией коммунистов. Что касается фактических разъяснений по

всем тем вопросам, которые были затронуты в обвинительном акте, то я буду давать о них свое разъяснение в ходе судебного процесса, в том порядке, который, я думаю, было бы рационально выработать соглашением сторон Трибунала.

Председатель — Обвиняемый Донской Димитрий Дмитриевич, слышали ли Вы ту часть обвинительного акта, которая касается Вас.

Обв[иняемый] Донской. — Слышал.

Председатель. — Признаете себя виновным.

Обв[иняемый] Донской — По политическим мотивам не считая данный состав суда и данную обстановку могущими законно судить, на вопрос о виновности моей я не могу сейчас ответить. Что касается фактических обвинений, инкриминируемых мне деяний, в течение процесса своевременно их изложу» (Там же. Л. 144).

Пока Гоц и Донской были достаточно лаконичны, их хотя и не односложные ответы терпели, но как только Тимофеев, обратив внимание на разнородность предъявленных обвинений, часть из которых он вполне признает, часть ему приписанных — нет, попытался дать «общие разъяснения» — вспыхнул конфликт: «Председатель. — Обвиняемый, все объяснения и мотивацию соответствующих поступков Вы сможете дать в Вашем заключительном слове после того, как перед нами пройдет ряд фактов, утверждаемых или опровергаемых как свидетелями, так и обвиняемыми. Тогда нам будет гораздо легче устанавливать правильность или неправильность и ваших утверждений. Сейчас мы желаем от вас иметь то короткое заявление, которое вы сделали, что вы себя не признаете виновным, ряд фактов считаете правильным, ряд фактов неправильным. Какие неправильности содержатся в обвинительном акте, это выяснится в ходе судебного расследования по каждому в отдельности факту.

...Обв[иняемый] Тимофеев — Я еще раз настаиваю на своем предложении дать объяснения сейчас. Ни один суд в мире не сможет сразу в целом обсуждать все данные обвинительного акта. ...В связи с этим я бы очень хотел, чтобы от лица всей нашей группы мне предоставлена была возможность говорить. ...Конечно, прецеденты прошлого не обязательны для настоящего, но помню, ибо я судился не раз, что всегда подсудимый, который идет в „в сознание“, или который принимает часть обвинений и говорит, что да, такие-то деяния он совершил, получает возможность давать сейчас же объяснение. Я принимаю утверждение о том, что партия эсеров вела вооруженную борьбу с советской властью. ...Всю ответственность за эту борьбу мы принимаем на себя и я бы хотел иметь по этому поводу слово» (Там же. Л. 145—147).

Адвокаты полностью поддержали Тимофеева. Тагер констатировал, что после зачтения приговора «началась та стадия процесса, которая именуется судебным следствием. 21 статья, о которой мы вчера уже с обвинителем толковали, говорит дословно следующее: что обвиняемый имеет право давать объяснения, как по существу всего дела, так и по поводу каждого отдельного документа или показания, в любой момент судебного следствия, с тем, что Трибунал может прекратить всякие вопросы, если признает их не относящимися к делу. <...> Согласитесь — это не одно и то же: сначала выслушать показания свидетелей, а потом обвиняемых, или сначала выслушать показания обвиняемых, а затем эти показания проверять допросом свидетелей. С другой стороны, показания обвиняемых по общим вопросам, по предъявленным обвинениям даются и до дальнейшего опроса свидетелей» (Там же. Л. 148).

Фактически власть в лице обвинения и суда вновь столкнулась с ситуацией, когда юридические нормы проведения суда грозили разрушить столь тщательно выстроенную конструкцию, архитекторы которой, конечно же, были политиками до мозга костей и из этих соображений и исходили. Они, вероятно, даже и не задумывались, «перевертывая» принятую процедуру — сначала объяснения обвиняемых, потом свидетелей. Ведь они с таким старанием подобрали свидетелей обвинения,

в том числе и из числа обвиняемых, фактически этим купившим себе свободу. Кроме того, суд и обвинение сделали все возможное, чтобы отвести свидетелей защиты, о которых просили подсудимые 1-й группы. И вот теперь эта обвинительная пирамида, в основании которой лежало много свидетельских показаний обвинения, должна быть перевернута! Но на практике для политически мыслящих судей и обвинителей-большевиков это значило предоставить возможность подсудимым 1-й группы объяснять свои мотивы борьбы с большевиками, это значило упустить инициативу из своих рук и из обвинителей в ряде случаев самим превратиться в обвиняемых (в силу уязвимости позиций по целому ряду вопросов). Конечно же, это было для них абсолютно неприемлемо и посему в длинной речи Крыленко, косноязычно и тавтологически объяснявшего, почему это невозможно, главным аргументом стало: «Такова судебная практика. Эта практика не только вошла в нашу теперешнюю практику, но она вошла в нашу теперешнюю практику, но она нашла свое письменное выражение в определенной статье тех предполагаемых процессуальных норм, которые указаны в процессуальном кодексе» (Там же. Л. 150).

Адвокат Муравьев начал с совершенно убийственного и для самого состава суда, и для процесса в целом напоминания (базирувавшегося на том, что Крыленко в нарушение собственных же предшествующих инструкций был един в двух лицах — председателя коллегии Верхтриба и государственного обвинителя): «Обращая опять внимание Трибунала, что со стороны обвинителя Трибунал не выслушивает никаких указаний, никаких справок и никаких разъяснений, имеющих обязательное значение для Трибунала» (Там же. Л. 151).

Адвокаты вновь и вновь пытались вернуть изначально политизированный процесс на рельсы соблюдения духа и буквы закона, ломая искусственную конструкцию, торпедируя гипертрофированную обвинительную составляющую процесса, все серьезнее и серьезнее мешая властям, разоблачая их пренебрежение к закону. Муравьев весьма откровенно восклицал: «Так как мысль должна соответствовать слову, то мне казалось, что правильнее было бы нам, сторонам, для наших мыслей выбрать соответственные слова и раз навсегда перестать говорить об указаниях, которые та или другая сторона в процессе может желать, но не иметь права по закону давать Трибуналу. ...Во всяком случае, процесс этот исключителен по своей величине. Если вы изволите прислушаться к тому, что говорит обвинитель, то обратите внимание на следующее: он говорит — вся наша практика сводится к тому, что обвиняемым должно быть предоставлено слово при заключении следствия, в последнюю минуту. К чему привело бы это правило, которое не существует, как я себе позволю утверждать, если бы оно существовало, в применении его к настоящему процессу. Оно бы привело к тому, что по столь важному для жизни и чести подсудимых и для их политической работы вопросу, уста обвиняемых были бы замкнуты, если не на целые недели, по крайней мере на дни, ибо никто из нас не станет отрицать, что здесь будут проходить перед нами такие свидетельские показания, которые могут длиться целыми часами, быть может даже днями. <...> Как можно, когда стая говорит о признании обвиняемого, как можно стеснять в этом моменте процесса обвиняемого; как можно, когда обвиняемый, хотя он и не юрист, точно сказал перед вами: «я кое-что опровергаю, кое-что признаю, позвольте мне разграничить то и другое и установить, что я признаю и почему я признаю, и как можно стеснять обвиняемого и нарушать его права. Нам спорить по этому вопросу не следует, до такой степени право обвиняемого беспорно. Зачем мы будем заниматься словопрениями и формалистикой» (Там же. Л. 152—153).

Муравьев, искренне недоумевавший, как можно вопреки собственному кодексу нарушать права обвиняемого, видел беспорность приоритетности соблюдения прав подсудимого, но абсолютно не понимал, что политизированность и предопределенность суда и обвинения таковы, что для них беспорным являлось совершенно иное. И когда Муравьев говорил о том, что обвинение должно пре-

кратить заниматься словопрениями и формалистикой, он, похоже, не видел того, что для кандидата в члены ЦК РКП(б) Г. Л. Пятакова, посаженного в председательское кресло на процессе оппозиционной социалистической партии, именно он, Муравьев, является олицетворением адвокатского крючкотворства и формалистики, мешающим решить поставленную Политбюро задачу. Неудивительно, что у Пятакова эта мысль немедленно и сорвалась с языка: «Я прошу Вас именно не заниматься словопрениями, и предоставить Трибуналу просто разрешить этот вопрос» (Там же. Л. 153). Трудно не увидеть «проговоренность» этой реплики, ведь в устах председателя суда, называющего словопрениями вопрос о нарушении прав обвиняемых и желание «просто разрешить», а не по закону, как того и требовали оба известнейших адвоката, она звучала весьма одиозно.

Естественно, Муравьев не сдержался и вступил в полемику с председателем суда: «Этими словопрениями занимается противная сторона, я обязан указать на это Трибуналу и моя обязанность дать ответ на эти словопрения. Я думаю, что перед нами элементарное право обвиняемого, но этот маленький вопрос имеет некоторое принципиальное значение; вот почему я думаю, что конкретно мы теперь уже были бы в половине, а может быть и в конце объяснений Тимофеева, если бы вместо этих словопрений, ненужных и начатых обвинителем, а потому продолженных нами в силу обязанностей, если мы просто без формальностей подошли к просьбе одного из 22 обвиняемых дать объяснения и предоставить ему слово» (Там же. Л. 154). Пятаков, который указал Тимофееву и положил начало всему этому инциденту, парировал эту реплику так: «Позвольте фактическую справку, прения были начаты защитником Тагером, а не обвинителем. Если бы Тагер не начал говорить, я бы не дал слова обвинителю» (Там же). Тагер не стал пререкаться, а побил противников точным цитированием нормы, вокруг которой разгорелся весь сыр-бор, ехидно намекнув на то, что делает любезность обвинению (в чью компетенцию, безусловно, знание этой нормы как связанное с признанием подсудимым своей вины и входит): «Для того, чтобы я не мог быть обвинен в голословности, позвольте процитировать два текста и тем самым отплатить некоторую любезностью обвинению. Я хочу привести не кодекс, отмененный 5 лет тому назад, для нас не убедительный, а кодекс, имеющий вступить в силу через 3 недели: «Статья 283. Судебное следствие начинается чтением обвинительного заключения по делу. Статья 284. После оглашения Председатель спрашивает разъяснения подсудимых о виновности, спрашивает, признает ли себя подсудимый виновным и желает ли давать показания. Никаких исключений из этих правил в процедуре революционных Трибуналов не установлено». Если эти аргументы недостаточны, то после нового возражения обвинителя, новых аргументов я прибавить не могу» (Там же).

Обвинитель и председатель суда были фактически загнаны в угол, но им на помощь пришел защитник 2-й группы, который, ничто же сумняшеся, своими аргументами, поставил интересы защиты 2-й группы выше соблюдения «процессуальной стороны», в том числе и только что прозвучавшие нормы закона: «<...> Наша защита уже в первом заседании доказала, что мы отнюдь не собираемся скрываться за процессуальной стороной и лишать возможности ту группу обвиняемых — тех или других возможностей для своей защиты. Мы не стараемся скрываться за процессуальной стороной, но мы понимаем, что для той группы обвиняемых, которая уже неоднократно посылала нам упрек, что здесь сидят люди, которые пользуются иммунитетом (Голоса обвиняемых: «Правильно»). Нет, неправильно».

Председатель: Прошу Вас не пререкаться с обвиняемыми.

Катаян: Когда нам бросили упрек, что эта группа пользуется иммунитетом, мы не старались скрываться за процессуальной стороной. Для нас важно, чтобы был правильно освещен процесс; для нас необходимо также — я процитирую слова гр-на Муравьева, чтобы в настоящем случае были выяснены все обстоятель-

ва, имеющие существенное значение для жизни, для чести и для политической деятельности определенной группы. <...> По этим соображениям я полагаю, что в целях сокращения процесса, с одной стороны, с другой стороны, в целях того, чтобы не затушевывать процесса, чтобы фактическая сторона этого процесса была выявлена возможно полнее, нужно идти по тому пути, который был предложен государственным обвинителем» (Там же. Л. 155–156).

Фактически защитник Катанян сказал, что для защиты прав группы подсудимых-ренегатов, он и его коллеги готовы нарушив закон, поступиться законными правами 1-й группы обвиняемых. Симптоматично, что после выступления Муравьева и Тагера он уже и не пытался оспаривать наличие таких прав у них.

После выступления Вандервельде Пятаков заявил, что «Трибуналу вопрос ясен», и перед тем как удалиться на совещание, огласил по просьбе Крыленко статьи 281 и 286, а по просьбе Тагера — статьи 283 и 284 Уголовно-процессуального кодекса.

После перерыва, открывая заседание, Пятаков заявил: «Верховный трибунал констатирует правильность толкования закона государственным обвинителем. С другой стороны, Верховный Трибунал констатирует ряд противоречий, которые обнаруживаются в заявлениях защитников и подсудимых: 1) Подсудимый Гоц и Донской заявили, что они дадут соответствующие объяснения по фактической части в ходе судебного следствия. Подсудимый Тимофеев заявил, что он хочет дать объяснение сейчас по всему обвинительному акту, по фактической его части. Защитник Вандервельде заявил, возможно, что по незнанию русского языка, мы это сейчас установим, что подсудимый Тимофеев желает дать соответствующее фактическое пояснение от имени целой группы обвиняемых» (Там же. Л. 157).

Получив подтверждение Гоца, что группа решила поручить сделать общее заявление Тимофееву, Пятаков задал вопрос: «Уполномочиваете ли Вы подсудимого Тимофеева и от Вашего имени?». Первые шестеро опрошенных подсудимых 1-й группы ответили односложно: «Да». Гендельман же заявил: «Настоящее заявление тов. Тимофеев делает также и от моего имени. Но для того, чтобы это не было прецедентом, для того, чтобы в дальнейшем всем обвиняемым давали слово, а не только одному, я сейчас же сделаю оговорку, что в дальнейшем всякий из нас сохраняет право делать заявление от своего имени» (Там же. Л. 158–159).

Когда очередь дошла до Григория Ратнера, тот заявил: «Я не даю никаких полномочий гражданам, сидящим направо от меня, но лично мне товарищи по этим скамьям поручают сделать соответствующее заявление от нашей группы» (Там же. Л. 159). После этого все подсудимые 1-й и 2-й группы, имена которых назывались вперемешку, говорили, кому он поручают выступить от их имени — Тимофееву или Ратнеру. И только Игнатъев, принадлежавший ко 2-й группе, сделал некоторое отступление от порядка, заявив: «Я поручаю Ратнеру, но оставляю за собой право сделать все необходимые дополнения» (Там же. Л. 160).

Пятаков отметил, что «таким образом мы имеем два коллективных и одно присоединяющееся с оговоркой заявления: заявление Тимофеева, Ратнера и Игнатъева по фактической части обвинительного акта. Разрешите тогда закончить формальный опрос и затем Трибунал разрешает соответствующие фактические показания сделать» (Там же).

После того, как в ходе ожесточенных прений и споров, было утверждено право подсудимых давать объяснения, касающиеся признания или непризнания ими своей вины, Пятаков вновь приступил к опросу обвиняемых 1-й группы, и сразу же история повторилась: «Подсудимый Герштейн. Вы слышали ту часть обвинительного акта, которая Вас касается, признаете ли Вы себя виновным?»

Обвиняемый Герштейн: Вопрос, который мне предложен, предполагает наличие двух моментов: 1) признание, хотя бы молчаливое...

Председатель: Обвиняемый, вопрос ясен; признаете ли Вы себя виновным, или не признаете.

Обвиняемый Герштейн: В такой форме вопрос для меня неприемлем, ибо, не желая отрицать некоторые инкриминируемые мне факты, я в тоже время не могу ответить на этот вопрос по мотивам, которые я хотел изложить. Мотивы следующие: ответ на этот вопрос предполагает наличие двух моментов....

Председатель: Значит, Вы ряд фактов признаете, а виновным себя не признаете.

Обвиняемый Герштейн: Я так ответить не могу. Я прошу дать мне возможность выяснить то, что я хотел сказать. Я считаю, что на этот вопрос можно ответить, только признавая определенные действия преступными. Я считаю по долгу совести старого революционера, 24 года боровшегося за то, что я считал справедливым....

Председатель: Подсудимый Герштейн, это к делу не относится. Будем считать установленным, что ряд фактов Вы признаете установленными правильно и ряд неправильно, преступными их не считаете, виновным себя не признаете.

Обвиняемый Герштейн: Я считаю, граждане судьи, [что вы] не имеете права ставить мне вопрос о виновности, ибо за свои действия я отвечаю перед партией эсеров и перед трудящимися всего мира, а не перед Вами, моими политическими противниками» (Там же. Т. 23. Л. 160–161).

Получилась странная коллизия — только что договорились, что с общей речью с раскрытием мотивов выступит от 1-й группы Тимофеев (2-я группа потребовала аналогичной речи, держать которую взялся Григорий Ратнер) и вдруг Герштейн пытается мотивировать свою позицию индивидуально.

Как же отвечали на вопрос председателя о признании вины остальные подсудимые?

М. А. Лихач заявил: «Поскольку нами был отведен данный состав суда, вопрос о моей виновности не может подыматься.

Председатель: Те факты, которые устанавливаются относительно Вас, в резолютивной части обвинительного акта, считаете ли Вы правильно установленными.

Обвиняемый Лихач: Дам соответствующее объяснение во время судебного процесса» (Там же. Л. 162).

Н. Н. Иванов ответил: «Так как мы смотрим на происходящее не как на суд...»

Председатель: Речь идет не о «мы», а о Вас лично.

Обвиняемый Иванов: Так как я смотрю на то, что здесь происходит не как на суд, а как на акт политической борьбы, то констатирую, что в политической борьбе не бывает виновных или невиновных, а бывают победители и побежденные, а кто из нас выйдет победителем скажет история (Смех)» (Там же).

Е. М. Ратнер отвечала так: «Я признаю себя ответственной за все действия Центрального Комитета своей партии, как за те, которые совершены моими собственными руками, так и за те, которые совершены руками сидящих здесь моих товарищей.

Председатель: Вы отвечайте только за то, что совершенно Вашими собственными руками.

Обвиняемая Ратнер: Извиняюсь. Дело касается членов Центрального Комитета партии эсеров и мне лично обвинительный акт приписывает очень мало действий. Я же признаю себя ответственной не только за свои действия, но и за все то, что делали мои товарищи, то есть я объявляю себя солидарной с их действиями. Виновной же я признаю себя перед Вашим судом ровно постольку, поскольку я признавала себя виновной перед тем царским самодержавным судом, который признавал меня виновной неоднократно, то есть за то, что все силы своей жизни я отдала на служение русской революции» (Там же. Л. 162–163).

Д. Ф. Раков заявил: «На Ваш вопрос я отвечаю следующим образом: я всю свою сознательную жизнь отдал служению интересам рабочего класса....

Председатель: Речь идет не о всей Вашей жизни, а об определенном периоде Вашей жизни, о которой трактует обвинительный акт.

Обвиняемый Раков: И в этот период, который мне инкриминируется в обвинительном акте, я объективно и субъективно служил интересам рабочего класса. Я был честным и верным солдатом армии и международного революционного социализма. Я нес и несу ответственность за свои действия перед Судом трудящихся масс и международного социализма. Что касается фактов и событий, мне вменяемых в вину, то надлежащие и полные разъяснения я дам во время судебного следствия.

Председатель: Так что Вы виновным себя не признаете.

Обвиняемый Раков: Я на этот вопрос не отвечаю» (Там же. Л. 163—164).

Ф. Ф. Федорович заявил: «Вопрос о виновности здесь, на этом суде, совершенно устрояю и не могу отвечать на этот вопрос» (Там же. Л. 164).

М. А. Веденяпин констатировал: «В своих действиях я выполнял роль, лежащую на мне как на члене партии и выполнял долг, возложенной этой партией, долг революционера и социалиста, поэтому вопроса о моей виновности для меня не существует» (Там же).

М. Я. Гендельман заявил: «Свое отношение к Вашему суду я достаточно выразил в первый день, во время отвода, а поэтому вопрос о виновности я устрояю так же, как и вопрос о том, что Вы судьи. Что касается фактов, то я дам, когда надо, соответствующее разъяснение» (Там же).

С. В. Морозов восклицал: «Я не подсудимый, а пленник. Происходящий суд не суд, а расправа одной партии, временно победившей, над членами другой партии — временно побежденной. Я несу ответственность за все дела и поступки за время вступления в партию эсеров, к которой имею честь принадлежать».

Председатель: Вы неясно отвечаете. Часть обвиняемых отказывается отвечать на этот вопрос, а факты, инкриминируемые Вам в этом обвинительном акте о Вашей деятельности в партии, относятся к определенному периоду Вашей жизни.

Морозов: О фактах я не отказываюсь объяснять во время следствия» (Там же. Л. 165).

Н. И. Артемьев отвечал: «Я слышал обвинительный акт и по этому вопросу дам следующее объяснение: не о виновности своей я должен говорить Вам, ибо говорить о виновности это значит признавать тот суд, который здесь совершается над нами. Я должен говорить только тех действиях, которые инкриминируются мне в обвинительном заключении. Мне инкриминируется моя активная работа в рядах партии социалистов-революционеров. Эту активную работу я нес. Я инкриминирую себе не только то, что говорится в обвинительном акте, но я должен заявить суду, что я ответственен за все действия, которые исходят [от] ответственных руководящих органов партии социалистов-революционеров в лице ее Съездов, Советов и постановлений Центрального Комитета. За эти деяния я несу полную моральную ответственность».

Председатель: Виноват, речь идет об уголовной ответственности, а не о моральной (смех).

Обвиняемый Артемьев: Уголовной ответственности я никакой не несу здесь перед Вами. Я буду нести ответственность всякую — и уголовную, и моральную — перед судом трудящихся (смех), только тогда я могу сказать о том, виновен я или нет» (Там же. Л. 166).

Е. А. Иванова заявляла: «Ни о какой виновности не может быть и речи, так как это есть не суд, а расправа над нами. Я продолжала ту борьбу, которую я вела с самодержавием, а о том, как я боролась против Вас, об этом я на судебном следствии скажу» (Там же).

М. И. Львов отмечал: «Перед судом, обращенным коммунистической партией в органы расправы над инакомыслящими вообще и над своими идейными противниками в частности, я себя виновным не признаю».

Председатель: Те факты, которые Вам инкриминируются в обвинительном акте, Вы признаете правильно установленными? Обвиняемый Львов: В процессе судебного следствия я об этом скажу» (Там же. Л. 167).

Первым от 2-й группы выступал Г. Ратнер, заявивший: «Признаю себя ответственным и виновным за все действия партии социалистов-революционеров и ее руководящих органов, начиная с моего вступления в партию в 1913 году и кончая моим формальным выходом из нее в августе 1919 года. О своей личной позиции и свою персональную роль я освещу в процессе судебного следствия. По вопросу о признании своей виновности точно, как гражданин Лихач признавал право предавать суду членов коммунистической партии и рабочих в Архангельске, точно так же, как гр-н Веденяпин в Самаре сам создавал суды, расправляющиеся с рабочими и крестьянами в подвластной ему территории, точно так же, как Виктор Чернов предает суду...

Председатель (перебивая): Ближе к делу, подсудимый Ратнер.

Обвиняемый Ратнер: ...коммунистов в пролетарских (очевидно, следуют — эмигрантских — *К. М.*) берлинских газетах, я точно так же, как работник пролетарской партии, всецело признаю себя виновным перед судом пролетарского Трибунала (аплодисменты)» (Там же. Л. 166).

П. Т. Ефимов сказал: «Признаю свою ответственность за участие только в двух случаях. Первый случай в марте месяце — слежка за тов. Лениным, и второй — то, что дал согласие Семенову на помощь в организации экспроприации в Петрограде. С этого момента ни в каких боевых организациях не участвовал и ни в одном акте участия не принимал. Свои действия, которые я совершил до этого момента, считаю ошибочными» (Там же. Л. 167).

Ф. В. Зубков свою вину признал: «Да. Будучи социалистом-революционером, я совершил приписываемые мне акты против Советского правительства по постановлению Центрального Комитета партии эсеров. Впоследствии я счел себя неправым в этих действиях...

Председатель: Объяснения Вы дадите потом. Сейчас нам достаточно одного заявления.

Обвиняемый Зубков: Я из партии вышел и вполне считаю суд надо мною справедливым, ибо другого правительства сейчас нет, а все мои преступления были направлены против Советской власти» (Там же. Л. 168).

К. А. Усов: «Да, признаю себя виновным в том, что, [не] поняв по существу разгон Учредительного Собрания как факта, направленного в интересах рабочего класса к достижению социализма, я принял участие в вооруженной борьбе против Советской власти для восстановления власти разогнанного Учредительного Собрания. Мои действия выразились в следующем: я принимал участие в подготовке террористических актов против товарищей Ленина и Троцкого...

Председатель: Обвиняемый Усов, это Вы сделаете в свое время, сейчас нам достаточно Вашего заявления.

Обвиняемый Усов: В обвинительном акте есть обвинения, которые я не признаю. Я считаю необходимым перечислить то, что я делал, и то, что не делал. Я принимал участие в вооруженной экспроприации артельщиков на Северной дороге, принимал участие в подготовке экспроприации на экспедицию заготовления государственных бумаг в Петрограде. **Правда, эта экспроприация мне почему-то в обвинение не поставлена** (выделено нами — *К. М.*). Я принимал участие в ограблении купца по Павелецкой железной дороге. Я принимал участие в попытке экспроприации у Дворцового моста в Петрограде. Во всех остальных экспроприациях, которые перечислены в обвинительном акте, я участия не принимал» (Там же. Л. 169).

И. С. Дашевский заявлял: «Так как всецело признаю право Революционного Трибунала судить меня за деяния, совершенные мною вместе с бывшими товарищами по партии социалистов-революционеров в период вооруженной борьбы с Советской властью, деяния, которые я сам несколько лет тому назад осудил как преступления против революции рабочего класса, я признаю себя виновным в тех фактах, которые вменяются мне в вину обвинительным актом» (Там же).

Л. В. Коноплева была лаконична: «Я признаю все свои преступления перед революцией и считаю себя ответственной перед Революционным Трибуналом» (Там же).

Г. И. Семенов был еще лаконичней: «Признаю» (Там же). Ф. Е. Ставская: «Считаю все свои деяния 17-го и 18-го года преступлением перед революцией и признаю себя виновной» (Там же. Л. 170).

Из подсудимых 2-й группы лишь Ю. В. Морачевский не признал себя виновным, заявив: «Виновным я себя не признаю. Из всего того, что приписывается мне обвинительным актом, признаю только факт состояния своего в Василеостровской дружине» (Там же).

Казалось бы, что может быть естественнее, чем ответить на вопрос председателя суда о виновности — нет, не признаю. Именно такую формулу подсказывает формальная логика и обыденный здравый смысл. А вместе с тем ни один из 22-х подсудимых 1-й группы этой формулой не воспользовался, т. к. и признание, и непризнание своей вины, как это ни парадоксально звучит, означало признание подсудимым права данного суда (и стоящей за его спиной партии, захватившей власть, вырвав ее из рук партии, получившей ее по результатам выборов в Учредительное собрание) судить себя. Само такое признание было бы уже поражением. Вот почему многие из подсудимых говорили либо о непризнании за судом права судить себя, либо об «устранении», «отводе», «отстранении» вопроса председателя суда о признании себя виновным.

В. В. Агапов: «Я этот вопрос отстраняю, так как не Вам нас судить. Что касается фактической стороны террористической борьбы 1917 года, то я могу сказать, что я не ради Вашего удовольствия, а для присутствующих здесь представителей...

Председатель: Трибунал заседает не для удовольствия, а для карания преступников, посягнувших на рабоче-крестьянскую власть» (Там же).

П. В. Злобин: «Если бы этот вопрос был обращен ко мне от имени Интернационала (возгласы: какого Интернационала?) Я член партии социалистов-революционеров, в организационной работе принимал участие и считаю, что социалистическую партию может судить только союз социалистических партий — Интернационал. Постановку вопроса, постановку о моей виновности я считаю неправильной, неуместной и преждевременной (Смех в публике)» (Там же. Л. 171).

А. И. Альтовский: «Перед лицом трудящихся масс России и Европы я мог бы признать [себя] виновным во многом, но не в том, в чем меня обвиняет коммунистический Трибунал, за которым я не могу признать права судить о моей виновности» (Там же).

В. Л. Утгоф: «Должен сказать, что вместе с партией социалистов-революционеров я 16 лет борюсь за народовластие и социализм.

Председатель: Речь идет не о 16 годах, а о времени после октябрьского восстания рабочих и крестьян.

Обвиняемый Утгоф-Дерюжинский: Для меня нет вопроса о том, кто кого судит, а если нужно будет говорить о фактической стороне нашей борьбы за народовластие, которую мы будем продолжать... (Шум)» (Там же).

А. В. Либеров отвечал: «Да, виновен, но не перед данным судом, который я тоже не признаю. Вина моя заключается в том, что в 1918 году я недостаточно работал для свержения власти большевиков» (Там же. Л. 171—172). Г. Л. Горьков заявлял: «Виновным я себя не считаю, так как я не признаю теперешней власти, и вместе с тем заявляю, что в период с 1918 по 1919 г. я состоял членом Московского Бюро Центрального Комитета и свои объяснения в том, какую роль я играл в этом бюро, я дам в процессе расследования» (Там же. Л. 172).

Е. С. Берг отвечал: «Да, слышал. Я рабочий, и считаю себя виновным перед рабочими России в том, что я не смог со всей силой бороться с так называемой рабоче-крестьянской властью, которая расплыла и загубила всех рабочих России

(шум в зале). Я в этом дам ответ по существу обвинительного акта. Я бы просил дать мне два слова. Я хочу указать Трибуналу, как составляется обвинительный акт

Председатель: Вы будете иметь возможность дать соответствующее объяснение после окончания судебного следствия.

Обвиняемый Берг: Тут есть криминал для меня. Я хочу его выяснить (Шум в зале).»

Председатель: Я вас спрашивал, желаете ли Вы сделать соответствующее объяснение по фактической части обвинительного акта через обвиняемого Тимофеева. Вы ответили — да. Так что я слова Вам предоставлять не буду.

Обвиняемый Берг: Тогда я кончаю. Я еще раз заявляю, я рабочий, член партии эсеров. С такими полномочиями и с таким именем я пользовался полным доверием петроградских рабочих, с начала, с 24 февраля 1918 года, по тот момент, когда Вашей властью я был посажен в тюрьму и просидел почти 3 года и не моя вина, что я не мог бороться со всей той силой, которую я признаю важной и должной. Я надеюсь, что мое время еще не ушло и я еще сумею показать рабочим... (Шум).

Председатель: То, что Вы рабочий, это Вам не инкриминируется. И то, что Вы пользовались доверием — тоже. Речь идет о том, что фактически предъявляется Вам обвинительным актом. Эти факты Вы признаете?

Обвиняемый Берг: Я по этим фактам дам объяснения в процессе» (Там же. Л. 173).

Та особая позиция, которую занимал Игнатъев, отразилась и в его речи относительно признания вины: «Я признаю, что я фактически совершил инкриминируемые мне деяния, за исключением того, что я не несу ответственности за все деяния Комитета спасения родины и революции, как это сформулировано в обвинительном акте, ибо один из моментов деятельности Комитета спасения родины и революции — так называемое юнкерское восстание, — было организовано без согласия Пленума этого Комитета. Поэтому ответственности я за него не несу. Далее здесь мне инкриминируется, что я вошел в связь, в сношение с организацией Филоненко и Иванова для того, чтобы вооруженно бороться с Советской властью. Этой вины я на себя также не принимаю. Теперь, по вопросу о виновности я считаю, что я несу, прежде всего, моральную ответственность за все те действия, которые я совершил, несу ее прежде всего перед своей совестью и перед всеми трудящимися России и иностранцами и рад и счастлив, что обо всем том, что я совершил, я через головы гласного Верховного Трибунала могу заявить всему пролетариату. И второе, я считаю, что во всяком государстве суд является олицетворением той власти или власти того класса, который господствует. И с этой точки зрения в полной мере беспристрастного суда быть не может, и становиться на обратную точку зрения, на ту, на которую стали здесь и часть обвиняемых и часть защиты, сидящей направо от меня, я не могу, ибо я никогда не встречал и не видал такого государства, у которого по принципиальным соображениям беспристрастия, в суде была бы исключительная оппозиция и притом классовая оппозиция. Я не сомневаюсь, конечно, что в Бельгии, например, более беспристрастный Суд был бы, если бы была оппозиция классовая и он состоял из пролетариата...

Председатель: Речь идет не о суде и суде совести, а о Вашей уголовной ответственности.

Обвиняемый Игнатъев: Совершенно верно. Я признаю себя виновным потому, что настоящий суд отвечает, по-моему, и духу, и ходу русской революции, и поэтому я считаю себя перед ним вправе отвечать, виновен я или не виновен» (Там же. Л. 173–174).

Фактически получилось так, что рассуждения о природе суда и возможной степени его объективности понадобились Игнатъеву, чтобы не сразу признать свою вину и суд (легко потерять лицо, признавая свой вину вместе с сидящими на этих же скамьях Семеновым и Коноплевым), а попытаться подвести под это идеологическое обоснование.

- ²⁰ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 558.
- ²¹ Олицкая Е. Л. Мои воспоминания. Франкфурт-на-Майне, 1971. Т. 2. С. 139—141.
- ²² Янсен М. Суд без суда. С. 198—199.
- ²³ См.: Аркавина В. Сухорукова-Спектор и суд над бакинскими с.-р. / Публ. В. Гуляева [А. И. Добкин, А. Б. Рогинский] // Минувшее. Исторический альманах. М., 1990. Вып. 2. С. 342—343.
- ²⁴ Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 730; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1268. Л. 1.
- ²⁵ Янсен М. См. Суд без суда. С. 198—199.
- ²⁶ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 568—569.
- ²⁷ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 48. Л. 269.
- ²⁸ Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. / Публ. М. Янсена // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 7. М., 1992. С.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Цит. по: Янсен М. Суд без суда. С. 7.
- ³¹ Б. Н. Е. Ратнер // Социалистический Вестник. 1931. № 21. С. 14.
- ³² Свирская М. Л. Из воспоминаний / Публ. Б. Сапира // Минувшее. М., 1992. Вып. 7.
- ³³ Jansen M. The Trial of the Socialist Revolutionaries, Moscow 1922. Martinus Nijhoff Publishers, 1982; Янсен М. Суд без суда; Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г.; Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П. С.-Р. / Ред.-сост. М. Янсен. Амстердам, 1989.
- ³⁴ Судебный процесс над социалистами-революционерами.
- ³⁵ Дмитрий Дмитриевич Донской / Сост., ввел., комментарии Я. А. Яковлева. Томск, 2000; Литвин А. Л. Азеф второй. // Родина. 1999. № 9. С. 80—84; Журавлев С. В. Человек революционной эпохи: Судьба эсера-террориста Г. И. Семенова (1891—1937) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 87—105.
- ³⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1 Ч. II.
- ³⁷ Там же. Т. 104.
- ³⁸ Там же. Т. 60. Л. 185об.
- ³⁹ Там же. Л. 170 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 186 об.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 520. Л. 17.
- ⁴² «Почему Вы меня совсем забыли. Мне очень неуютно от этого. Здесь адская жара и боюсь, что сердце этого не выдержит. Абр. Р. служит экономистом в геолого-разведывательном управлении. Крепко Вас обнимаю. Сердечный привет всем. Абр. Р. кланяется» (Там же. Л. 17 об.).
- ⁴³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1334. Л. 72—72об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 73 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 75.
- ⁴⁶ М. Винавер писал О. А. Гоц: «...сообщаю, что согласно полученной справки, ГУРКМ дано распоряжению 4/Х —с.г. за 38734 о прописке Вас в Москве, Арбат, д. 35, кв. 32» (Там же. Л. 76).
- ⁴⁷ Там же. Л. 74.
- ⁴⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 87. Л. 27.
- ⁴⁹ Там же. Л. 37.
- ⁵⁰ Там же. Л. 36.
- ⁵¹ Там же. Л. 38.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. Л. 39.

- 54 Ряд ксерокопий из «личного дела заключенного № 1696» был в 1992 г. предоставлен сотрудником ЦА МВД РФ В. П. Коротеевым И. И. Осиповой и хранится ныне в архиве «Мемориала» в фонде И. И. Осиповой.
- 55 Архив «Мемориала». Фонд И. И. Осиповой.
- 56 Там же.
- 57 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 94.
- 58 Там же. Л. 110—111.
- 59 «Руководство партии с.-р. всегда рассматривала Керенского как случайного члена партии, органически не связанного с ее основным руководящим ядром, как в известной мере попутчика, не принимавшего участия в нелегальной работе партии в дореволюционный период» (Там же. Л. 23).
- 60 Там же. Л. 11—12.
- 61 Цит. по: Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. С. 242—243.
- 62 Архив «Мемориала». Фонд И. И. Осиповой.
- 63 Там же.
- 64 Там же.
- 65 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 105—106об.
- 66 Янсен М. Суд без суда. С. 215; Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. С. 193—214.
- 67 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 357. Л. 10.
- 68 Архив «Мемориала». Фонд И. И. Осиповой.
- 69 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 729. Л. 127.
- 70 Там же. Л. 129.
- 71 Цит. по: Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г.
- 72 ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 87. Л. 39.
- 73 Там же. Д. 96. Л. 121.
- 74 Там же.
- 75 Там же. Л. 121—122.
- 76 Там же. Оп. 5. Д. 35. Л. 304—308.
- 77 Архив «Мемориала». Фонд И. И. Осиповой.
- 78 Там же.
- 79 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 117—118 об.
- 80 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 909.
- 81 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 347. Л. 246.
- 82 Там же. Л. 246 об.
- 83 Там же. Л. 248.
- 84 Там же. Л. 247—248.
- 85 Там же.
- 86 Там же. Л. 248—249.
- 87 Там же. Л. 249—249 об.
- 88 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 909.
- 89 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 112 об.
- 90 Там же. Т. 61. Л. 227.
- 91 Янсен М. Суд без суда. С. 205.
- 92 ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 87. Л. 39, 35.
- 93 Там же. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 100—100об.
- 94 АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 103.
- 95 По характеристике чекистов, данной ей в конце 1921 г., «происходит из старинной эс-серовской (еще народовольческой) семьи. Умершая в 1919 году мать ее была по-

- другой Брешко-Брешковской <...> Сестра Нина, жена заведывающего в 1919 г. Техническим Бюро при ЦК ПСР Альтовского Аркадия Ивановича, члена ПСР с 1901 г., содержащегося в настоящее время в Бутырской тюрьме, неоднократно арестовывалась. <...> Сестра Вера тоже с.-р., проживает там же (Москва. Гергиевский пер., д. № 8, кв. 7 — К. М.), служит в Главлескоме, замужем за Полянским-Петровым Василием, членом ПСР с 1900 года, организатором боевых дружин в 1917—1918 гг., в настоящее время под фамилией Талалаева Николая Федоровича, содержащегося во внутренней тюрьме ВЧК. <...> Брат Аверкиевых Борис был расстрелян Саргубчека в 1918 г. за участие в подготовке восстания против Соввласти». Чекисты забыли упомянуть еще об одной сестре — Анне, стоявшей в 1921 г. на учете в ГПУ как «центровичка», «рядовой», но «активный» эсеровский партийный работник и работавшей в Главлескоме счетоводом (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 16; См. также о членах семьи: Погубернский список членов антисоветских партий взятых на учет Органами ВЧК по 18 октября 1921 года. М., 1921. С. 90; Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М., 1934. С. 17—18; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 3: Октябрь 1917 г. — 1925 г. М., 2000; Бабина Б. А. Февраль 1922 / Публ. В. Захарова // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. М., 1990. С. 18; ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 172. Л. 180; Ф. 8409. Оп. 1. Д. 27. Л. 342—343). Эсерка М. Л. Свирская, вспоминая о встрече с А. И. Альтовским в 1918 г., так характеризовала эту династию: «В 1918 году, когда я перевозила членов Учр. Собр. на территорию, занятую Комучем, я была два раза в Саратове и там с ним встречалась в с.-ровской семье, Аверкиевых. Мать этой семьи, старушка, судилась по процессу 193-х, четыре дочери и сын. Старшая, Люба, была замужем за Зотом Сазоновым, братом Егора, вторая, Надя, была женой Львова и умерла родами. Вера до революции была в эмиграции. Перед своим арестом в 30-е годы работала в О-ве политкаторжан. На младшей Нине женился Альтовский. Брат летом 1918 года попал в каковую-то засаду и был расстрелян» (Свирская М. Л. Из воспоминаний).
- ⁹⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 16; Погубернский список. С. 90; Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник. С. 17—18.
- ⁹⁷ Янсен М. Суд без суда. С. 205.
- ⁹⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 327. Л. 166.
- ⁹⁹ Там же. Л. 164.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 165.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 91.
- ¹⁰² Там же. Л. 163.
- ¹⁰³ Там же. Л.
- ¹⁰⁴ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 97об., 98.
- ¹⁰⁵ См.: Янсен М. Суд без суда. С. 215; Бабина Б. А. Февраль 1922; Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 834—835.
- ¹⁰⁶ Бабина Б. А. Февраль 1922.
- ¹⁰⁷ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 118об.
- ¹⁰⁸ Там же. Т. 60. Л. 89об.—90 об.
- ¹⁰⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 87. Л. 39, 35.
- ¹¹⁰ Там же. Т. 1. Ч. II. Л. 99, 99об.
- ¹¹¹ Там же. Т. 60. Л. 206.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 210—211об.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 111—111об.
- ¹¹⁵ Цит по: Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г.
- ¹¹⁶ Цит по: Там же.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 339. Л. 249об.

¹¹⁸ Там же. Л. 239.

¹¹⁹ Там же. Д. 338. Л. 286, 286об.

¹²⁰ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 850.

¹²¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 96. Л. 121.

¹²² Архив «Мемориала».

¹²³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 102, 102 об.

¹²⁴ Там же. Т. 60. Л. 98–99об.

¹²⁵ «Вечером 27-го марта дочь моя, Елена Михайловна Гендельман, ученица школы 2 ступени, имеющая от роду полных 14 лет, была арестована в квартире своей подруги вместе с последней и еще тремя девочками, столь же взрослыми ученицами той же школы.

Захваченные отрядом ГПУ пять девочек и трофеи в виде записок, принадлежавших арестованным школьницам и представлявших их попытку изложить свои мысли по вопросам социализма и политич[еской] экономики (как известно, ныне обязательные предметы преподавания в школе), были доставлены в ГПУ. В ГПУ арестованным детям был учинен допрос с пристрастием и запугиванием. Следователь грозил им двумя годами тюрьмы. Для вящей убедительности следователь предъявлял девочкам статью угол[овного] кодекса, карающую за ложные показания. Последний прием представлял явный шантаж, ибо следователь не пояснил, что даже по советским угол[овным] законам (по кр[айней] м[ере] официальным) никто не обязан давать показания, могущие в чем-либо его уличить, если, конечно, есть в чем быть уличенному. Но дело не в этой детали допроса, ибо вся история представляет нечто гораздо худшее, чем шантаж.

...ГПУ обработало дело. Беседы с школьницами товарищами-комсомольцами и каким-то «старшим опытным товарищем» превратились в преступный заговор с целью разложения комсомола. Не высокого же мнения ГПУ об этой организации, если думает, что вся ее работа может полететь вверх тормашками от бесед пяти девочек. Что же касается записки, в которой эти ужасные девочки пытались по одному из вопросов, возбужденному комсомольцами, письменно изложить свои мысли для того, чтобы лучше их продумать и яснее выразить, то этот «документ» был превращен чуть не в прокламацию, имеющую целью подорвать устои советской власти. Хорошо знакомое с историей революционного движения, ГПУ руководилось, видимо, в данном случае прецедентом, установленным в знаменитой истории о пузырьке с касторкой, найденном у студента под конторкой.

Продержавши девочек целую ночь под арестом, ГПУ их на следующее утро освободило, но приняло в отношении них весьма серьезные меры.

Меры эти таковы:

Моя дочь и еще одна девочка исключены из школы.

Девочек обязали еженедельно регистрироваться в ГПУ — с какой целью, неизвестно. Не для того ли, чтобы заменить посещение школы назидательными беседами с комиссарами из ГПУ.

Родители девочек были вызваны в ГПУ для внушения. Не знаю, в чем оно заключалось по отношению к другим родителям, но жене моей грозили, что если «это повторится» (что именно), то ГПУ отправит мою дочь в дом для малолетних преступников.

Это в тот дом, где содержат малолетних проституток, воришек, продавцов кокаина и т. п. правонарушителей. И это не более, как за работу над своим самообразованием и саморазвитием.

Педагоги из ГПУ очевидно полагают, что излечиться от «вредных мыслей» и усвоить коммунистическое мировоззрение наилучше можно в сообществе малолетних проституток и воришек» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 59. Л. 132–134).

¹²⁶ Там же. Л. 135.

- 127 Там же. Л. 136–137.
- 128 Там же. Л. 139–141.
- 129 Там же. Л. 138.
- 130 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 253. Л. 86.
- 131 ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 87. Л.
- 132 Янсен М. Суд без суда. С. 204, 215.
- 133 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 103–103об.
- 134 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 858–859.
- 135 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 727. Л. 20.
- 136 Там же. Д. 1082. Л. 42.
- 137 Там же. Л. 43–45.
- 138 Там же. Л. 50.
- 139 Там же. Л. 52.
- 140 Там же. Л. 55.
- 141 Там же. Л. 56.
- 142 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 104–104об.
- 143 Там же. Т. 110. Л. 28 (конверт).
- 144 Там же.
- 145 Там же.
- 146 Там же.
- 147 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 274. Л. 156.
- 148 Там же. Л. 154 об.
- 149 Там же. Л. 157.
- 150 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 106–106об.
- 151 Там же. Т. 102. Л. 18–18 об.
- 152 Н. М. Донская работала в петербургской организации с 1905 по 1907 г. Затем, по ее собственным показаниям в ГПУ в сентябре 1922 г., «в 1907 году механически по личным соображениям из партии вышла и с тех пор партийной работой не занимаюсь» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 102. Л. 44 об.). Находясь с 1907 г. по 1914 г. в эмиграции, занималась в Мюнхене и Вене живописью, а в 1914 г. вернулась в Россию и уехала вместе с отправленным в ссылку мужем в Тобольскую губернию, где занималась домашним хозяйством и давала уроки. В декабре 1916 г. вернулась в Европейскую часть России, жила в г. Хмельник Подольской губернии, где служила в продовольственной управе и занималась домашним хозяйством. В апреле 1919 г. приехала с мужем в Москву, где работала помощником секретаря в бытовой организации. В мае 1921 г. уезжала в Подольскую губернию на 4 месяца «повидать там своего ребенка» и с декабря 1921 г. стала работать библиотекарем во Всероссийской мясной кооперации. По ее словам, под судом никогда не состояла, но в 1905 г. просидела 3 месяца в тюрьме за принадлежность к ПСР. В 1919 г. была на неделю арестована «за передачу Донскому записки с передачей». Еще на одну неделю была арестована ВЧК в октябре 1921 г. «без предъявления обвинения» (Там же.). В 1924 г. ее уволили со службы без объяснения причин (по мнению Д. Д. Донского, ее уволили «из-за него, ибо со стороны ГПУ против нее возражений не имелось» (Там же. Л. 69)).
- 153 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 102. Л. 75.
- 154 См.: Дмитрий Дмитриевич Донской.
- 155 Там же. С. 348.
- 156 Там же. С. 356.
- 157 Там же. С. 366.
- 158 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II.

- 159 Там же. Л. 109.
- 160 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 113. Л. 15, 15об.
- 161 Там же. Т. 60. Л. 153–154об.
- 162 Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г.
- 163 Янсен М. Суд без суда. С. 215.
- 164 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 118.
- 165 Там же.
- 166 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 317. Л. 34, 35.
- 167 Там же. Л. 35.
- 168 Там же. Л. 35об.
- 169 Там же. Д. 843. Л. 92об.
- 170 Архив Управления ФСБ Томской области. Д. П-8294. Л. 9, 22, 23, 31, 32, 43, 52, 79, 80 (копии документов переданы автору д.и.н. С. А. Красильниковым).
- 171 Там же. Л. 4об.
- 172 Там же. Л. 10.
- 173 Там же. Л. 10об.
- 174 Там же. Л. 12об.
- 175 Там же. Л. 13.
- 176 Там же. Л. 13 об.
- 177 Там же. Л. 81.
- 178 Там же. Л. 82.
- 179 «Следствием установлено, что с 1931 по июнь 1937 г. членами боевого повстанческого штаба Эскиным, Михайловым, Долгоруковым и Пирощком в Нарымском округе была сформирована повстанческая дивизия, в состав которой входили ряд подразделений и отдельных боевых отрядов, возглавлявшихся б. офицерами царской и белой армий (Там же. Л. 78).
- 180 Там же. Л. 91.
- 181 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 125.
- 182 Там же. Т. 60. Л. 44–50 об.
- 183 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 324. Л. 134.
- 184 Там же. Д. 822. Л. 96, 96об.
- 185 Там же.
- 186 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 889–990.
- 187 Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 2. С. 142–143.
- 188 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 889–890.
- 189 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 110–110об.
- 190 Там же. Т. 109. Л. 15–16.
- 191 Янсен М. Суд без суда. С. 204.
- 192 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 123, 123об.
- 193 Там же. Т. 59. Л. 42.
- 194 Там же. Л. 44.
- 195 Там же. Л. 43.
- 196 Там же.
- 197 Там же. Л. 46.
- 198 Там же. Л. 45.
- 199 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 265. Л. 224–226.
- 200 Янсен М. Суд без суда. С. 204.
- 201 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 113–113 об.
- 202 Там же. Т. 58. Л. 89–89об.

- 203 Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 930.
- 204 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 369. Л. 83.
- 205 Архив Управления ФСБ Томской области. Д. П-2726. Л. 153,154 (копии документов переданы автору д.и.н. С. А. Красильниковым).
- 206 Там же. Л. 154, 156.
- 207 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 117об–118.
- 208 Там же. Т. 58. Л. 52.
- 209 Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г.
- 210 Свирская М. Л. Из воспоминаний.
- 211 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 190, 190об.
- 212 Там же. Т. 55. Л. 294, 295.
- 213 Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. С. 193 — 214.
- 214 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 764. Л. 1.
- 215 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 117об., 118.
- 216 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 4. Л. 356, 440.
- 217 Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 2. С. 140–141.
- 218 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1499. Л. 141об, 142.
- 219 Там же.
- 220 Там же. Д. 1492. Л. 148об., 149.
- 221 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1492. Л. 145, 145об.
- 222 Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 2. С. 142.
- 223 См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 840.
- 224 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 101, 101об.
- 225 «Сын вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» процесса с.-р. 1922 г.: Документы и материалы из личного архива В. Н. Рихтера / Сост., комментарии К. Н. Морозова, А. Ю. Морозовой, Т. А. Семеновой (Рихтер). Предисловия К. Н. Морозова, Т. А. Семеновой (Рихтер). М., 2005 (в печати).
- 226 Там же.
- 227 Архив «Мемориала». Архив Цетлиных.
- 228 Там же.
- 229 Там же.
- 230 Там же.
- 231 За три дня до расстрела старосты политзаключенных были извещены, что из Москвы пришло распоряжение о сокращении времени подачи электричества и времени свободного передвижения (с 9.00 до 18.00) по оцепленной по периметру колючей проволокой территории вокруг двух корпусов, где заключенные жили в условиях полной автономии и на началах самоуправления (под охраной часовых на вышках). Старостат отказался принять новые правила, расценив их как первый шаг к установлению в лагере норм тюремного режима. Полная оторванность острова от внешнего мира зимой делала ненужной даже содержание за колючей проволокой, о чем местная администрация неоднократно докладывала в Москву, ходатайствуя о разрешении свободного передвижения политзаключенных по острову зимой. Бессмысленность и политическая подоплека ужесточения режима была очевидной для всех. По приказу начальника Управления Северных лагерей особого назначения ГПУ Ногтева была составлена и прислана из Кремля специальная команда, куда вошли преимущественно надзиратели из проштрафившихся чекистов. Сам Ногтев был известен тем, что во время одной из голодовок эсеров, привезенных из Сибири, сказал им: «Вам давно пора понять, что мы — победители, а вы — побежденные. Мы совсем не собираемся устраивать так, чтобы вам было хорошо, и нам нет дела до вашего недовольства. По-моему, вам гораздо проще сразу повеситься, до такой степени это безнадежно». Появившись в Савватееве днем,

Ногтев вскоре уехал, оставив записку старостам, из которой следовало, что следует объявить на поверке, что прогулка впредь будет завершаться в шесть часов вечера. Так как поверка производилась в 8 вечера, старосты решили, что к текущему дню это не имеет отношения. Мирное решение конфликта было блокировано властями: комендант отдал приказ помешать прогулке еще до шести часов. Характерно и то, что в этот вечер не отбивали на колокольные часы, как это делали обыкновенно, а старосту эсеров члена ЦК ПСР А. А. Иваницкого-Василенко не пустили к коменданту для переговоров.

Первые выстрелы были сделаны еще до наступления намеченного времени, и они были произведены часовыми с вышек в воздух. На выстрелы вышли эсеры, левые эсеры и анархисты (меньшевиком не пустил их староста член ЦК РСДРП Б. О. Богданов), которые заполнили обычные места прогулки. Карательная команда оцепила лагерь с трех сторон (в том числе, и со стороны озера) и после приказов зайти в корпуса не стала теснить заключенных шеренгой, а вопреки ожиданиям заключенных (среди которых были и боевые офицеры), открыла огонь. После первых выстрелов были убиты и ранены три эсера и один анархист. Часть политзаключенных легла, но стрельба продолжалась и по лежащим. После того, как понесли раненых, цепь двинулась на заключенных, ей навстречу направилась группа пытавшихся остановить солдат заключенных во главе с эсером Г. Т. Кочаровским. По ним открыли стрельбу в упор. Сразу было убито пять человек: трое мужчин — Г. Т. Кочаровский, Г. А. Белима-Пастернаков, М. М. Горелик и две женщины: Е. И. Котова (жена Кочаровского) и Н. А. Бауэр. Позже умер еще В. И. Попов. Были ранены эсер Г. Э. Шик и анархист Л. Я. Лебедев. По свидетельствам заключенных, красноармейцы в основном стреляли в воздух, иначе погибших было бы во много раз больше. Прицельно разрывными пулями из английских карабинов стреляли надзиратели из бывших чекистов. Характерно, что помощником коменданта Савватьевского скита был чекист А. И. Рошин, попавший на Соловки за то, что перед этим в пьяном виде угнал автомобиль у иностранного посла.

Вот как описывал в «Социалистическом Вестнике» похороны погибших меньшевик Борис Сапир, бежавший из ссылки за границу в 1926 г.: «Есть опасение, что администрация попытается отнять у коллектива трупы. Организуются непрерывные дежурства, охраняющие все входы в корпуса, мертвецкую. В мертвецкой еще угрюмее и пустынное, чем в других углах корпуса. В большой комнате пять тел. На тюремных топчанах, накрытых окровавленными простынями, они лежат рядом один подле другого. Лица не покрыты. Еще не успели измениться. Сохранили выражение ощущений последних минут жизни. Спокойно будто спит Лиза Котова. Она легче других умерла. Такие, как и всегда, лица Билимы и Н. А. Бауэр. Измученное, подернувшееся желтизной, словно из воска, лицо М. М. Горелика. Редкая бородка, обрамляющая его, кажется приставленной. Ужасное выражение лица у Г. Т. Кочаровского. Пули не пощадили его. Он был на прогулке вместе с женой, убитой рядом с ним Е. И. Котовой. Когда раздали выстрелы, Кочаровский пытался защитить собой жену и шедшую с той еще одну заключенную. Пули сорвали четыре пальца с руки, ранили в живот, пробили спинной хребет. Не приходя в сознание, он дико кричал и стонал от боли. И теперь его лицо отражает эти мучения...

<...> Хоронить разрешили вне тюремной проволоки без речей, как настаивало Управление лагерей. <...> Выбрали место за проволокой и приступили к рытью братской могилы. Трудная это была работа. Почти двое суток, непрерывно сменяясь, группами долбили промерзшую землю, доставали камни, в таком изобилии покрывающие и залегающие в соловецкой почве. <...> Полукруглая церковь. По стенам изображения святых. Узкие окна покрыты решетками. С них видны стоящие внизу на козлах гробы. Стоят они в том же порядке, в каком убитые были между собой связаны в жизни. <...> Утро похорон. Лица убитых открыты. Гробы украшены зеленью — венки из зеленых елей, букеты из еловых веток. У стен

знамена всех фракций скита — три красных, одно черное — анархистское... Знамена сшиты из случайных лоскутков, бывших под рукой. Ленты с именами мертвых. Тяжелая сцена прощания... Длинной чередой проходят товарищи мимо изголовья гробов. Вряд ли была более тяжелая минута, чем эта... Индивидуальное прощание кончилось. Голоса всех сливаются в последнем общем прощании: «Вы жертвою пали борьбы роковой, любви беззаветной к народу». Эти звуки и слова, которыми окрашено все протяжении русского революционного движения, они имеют право огласить древнейший скит Соловецкого монастыря. <...>

Неподалеку от Савватьевского скита холм, с которого виден тюремный корпус. Вблизи лес. На холме высятся насыпь, убранный дерном. Целое лето 1924 г. убирали заключенные могилу, как бы предвидя, что они ее покинут. Насыпь окружена оградой из стволов молодых белых березок и набросанных грудой камней. На насыпи, под которой находится братская могила, лежит большая серая каменная глыба. С одной стороны на ней высечены имена шести убитых. С другой — одна единственная, но об всем горящая надпись: 19-ОЕ ДЕКАБРЯ».

Позже администрация лагеря уничтожила этот своеобразный мемориальный комплекс. В марте 1924 г. Заграничные Делегации РСДРП и Бунда, ПСР, ПЛСР и ССРМ обратились с меморандумом «К социалистическим партиям и организациям», в котором восклицали: «Так оправдалось утверждение русских революционеров, что коммунистический террор ведет не только к жестокой политической изоляции своих противников, но к непосредственному физическому истреблению их. Самые худшие предсказания поблденели перед кошмарами действительности, какую создала власть в своих тюрьмах и концентрационных лагерях для политических узников. За знаменитыми каторжными централами, за режимом Бутырок и внутренней тюрьмы ГПУ восстановило для социалистов средневековую монастырскую тюремную крепость в Суздале, чтобы суровостью этого каземата сломить стойкость революционеров. За Туркестаном, Нарымом и Туруханском сотни и тысячи людей были направлены в ссылку в Пертоминск и Соловки, — куда даже царский режим отказался посылать своих противников. И, — как увенчание здания диктатуры, — соловецкая расправа, когда, по приказу тюремщиков-садовцов из бывших уголовных, стража стреляла в упор в безоружную, беззащитную толпу заключенных.

Соловецкая трагедия увенчивает здание диктатуры. На руководителей коммунистической партии, опьяненных властью над огромной бесправной страной, не производили впечатления ужасающие факты, которыми пестрит за последний год жизнь тюрьмы и ссылки. Хронические голодовки, как единственное средство для самообороны и защиты человеческого достоинства, к которым прибегают сотни политических узников; кошмарные случаи саможжения, которым пытались спастись еще недавно от ужасов режима анархисты, заключенные в Пертоминске; самоубийство 18-летнего юноши Ароновича в Кемпи, самоубийство юноши Сандомира в Соловках, самоубийство одного из „двенадцати смертников“ Сергея Морозова в Москве, купившего смертью отмену „условного“ смертного приговора для своих товарищей по известному процессу с.-р. в 1922 г. Наконец, растущие на этом фоне душевные заболевания людей, теряющих устойчивость перед лицом невероятных страданий товарищей. Но всего этого недостаточно, чтобы побудить кремлевских владык отказаться от ставки на истребление социалистов. И сейчас, когда в соловецкой трагедии явно и неприкрыто воплощается это истребление русских социалистов, анархистов и других пленников режима, — может ли международный социализм, могут ли пролетарские организации всего мира не поднять свой протестующий голос? <...> Социалистические партии и рабочие организации на своих съездах и собраниях, на митингах и в заводских предприятиях, в рабочей печати и во всей своей политической агитации перед массами должны с удесятельной силой продолжать свою работу по защите томившихся в русских тюрьмах и ссылке и мобилизовать все внимание трудящихся масс Европы и Америки к судьбе их. Трагедия в Соловках — это символическое

выражение всего режима партийной диктатуры и террора, — властно призывает к действию. И долг международной братской солидарности настойчиво требует от Вас новой решительной акции».

- 232 Архив «Мемориала». Архив Цетлиных.
- 233 Там же.
- 234 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 786. Л. 330.
- 235 Там же.
- 236 Там же.
- 237 Бабина Б. А. Февраль 1922.
- 238 Олицкая Е. Мои воспоминания. Т. 1. С. 252.
- 239 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 397. Л. 177.
- 240 Там же. Л. 175.
- 241 Там же. Д. 338. Л. 286об.
- 242 Там же. Д. 396. Л. 1.
- 243 Интервью с Т. В. Шестаковой. Записал К. Н. Морозов (Из личного архива автора).
- 244 Семейный архив Т. В. Шестаковой. Эти записки и ряд других материалов выявлены В. И. Битюцким в архиве УФСБ по Воронежской обл. и в копиях переданы Т. В. Шестаковой.
- 245 Обвиняли В. П. Шестакова в следующем:
«а) являясь членом ЦК ПСР на почве к-р деятельности был связан с Всесоюзным нелегальным эсеровским центром, руководившим террористически-повстанческой деятельностью эсеров в СССР;
б) вместе с членом Всесоюзного эсеровского центра Подбельским, создали в Воронеже контрреволюционную организацию, направляя ее деятельность по линии подготовки вооруженного свержения Советской власти и организации тер. актов против руководителей ВКП(б)» (Там же).
- 246 Там же.
- 247 Интервью с Т. В. Шестаковой.
- 248 ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 5. Л. 380.
- 249 Там же. Д. 108. Л. 132об.
- 250 Там же.
- 251 Там же. Д. 391. Л. 17.
- 252 Там же. Д. 1492. Л. 147.
- 253 Там же. Д. 1499. Л. 141об, 142.
- 254 ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 87. Л. 39.
- 255 Семейный архив Т. В. Шестаковой.
- 256 Олицкая Е. Л. Мои воспоминания. Т. 1. С. 266–268.
- 257 Янсен М. Суд без суда. С. 214.
- 258 Подробнее см.: Янсен М. Суд без суда; Литвин А. Л. Азевф второй; Журавлев С. В. Человек революционной эпохи: Судьба эсера-террориста Г. И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 87–105; Судебный процесс над социалистами-революционерами.
- 259 ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 124–125.
- 260 Там же. Л. 107–107об.
- 261 Там же. Л. 114.
- 262 Там же. Л. 121.
- 263 Там же. Л. 108, 108 об.
- 264 Иофе В. В. Реабилитация как историческая проблема // Мир после Гулага: Реабилитация и культура памяти. Второй международный симпозиум памяти В. В. Иофе. Сыктывкар, 10–11 сентября 2003. Сборник докладов. СПб., 2004. С. 9.

- ²⁶⁵ Даниэль А. Ю. Концепция реабилитации в контексте политического развития конца 1980-х — начала 1990-х // Там же. С. 17–18.
- ²⁶⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 123, 123об.
- ²⁶⁷ Там же. Л. 112 об.
- ²⁶⁸ Там же. Л. 106 об.
- ²⁶⁹ Там же.
- ²⁷⁰ Там же. Т. 58. Л. 94.
- ²⁷² Там же. Л. 93.
- ²⁷² Иофе В. В. Реабилитация как историческая проблема. С. 9.
- ²⁷³ Красильников С. А. Восемьдесят лет спустя: Процесс 1922 г. глазами Генпрокуратуры РФ // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года: история, идеи, традиции демократического социализма и судьбы участников левого сопротивления большевистскому режиму // <http://socialist.memo.ru>. На этом сайте вы можете увидеть фотографии героев книги и другие иллюстративные материалы по процессу с.-р. 1922 г., а также там размещен именной указатель к данной монографии.